

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н44

Серия основана в 1995 году

Эта книга от начала и до конца придумана автором. Конечно, в ней использованы некоторые подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако события, место действия и персонажи, безусловно, вымышлены. Совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Все права защищены, ни одна -из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме и любом виде без разрешения автора и издателя. За информацией следует обращаться в ООО «Издательство АСТ».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.04.05.
Формат 84X108/и. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 10 000 экз. Заказ 1178.

13ВИ 5-17-030433-1 (ООО «Издательство АСТ»)
15ВИ 5-7390-1658-4 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)
13ВЫ 985-13-3701-3 (Харвест)

О СоруццИ/Бу ЕнеПнсНЬеишпхку, Оеппату, 2005
© ООО «Агентство «КРПА «Олимп», 2005
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2005

Пролог

Вернувшись из магазина, мать принесла Сергею сегодняшнюю газету, и сейчас, сидя в инвалидной коляске, Дергачев увлеченно читал подборку заметок, в которых известные люди обсуждали, нужен ли закон об ограничении показа насилия и секса на телевидении. Читал с жадным интересом, поскольку проблема эта касалась его напрямую. А что ему еще остается делать — читать да телевизор смотреть. Больше он в своей коляске ни на что не способен. За шесть лет отец лишь один раз нашел Сергею возможность немного подработать. Ему привозили домой из сувенирной артели коробки с разноцветным картоном и веревочками, из которых он делал праздничные сумочки-пакеты для подарков. Сварганил Сергей за неделю тысячу сумочек — получил тысячу рублей. Другой работы не было. Одно время на горизонте замаячил регулярный приработок — плести из синтетических ниток красивые мочалки. Подобное ремесло оказалось ему по силам, почти освоил премудрость. Да тут, как назло, на безобидных продавцов этих самых мочалок наехал рэкет. Платить за копеечный бизнес было просто смешно, и дело заглохло.

Вот и получается, что он теперь только читает и смотрит телевизор. А на экране драки с утра до вечера показывают. Ему эти потасовки видеть донельзя про-

тивно, сразу вспоминается прошлое. Но не то, когда он дубасил других, это бы еще куда ни шло, даже приятно. А вспоминается сразу, как незнакомые мужики подстерегли его поздно вечером и так отделали, что стал он с тех пор инвалидом. Места живого не оставили — переломали ребра, ключицу, вышибли зубы. Но главное — повредили позвоночник. Так что придется ему теперь до скончания дней сидеть в коляске. Знакомые говорят — радуйся, что не убили. А ему иной раз кажется, что лучше бы убили. Как же обрыдла эта неподвижность!

В тот вечер они с ребятами крепко выпили. Был бы он трезвый, может, оказал бы тем подонкам достойный отпор. Но спяну-то где возьмешь силы сопротивляться? Сергей не видел, кто на него напал, но надеялся это выяснить. Милиция, как всегда, никого не поймала. Стражи порядка пришли к выводу, что это нелепая случайность, и дело закрыли. Поэтому теперь он без конца напоминал знакомым ребятам: узнайте, кто на меня напал.

По горячим следам это сделать было бы проще. Однако Сергей пришел в себя после нападения месяца через два с хвостиком, то есть говорить о горячих следах уже не приходилось. Но надежды на то, что преступников рано или поздно найдут, он не терял. Набросились на него несколько человек. Когда-нибудь кто-нибудь из них обязательно кому-нибудь расскажет об этом случае. Почему бы не похвастаться по пьяной лавочке или случайно, потеряв бдительность, не проговориться, как удалось отделать самого Дергача.

И точно — развязался язык у одного типа. Совсем недавно удалось узнать, что «заказал» избить Дергачева некий Андрей. Этот Андрей пострадал в свое время от компании Сергея. Как же это произошло? Учился

Андрей в музыкальном училище на певца, у него, говорят, был выдающийся талант к пению. Но когда зимой Сергей и его подручные, ограбив, избили парня, а потом оставили лежать на снегу, да вдобавок без шапки, у того пропал голос. То есть он не онемел, конечно, говорить может, а петь ему уже никогда не придется.

Вообще с этим Андреем непонятно что вышло. Зачем он им понадобился? Чутье подвело. Увидели аккуратное модное пальто и кожаную сумку в руке под названием барсетка... И почему Сергею вдруг плеснуло в голову, что это дилер?! Добро бы тот из машины вылез. Так нет же, топал пешком. Парень стал сопротивляться, вот Серега со своими ребятами и надавали ему по мордам от всей души. Хорошо, что хоть какие-то купюры нашлись в его сумочке. Студент запросто мог оказаться и безденежным.

Посмотрел Сергей его документы. У Дергача не было привычки, как у других воров, подбрасывать ксивы хозяевам. Некоторые так делают: деньги оставляют, а документы выбрасывают. Дергачев считал, что это лишний повод наследить. Нет уж, лучше пусть лежат. Правда, есть опасность, что во время обыска они ментам попадутся на глаза, тогда плохо. Но ведь обыски редко случаются, про них заранее узнать можно и подготовиться. Пока же, как он думал, пусть лежат, мало ли для чего пригодятся? Иногда кое-что продать можно, тоже навар.

Вот теперь, ворованные документы игодились, когда Сергей узнал про своего «заказчика». Нашелся Андрей Всеволодович Серебров.

В сумочке, которую у него тогда отобрали, были документы: паспорт, зачетная книжка и студенческий билет. Паспорт Дергачев продал одному мужику, которому надоело выдавать себя за беженца из Таджикистана. Потом, будучи еще здоровым, Сергей загнал и студенческий билет. Он не думал, что такая фитюлька

кого-то заинтересует, но, оказывается, по нему можно куда-то проходить за полцены. Осталась только зачетная книжка, из которой следовало, что учился Серебров в местном Институте культуры. Но вроде бы не доучился — потеряв голос, ушел. Пытались его найти — но не живет он больше в Перми. Куда уехал — неизвестно. Вот тут-то бы паспорт с пропиской пригодился.

А так опять придется Сергею надеяться на случай, ждать, пока его враг не появится на горизонте. Делать нечего, придется запастись терпением и ждать, коротая время за телевизором. Скорей бы приняли этот закон! Совсем уж неважноту стало Сергею от телемордобоев. Теперь Дергачеву по душе более спокойные передачи. Сегодня, например, можно посмотреть концерт, посвященный Дню милиции. Уж там-то обойдутся без драк и убийств.

Часть первая

ВСЕ ЯСНО И ПРОСТО

Глава 1

ПРАЗДНИЧНЫЙ КОНЦЕРТ

В четверг, 11 ноября 2004 года, на следующий день после праздничного концерта, посвященного Дню милиции, начальник охраны Дворца государственных торжеств полковник Самокатов подал в отставку.

При этом известии люди, знавшие молодого амбициозного полковника, совсем недавно назначенного на заметную в военной номенклатуре должность, безмерно удивлялись. Узнав о причине отставки, удивлялись уже тому, что Самокатов подал рапорт не в тот же вечер, а назавтра.

Концерт в честь Дня милиции — это нечто большее, чем ведомственное мероприятие. Попасть на него мечтает сотрудник любого ранга, имеющий хоть малейшее отношение к Министерству внутренних дел. Пригласительный билет на ежегодный концерт является пусть мелкой, но все-таки наградой, овеществленным в бумаге знаком признания того, что ты в этой сфере целиком и полностью свой человек. Сколько

сил прилагается для того, чтобы получить сложенный вдвое лист мелованной бумаги с золотым тиснением, какие драмы разворачиваются вокруг него, какие интриги плетутся — Шекспир отдыхает. Большинство обладателей билетов мигом преобразуются и по всякому поводу небрежно упоминают, что вечером 10 ноября они заняты — идут на праздничный концерт. Легко догадаться: чем раньше получишь вожаделенное приглашение, тем дольше сможешь трезвонить о предстоящей вылазке. Однако загодя билеты получает лишь высокое начальство. Остальные до последнего момента ведут изнурительную борьбу за право обладания заветным листком.

О посещении концерта можно упоминать и тогда, когда тот давным-давно прошел. Однако эффект при этом не тот, уже разит хлестаковщиной. Требуется удачное стечение многих факторов, чтобы ты мог ввинтить в разговор что-нибудь типа: «Нет, нет, господа, я совершенно точно помню, что в День милиции был вынужден плестись на концерт во Дворец госторжеств».

Само собой, для большого начальства такой поход не в новинку, для них это привычное ежегодное мероприятие. Для тех же, кто приглашен впервые, это, конечно, событие первостепенной важности. Чтобы понять охватывавшие новичков чувства, достаточно перечитать те страницы «Войны и мира», где юная Наташа Ростова готовится к своему первому балу.

Не менее упорная борьба разгорается и по ту сторону рампы — за право выступать в одном из самых значимых концертов года. То обстоятельство, что концерт транслируется по телевидению в прайм-тайм и дает дополнительную известность, это полдела. Главное, ты становишься для милиции своим человеком и при случае можешь звякнуть туда, обратиться с какой-нибудь просьбой. Мало ли что стряется в жизни! Во всяком случае, любой участник такого концерта пре-

красно знает, что проблем с техосмотром или регистрацией автомобиля у него уже никогда не будет. Уже одно это делает попадание в число участников праздничного концерта заманчивым.

Не следует забывать, что в зале присутствуют первые люди страны. Понравишься — они могут тебя запомнить и при случае пригласить на какой-нибудь закрытый концерт. Там ведь сидят руководители всех силовых ведомств, многие министры, депутаты. В этот раз милиционеров приехал поздравить президент страны. Одним словом, есть перед кем стараться.

Организаторы приглашают не абы кого — патентованных артистов. По традиции, лишь одно новое имя может быть представлено в таком концерте. Понятно, что этот счастливец сразу становится популярным. Все остальные хорошо известны публике, встречают их на ура, и они не позволяют себе халтурить. Поют исполнители на совесть, да и одеваются, как положено в приличном месте. На площадках, предоставленных для обычных афишных концертов, люди творческие выпендриваются кто во что горазд, а здесь выглядят более или менее строго, как и полагается на торжествах. Взять хотя бы экстравагантную Людмилу Репину. Зрители только ахают, глядя на ее умопомрачительные наряды. Эту длинноволосую блондинку журналисты называют секс-бомбой нашей эстрады. Ее пышная грудь вечно вываливается из декольте, юбки короткие, словно шорты, иной раз выйдет в рваных джинсах, с голым животом или в прозрачной блузке. Многое поражало в ее арсенале: блестящие боты на огромных платформах, королевские мантии, разноцветные парики. В этот раз она сменила свой имидж и выглядела на удивление скромно — была одета в простое розовое платье, правда слегка напоминающее ночную рубашку, но все же оно было ниже колен, без декольте, с круглым воротом. Привычную ярко-красную губную помаду певица замени-

ла на менее кричащую. И самое удивительное — Репина исполнила новые, очень хорошие песни.

Смена репертуара особенно поразила публику. Пожилые силовики, конечно, далеки от музыкальной попсы, и им было трудно по достоинству оценить преобразование Репиной. Но в зале присутствовало достаточно много молодежи: чьи-то жены, дети... Все были покорены выступлением Людмилы. Выйдя в первом отделении последней перед антрактом, Репина исполнила три песни, одна лучше другой. Причем слова и музыка песен были написаны ею самой. Особенно зрителей восхитила бархатная, обволакивающая «Осенняя элегия».

Когда после третьей песни она скрылась за кулисами, публика устроила ей такую овацию, которой могла бы позавидовать сама Алла Пугачева. Ни один из выступающих перед Репиной не имел подобного успеха. Ритмичные аплодисменты тысяч рук, заставлявшие вспомнить о петербургском резонансе, из-за которого в свое время рухнул пешеходный мост, буквально сотрясали зал.

Грохот аплодисментов долго не смолкал. Певицу вызывали на поклоны. Однако она уже не могла выйти при всем желании. Стоило Людмиле Репиной после выступления удалиться за кулисы, как она была наповал убита выстрелом в голову.

Глава 2

ТРУП ЗА КУЛИСАМИ

Узнав об этом трагическом происшествии, начальник охраны Дворца торжеств окончательно и бесповоротно решил подать в отставку. Кстати, еще до начала концерта эмоциональный Самокатов вообще был близок к тому, чтобы наложить на себя руки. Хотя по

сравнению с убийством тот случай можно считать сущим вздором — кто-то из проходивших во Дворец государственных торжеств зрителей оторвал провод металлодетектора.

Случайностью это назвать трудно. Теоретически можно уронить на провод что-то тяжелое, тогда он оторвется. Однако никто ничего не ронял, иначе это «что-то» лежало бы рядом или на полу была разбита керамическая плитка. Самокатов даже допускал, что кто-то из подслеповатых зрителей мог пройти не с той стороны ворот и зацепил провод ногой. Однако это утешало мало. Чтобы оторвать провод, нужно приложить немало силенок. Скорее всего, кто-то сделал это умышленно.

В брежневские времена те, кто имел честь наносить визиты в здание ЦК КПСС, видели на вахте странную картину: у входных дверей плечом к плечу стояли сержанты внутренних войск и прапорщик КГБ. Такая практика возникла с легкой руки Бровеносца, считавшего, что стабильную работу способна обеспечить только конкуренция различных спецслужб, система сдержек и противовесов. Система двойных караулов казалась полковнику Самокатову правильной, и, став начальником охраны, он снова внедрил ее во Дворце государственных торжеств. Однако то, что срабатывало в советском госаппарате, оказалось неэффективным в нынешних условиях. Вместо здоровой конкуренции у обеих сторон появилось безразличие — каждый надеялся на другого. Так произошло и на этот раз. Возле рамы неработающего металлодетектора началась форменная кутерьма, охранники растерянно принялись разбираться что к чему, каждый торопился доказать свою непричастность к досадному инциденту. В тот момент им было не до проверки, и, прежде чем раму металлодетектора перекрыли, несколько зрителей могли просочиться без досмотра.

Вызванный с другого этажа Самокатов в тот мо-

мент расслабился..И зря. Ему нужно было сразу бить во все колокола и усиливать режим. Полковник же явно растерялся. Он начал размышлять о том, произошла ли досадная случайность или поломка подстроена нарочно и, если был умысел, для чего это понадобилось. В голову лезли какие-то экзотические варианты, вроде того, что командированному из Сибири — почему-то Юрий Алексеевич заикнулся на Сибири — нестерпимо захотелось посетить в Москве Дворец государственных торжеств. Лишь когда очередь дошла до очевидного — злоумышленник мог пронести взрывное устройство, начальника прошиб холодный пот. Он приказал охранникам утроить внимание, в случае чего — подозрительных моментально выводить из зала. Однако ничего из ряда вон выходящего не случилось, и он постепенно стал успокаиваться.

Про оторванный провод металлодетектора начальник охраны сразу рассказал старшему помощнику генпрокурора Турецкому, который проводил осмотр места происшествия вместе с дежурной оперативно-следственной группой, почти молниеносно прибывшей с Петровки, 38.

Тут же пронесся слух, что разгневанный президент из-за убийства покинул дворец. На самом деле протоколом было предусмотрено, что на второе отделение он не остается. Однако это мало кого успокоило. Во всяком случае, находившегося в зале генерального прокурора Кудрявцева раньше никто не видел в таком паническом состоянии. Президент приказал ему взять следствие под свой контроль. Генпрокурор срочно вызвал на место происшествия заместителя и помощника. Благо обоих, Константина Дмитриевича Меркулова и Александра Борисовича Турецкого, застали дома. Причем Александра Борисовича, в известной мере, случайно: он заезжал в управление угро, где отметил

с Грязновым и его сотрудниками профессиональный праздник. Потом хотели с Грязновым завалиться в ресторан «Пронин» на Лубянке, да решили, что сегодня туда не протолкнуться. Только вернулся домой, раздался звонок:

— Немедленно во Дворец государственных торжеств.

— Неужели во всей прокуратуре, кроме Турецкого...

— Сейчас не до шуток, — строго предупредил Константин Дмитриевич, уловив его настроение. — Я уже выезжаю. Там произошло убийство.

Они прибыли во дворец почти одновременно, Меркулов на несколько минут раньше. Ему было приказано осуществлять надзор за следствием, Турецкому — возбудить уголовное дело и провести в кратчайшие сроки расследование.

Ситуация сложилась — хуже не придумаешь. Концерт транслировался по телевизору, отменять его не то что нельзя, а даже технически сложно. Но и состояние выступающих можно понять: о каком вдохновении можно говорить, если в нескольких метрах от сцены лежит труп известной молодой артистки!

Теперь участники выходили на сцену из левых кулис. А с правой стороны работала оперативно-следственная группа — осматривали место происшествия и допрашивали свидетелей. Репина лежала на спине, левая половина ее лица была залита кровью. Пуля попала в висок певицы. Рядом валялись два букета, из-за чего казалось, будто ее уже хоронят.

— Точнехонький выстрел, — хмыкнул судмедэксперт Гаркавенко.

— Так ведь убийца-то находился рядом, — объяснил Турецкий.

— Даже для близкого расстояния точность завидная. Видимо, хорошо тренирован. С каждым днем растет и крепнет мастерство наших киллеров!

Несмотря на мрачный характер своей работы — с утра до вечера вскрывать «криминальные» трупы, круглолицый толстощекий Гаркавенко являл собой воплощенное жизнелюбие, острил по каждому поводу.

Меркулов приказал начальнику охраны:

— Приготовьте список всех артистов. Пускай охранники отмечают время прибытия остальных. Из тех, кто выступил, никого пока не отпускайте.

Он представил себе нетерпение и раздражительность артистов, оказавшихся невольными заложниками, и в то же время знал, с каким интересом они будут следить за действиями следователей, лелея уверенность в том, что те вот-вот обнаружат убийцу. И лишь у одного из них затаился страх.

Протоколы допроса свидетелей оформлял дежурный следователь из Мосгорпрокуратуры Алексей Величко. Поскольку за кулисами было много народу — музыканты, подтанцовка, бэкграунд, режиссеры, после выстрела там царил полная неразбериха. Видимо, благодаря этому хаосу убийце удалось скрыться. О нем в этот вечер ничего не удалось узнать. Да и вообще хоть какую-то пользу следствию мог оказать только рассказ начальника охраны про оторванный провод. Из вещественных доказательств наверняка пригодится гильза от «Макарова». Сам пистолет сколько ни искали — не обнаружили.

Трудно было установить, пропало ли что-нибудь из вещей Репиной в артистической комнате. Во всяком случае, в сумочке лежали и золотые часы, и деньги, и документы, и мобильник. Была даже записная книжка, которая топорщилась от вложенных в нее визитных карточек, талончиков к врачам и противоречащим им абонеентам в разные фитнес-клубы.

Поскольку в момент убийства музыканты, работавшие с Репиной, еще не покинули сцену, Турецкий решил для начала поговорить с руководителем ансамбля саксофонистом Клушиным. Хотя у него было сто-

процентное алиби, но тем не менее пообщаться стоило. И заодно не мешало бы показать ему список[^]всех участников концерта.

— Зачем? — удивился Клушин.

— Чтобы вы посмотрели и назвали потенциальных врагов Людмилы Николаевны.

— Я даже смотреть не стану, — сказал саксофонист. — Вы же хотите узнать, кого из тут присутствующих можно подозревать в первую очередь. Для этого мне и список не нужен. При всем желании мне трудно представить, что кто-то из этих людей способен на убийство. Хотя насолила она многим. Больше всего Грише Микенскому, своему первому мужу. Это кларнетист из ансамбля «Залив страстей». С режиссером Женей Каблуковым официально они не были расписаны, ему Репина тоже сделала много гадостей. Сева Ноговицын был ее прежним продюсером, недавно они вдрызг разругались. Ну а остальные получали от нее по мелочам. Многие побывали у Людмилы в любовниках.

— Вы тоже?

— На гастролях пару раз переспал с ней по ее настоятельной просьбе. Она считала, что регулярный секс необходим для здоровья. Тогда так сложились обстоятельства — под рукой никого не оказалось, кроме меня.

— Какие отношения были у нее с вашим ансамблем?

— Терпеть можно, — вяло признался Клушин и, перехватив взгляд следователя, пояснил: — Мы привыкли делить «пирог» на равные части, независимо от того, кто что делает: играет, поет, пляшет, ставит звук. А Людмила потребовала себе сорок процентов.

Микенский, Каблуков и Ноговицын уже уехали, оперативники быстро выяснили их домашние адреса и телефоны. Первый жил далеко от центра, в Ясенево.

Второй в двух шагах от Дворца торжеств, на Спиридоновке.

Галя Романова сама вызвалась съездить в Ясенево. Оттуда потом ей было удобно добраться в Черемушки. Володя отправился на Спиридоновку. Ему и оттуда домой в Бескудниково добираться предстояло очень долго, а уж про Ясенево и подумать страшно. Поремский поехал к Ноговицыну на проспект Мира.

Направляясь к выходу, Турецкий оглянулся: в глаза бросилось очерченное мелом место, где раньше лежал труп.

Глава 3

ДЕВУШКА ИЗ ПРОВИНЦИИ

Кодовый замок подъезда многоэтажной громады был настроен простейшим образом — сработал при наборе номера квартиры. Послышался удивленный женский голос:

— Кто там?

— Милиция. К Григорию Евсеевичу.

— А что случилось?

— Откройте, пожалуйста. Мы по поводу происшествия во Дворце государственных торжеств.

После маленькой заминки раздался легкий щелчок. Галина Романова с оперативником вошли в подъезд и хотели подняться на третий этаж пешком, но сразу бросилось в глаза, что там очень грязно.

Выйдя из лифта, они очутились перед запертой дверью, ведущей в общий для всех четырех квартир холл. Милиционер не успел поднести руку к кнопке звонка, как дверь открыл худощавый мужчина лет пятидесяти.

— Григорий Евсеевич, мы по поводу убийства Людмилы Репиной.

— Убийства Репиной?! — поразился кларнетист. — О чем вы? Какой Репиной?

— Вашей бывшей жены — Людмилы Николаевны.

— Что-то, господа, вы не то говорите. Или произошла путаница. Я ее сегодня видел. Она находилась в добром здравии и выступала в праздничном концерте. Если вы представители правоохранительных органов, то сегодня, как говорится, ваш день.

Раскрыв свое удостоверение, Галина показала его Микенскому.

— Мне нужны очки, — признался тот.

К Микенскому подошла женщина, стоявшая в глубине квартиры. Изящная брюнетка в голубом халате, посмотрев удостоверение, коротко бросила:

— Заходите.

Романова и милиционер прошли в квадратный коридор двухкомнатной квартиры. Поскольку у Галины была точно такая же «двушка», она словно очутилась у себя дома. Сходство усиливала похожая вешалка и настенные украшения.

Без особого радушия, даже с некоторой опаской, хозяева предложили поздним визитерам пройти в гостиную и выпить чаю, но незваные гости от угощения отказались.

— Мне можно присутствовать при разговоре? — спросила женщина.

— Вы супруга Григория Евсеевича?

- Да .

— Принципиальных возражений по этому поводу у нас нет, но, честно говоря, предпочтительней, если мы поговорим с вашим мужем наедине.

Когда жена Микенского покорно вышла, прикрыв за собой дверь, Галина, подсев к журнальному столику, достала бланк протокола и ручку. Заполнив справочные реквизиты, она спросила:

— Григорий Евсеевич, скажите, пожалуйста, в ко-

тором часу вы сегодня покинули закулисное помещение Дворца государственных торжеств?

— Часов в восемь.

— Точно не помните?

— С точностью до минуты — нет. Я не смотрел на часы.

— До или после выступления Репиной?

— Кажется, во время. По-моему, она как раз находилась на сцене. Но вы объясните мне, в чем дело. Я же должен знать, чего вы хотите.

— Людмила Николаевна была убита за кулисами сразу после выступления.

— Как? Каким образом?

— Выстрелом из пистолета.

Кларнетист недоуменно помотал головой, словно пытаясь избавиться от какой-то помехи:

— Так ведь там народу всегда полно. Как в автобусе в час пик.

— На это преступник и рассчитывал. Много народу — легче затеряться.

— Но ведь и свидетелей много.

— Опять же поведение каждого легче вспомнить, если народу мало. А так... — Романова развела руки в стороны, словно демонстрируя тщетность поисков.

— Если вы приехали сюда, значит, меня тоже подозреваете. Но ведь когда я уходил, Людмила в добром здравии стояла на сцене.

→ Григорий Евсеевич, в аналогичных ситуациях бывшие мужа проверяются, находишь они в момент убийства хоть за тридевять земель. Вы же сегодня оказались в двух шагах от места преступления.

— Но ведь я уходил, когда она еще пела.

— Сначала вы сказали «кажется».

Микенский помолчал, глядя на Галину, что-то записывающую в бланке протокола. Когда она подняла глаза, он вздохнул:

— Мне нечего добавить. Естественно, я не убивал.

Турецкий и начальник угро Грязнов не без оснований считали, что Галину легко разжалобить. Поэтому они при каждом удобном случае повторяли ей, что внешность обманчива и при допросе необходимо подавлять эмоции, которые могут помешать объективности. Романова прекрасно помнила заветы начальства, однако сплошь и рядом их нарушала. Вот и сейчас — она была настолько уверена в невинности этого тихого интеллигентного музыканта, что допрашивала его лишь для проформы, не пытаясь уличить во лжи или в каких-нибудь противоречивых показаниях.

— Скажите, вы кого-нибудь подозреваете в убийстве Репиной?

— Нет.

— Что вы можете сказать про режиссера Каблукова?

— Евгений — милейший человек. Некоторое время они жили гражданским браком. Потом вдрызг рассорились, и Людмила сожгла его машину.

— Откуда известно, что это сделала именно она?

— Вот уж не помню, от кого услышал впервые. Но в МОМА, так сокращенно называется московское объединение музыкальных ансамблей, об этом долго говорили.

— Очень интересно, но подробности, я думаю, нам расскажет сам Каблуков. А сейчас мне бы хотелось узнать вашу личную историю. Как вы познакомились с Людмилой Николаевной, как жили, когда развелись.

— Как мы жили, — хмыкнул Микенский, — так это врагу не пожелаешь. Кошка с собакой живут лучше. А познакомились, когда она впервые поехала с нашим ансамблем на гастроли по райцентрам Костромской области. Это было пятнадцать лет назад. Людмила тогда приехала из Муром, практически без сценического опыта, и прослушивалась во многих ансамблях. Голос у нее был хороший, но, для того чтобы

взять певицу в коллектив, ведь нужно для нее вакантное место. Обычно это дело случая. Именно так у нас и произошло: неожиданно заболела солистка, и наш руководитель в спешке взял Репину. Чем она понравилась мне, так это своей скромностью. Я привык к тому, что солистки обычно капризничают, требуют к себе постоянного внимания, ворчат из-за отсутствия развлечений. Днем такие носятся по магазинам, а после концерта предпочитают застолье. Люда же была — сама скромность. В свободное время гуляла, читала. Всем была довольна. Наши музыканты, кроме меня, были женаты, так она на них — ноль внимания. Если было нужно о чем-то попросить, то она обращается только ко мне. И что совсем меня доконало — однажды захожу в ее номер, а она вышивает. Неужели, думаю, не перевелись в наши дни тургеневские девушки?! Короче говоря, вскоре мы поженились.

— У вас большая разница в возрасте?

— Четырнадцать лет, а это, по-моему, не катастрофа. Итак, мы поженились, и тут моя Людочка мгновенно преобразилась.

— Наверное, прописавшись у вас? — понятно спросила Романова.

— Да. Точнее сказать, преобразилась буквально на следующий день после прописки. У меня была хорошая квартира на улице Герцена — не привыкну к тому, что сейчас она называется Большая Никитская, от родителей осталась. Чудесное место рядом с площадью Восстания, то бишь нынешней Кудринской. Там прошли лучшие годы моей жизни. Но с Людиными истериками, с ее капризами, с ее выходками, о которых сейчас вспоминать противно, я бежал оттуда без оглядки, лишь бы не терпеть адских мучений.

Приведа пару примеров неэтичного поведения Репиной, он замолчал. Галина, окончив писать, сказала:

— Вам нужно подписать протокол допроса.

- Так это был допрос? — удивился Микенский.
— А вы как считаете?
— Я думал, мы просто мило беседовали.

Глава 4

СОЖЖЕННАЯ ИНОМАРКА

Кодовый замок на дверях подъезда не позволил проникнуть внутрь наиболее популярными способами. Пришлось позвонить Каблукову по домофону. Невидимый собеседник отвечал бодрым, хорошо поставленным голосом. Он долго не соглашался открыть дверь, сомневался, что к нему пожаловали из милиции. Впустил он Яковлева и милиционера лишь после того, как Володя повысил голос и намекнул, что его противодействие будет служить одним из косвенных доказательств причастности к убийству Репиной.

Дверь открыл седоватый крепыш с модной щетиной, заменяющей нынче усы и бороду. Даже под порослью было заметно, что лицо этого нестарого человека испещрено морщинами. Он был одет в джинсы и пеструю бургерскую безрукавку. Прежде чем пригласить неожиданных визитеров в квартиру, Каблуков долго вертел в руках удостоверение Яковлева.

— Я смотрю так тщательно не только потому, что сейчас на каждом шагу слышишь про оборотней в погонах. Просто мне с трудом верится в ваше объяснение про убийство Репиной. Почему же вдруг убили молодую известную певицу, которая сегодня выступала в праздничном концерте? Вы расскажете мне, как это произошло?

Несмотря на молодость, Володя часто сталкивался с фальшивым недоумением, напоминающим искреннее.

— Вообще-то, Евгений Владимирович, я предпо-

чел бы задавать вопросы, а не отвечать, — сказал он. — Всему свое время. Если вы что-то не знаете, то выясните это позже.

— Про убийство Репиной я, конечно, не знаю.

— Но вы прекрасно понимаете, что человек, некогда близкий Репиной, а затем конфликтовавший с ней, — при этих словах Каблуков очумело потряс головой, — не может быть оставлен милицией без внимания. К тому же во время выступления певицы вы находились за кулисами. Кстати, сегодня вы разговаривали с Людмилой Николаевной?

— Нет, только раскланялись.

Наступило минутное замешательство. Наконец, хозяин квартиры поинтересовался:

— Ко мне-то вы зачем пришли? Обыск делать?

— Пока мы просто хотим задать несколько вопросов. Возможно, это поможет в поиске преступника.

— Тогда чего же мы здесь стоим — проходите.

Он провел визитеров в большую комнату с невероятно высоким потолком, какой им давно не приходилось видеть. Возле одной стены стоял дорогой тренажер — беговая дорожка.

— Это жена занимается, — объяснил Каблуков, перехватив взгляд Яковлева.

— Она сейчас дома?

— Нет, повела немецких коллег на какой-то вернисаж. Она художница.

Володя и Каблуков сели за круглый стол под старинной люстрой. Милиционер устроился на стуле в сторонке.

— Евгений Владимирович, расскажите, пожалуйста, нам вкратце историю ваших отношений с Людмилой Николаевной.

— Боюсь, после такого рассказа вы станете подозревать меня гораздо больше, чем без него, — улыбнулся Каблуков и опять посерьезнел. — Мы познакомились, когда я ставил программу в Театре эстрады.

Тогда, помнится, мне понравилось ее отношение к делу. Людмила ничего не требовала, безропотно выполняла все мои указания и не жалела времени на работу. Очень часто некоторые артисты отпрашиваются на радио, на телевидение. А Людмила безропотно уступала всем свою очередь, говорила, что подождет, так как она никуда не торопилась. Представляете? Когда у нее было свободное время, она сидела в зале и вязала. И выглядела такой спокойной, домашней — прямо не женщина, а эдакое воплощение уюта. Его-то как раз мне в то время и не хватало. Я тогда был разведен и жил на съемной квартире. Людмила была на редкость внимательна: то поесть принесет, то спросится о моей дочке или о здоровье, то вызовется предупредить кого-нибудь из артистов о переносе репетиции. Одним словом, стала добровольной помощницей, вроде секретарши. В любом споре она принимала мою сторону, даже если я заведомо был не прав. Если же я вдруг менял свою точку зрения, то и у нее она менялась.

— Душечка, — вставил Яковлев.

— Совершенно точно. Она, дескать, полностью растворилась во мне. Ну и была, к тому же, молодой, эффектной. Я, дурак, хвост распушил, стал рисоваться перед ней. Людмила почти всегда оставалась до конца репетиции. Могла уйти раньше, но нет — сидела. И вот однажды вышли мы с ней после репетиции на улицу. А там дождь лил как из ведра. Зонтика не оказалось ни у нее, ни у меня. Она же в своей самоотверженности дошла до того, что собралась сбежать за такси. «Что вы, Люда, — говорю, — надеюсь, я все-таки мужчина». Сбежал за такси я, поймал возле «Ударника» машину и довез Репину до дома. Она мне говорит: «Вы, пока ловили машину, насквозь промокли, так можно простудиться. Давайте зайдем ко мне, обсохните». Одним словом, зашел я к ней да и остался. Утром, правда, заметил одну вещь, которая меня слег-

ка покорила. На стуле в коридоре лежала ее расстегнутая сумка, а в ней — складной зонтик. То есть она специально сделала из меня жертву стихийного бедствия, чтобы потом спасти. Но я ничего не сказал. Ладно, думают раз милая женщина так во мне заинтересована, будем вместе. Тем более что в загс она меня не тянула.

И как все банально началось, таким же образом и закончилось. Я подрядился ставить в Театре оперетты американский мюзикл. Бюджет был огромный, мощный промоушен...

— «Дикий почтовый голубь»? — уточнил Яковлев.

— Да, вы, конечно, об этом слышали. Вдруг Людмила сказала, мол, хочет сыграть в нем главную роль. Напрасно я с пеной у рта доказывал, что у нее нет ни внутреннего задора, ни нужной энергетики. Она настаивала. Но я не сдался и утвердил на эту роль Ларису Уфимцеву. Люда надулась, но промолчала. Вскоре после этого я получил хороший гонорар и купил новую иномарку. В первую же ночь мою машину сожгли. Ни застраховать, ни зарегистрировать ее я не успел. Вечером Люда ушла и больше не вернулась.

— Вы-то где ночью были?

— Спал.

— И никто из соседей не предупредил, что ваша машина горит?

— Так никто же не знал, что это моя. Я ее только купил.

— М-да, — протянул сидевший возле двери милиционер.

Яковлев почесал затылок.

— А ее последнего мужа вы знаете?

— Я их сам и познакомил. У меня был период увлечения теннисом. Сначала я днем ходил на динамовские корты на Петровке в компании со знакомым поэтом. А когда начал репетировать «Дикого почтового голубя», то мог играть только по утрам. Тогда у меня

и появился новый партнер — Светличный. Как-то я пригласил Владимира Георгиевича на какой-то свой спектакль, где они с Людмилой и познакомились.

В это время раздался звук отпираемой входной двери.

— Жена пришла.

— Надеюсь, своим присутствием мы вас не скомпрометируем, — сказал Яковлев, — тем более что сейчас уходим. Вы собираетесь в ближайшее время уезжать из Москвы?

— Вроде бы нет. Но иногда меня приглашают знакомые в другие города...

— Подписку о невыезде мы с вас брать не будем. Но если вам понадобится уехать, предупредите на всякий случай, пожалуйста. Вот наши телефоны.

Глава 5

ЗВОНК ГИТАРИСТА

Оформив на следующее утро следственные документы. Меркулов и Турецкий наметили стратегический план расследования дела.

— Начнем с извечного вопроса «кому это выгодно?», — сказал Константин Дмитриевич.

— Если исходить из того, что известно об этой публичной личности, то мотивами могут быть скорее всего деньги и в меньшей степени зависть.

— Ну, из зависти только Сальери отравил Моцарта, других случаев не припомню. Да и то теперь эту версию отвергают.

— Значит, деньги. Или, скажем, зависть к деньгам. В шоу-бизнесе крутятся большие суммы. Вдруг Репина кому-то перебежала дорожку, схватила выгодный гастрольный тур. К тому же нужно учесть, что ее муж работает в нефтяном бизнесе.

— Олигарх?

— Не знаю, насколько можно применить к нему этот громкое слово, — ответил Турецкий, — но он занимает в отрасли ключевой пост. А ведь с тех пор как начался нефтяной бум, там все прилично разбогатели. Даже на весьма скромных постах.

— Хочешь сказать, что могли убить жену, чтобы отомстить мужу за какие-то финансовые дела?

— Возможен и такой вариант. Больше того — подобную версию я числил бы одной из главных, но меня смущает место убийства. Почему в Репину стреляли именно за кулисами Дворца торжеств?

Меркулов помолчал, машинально вертя в руках карандаш.

— Вчера мне там повстречался Перевалов из управления ГАИ, — после паузы сказал он. — Кирилл же входит в элиту, традиционный посетитель концертов в честь Дня милиции. Искренне изумлялся: «Что-то совсем не видно знакомых лиц».

— Ясный перец, — кивнул Александр Борисович. — Так много народу пристраивается к виновникам торжества, что последних за ними просто не видно.

— Вдобавок было много промышленников. Для них там повертеться — вопрос престижа. Но они-то попадают туда не за красивые глазки, а потому что спонсируют представление. Поэтому в любом случае бизнес со счетов не сбрасывай. Ты звонил вчера ее мужу?

— Да. Выразил соболезнования.

— Он психанул?

— Не без этого. Кричал, что не пожалеет никаких денег, лишь бы найти убийцу. Естественно, сразу помчался в морг.

— Когда ты с ним увидишься?

— Хотел навестить его сегодня утром. Но у него назначены переговоры с бизнесменами из Аргентины,

которых якобы целый год уламывали сюда прилететь. Поэтому отменить встречу он не мог, но пообещал приехать сразу после ее окончания.

— Ну и ладненько. Ты тем временем познакомься с его биографией. Они, кажется, женаты сравнительно недавно, и сдается мне, Репина раньше не отличалась монашеским поведением. Нужно взять на карандаш предыдущих мужей, любовников. Вдруг там треугольники-многоугольники. Теперь, господин руководитель оперативно-следственной группы, скажи, какие у тебя кадровые проблемы?

Турецкий попросил, чтобы ему в помощь выделили двух следователей: опытного Курбатова из Следственного управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры, а также молодого Величко из Московской прокуратуры. Из оперативного состава Александр Борисович взял в бригаду своего любимчика Грязнова, нынче являющегося заместителем начальника главка уголовного розыска МВД, и в придачу молодых оперов — Галю Романову и Володю Яковлева, которые вчера уже начали дознание.

Слушая этот перечень, Меркулов приговаривал:

— Все сливки снимаешь. Что другим останется?

— Так ведь погибшая — незаурядная личность, — усмехнулся Турецкий. — Объективности ради, нужно признать.

— Ну, коли так, против тебя не устоишь... Пресс-центр подготовил сообщение?

— По «Маяку» уже читали.

В сообщении, про которое они вспомнили, были указаны телефоны, по которым просили позвонить всех, кто может своими показаниями помочь следствию.

Опыт показывал, что подобные воззвания эффективны только по горячим следам. Обратись к радиослушателям через месяц, маловероятно, что кто-нибудь откликнется. Головы забиты десятками других

происшествий. А вот в первые же дни свидетели нередко объявляются. Так и сейчас — вскоре Турецкому позвонил молодой человек, представившийся гитаристом группы «Яблочко-ранет», которая во вчерашнем концерте выступала за три номера до Репиной. Стало быть, когда она пела, музыканты «Яблочко-ранета» уже переоделись и погрузили свои инструменты в микроавтобус.

— Мы уже собирались отчалить, — рассказывал гитарист, — когда к нам подошел какой-то парень и спросил, куда, мол, едете, коллеги. Ответили, что в Крылатское. Он сказал, что страшно торопится и попросил разрешения доехать с нами до ближайшего метро. Вышел на Арбатской площади.

— Вы запомнили его лицо? Смогли описать бы?

— Пожалуй. Внешне он немножко смахивает на джазового гитариста Джанго Рейнхардта.

Договорились, что гитарист и еще один музыкант из их группы, у которого хорошая зрительная память, прямо сейчас заедут к Гале Романовой и помогут составить фоторобот своего случайного попутчика.

Глава 6

РАЗГОВОР С МУЖЕМ

Муж Репиной, Владимир Георгиевич Светличный, прибыл к Турецкому около четырех часов. Переговоры нефтяника с аргентинскими коллегами проходили успешно, они вместе пообедали, сдобрив трапезу обильными возлияниями. Правда, еды было столько, что алкоголь подействовал на Светличного не сразу, иначе бы часовые МУРа его не пропустили. Однако сейчас, в кабинете Турецкого, Владимира Георгиевича заметно развезло, ему было трудно контролировать свои чувства, поэтому вспышки агрессивности к неизвест-

ному убийце сменялись слезливыми стенаниями о погибшей жене. Так же трудно было ему скрыть неприязнь, которую он испытывал к вопросам следователя, да и к нему самому. Александр Борисович частично списал поведение Светличного на стрессовую ситуацию, в которой тот оказался, а по большей части отнес его выходки к особенностям вздорного характера.

Светличный был на десять лет старше Репиной. Безупречный темно-синий костюм от дорогого кутюрье, удачно подобранный галстук, швейцарские часы, элегантные очки без оправы — все это свидетельствовало о его успехе в жизни. Холеное лицо с седыми усиками, аккуратная стрижка, орлиный нос — таким обычно и представляешь себе настоящего олигарха. А уж глядя на его барственные замашки, понимаешь, что этот человек привык только повелевать.

Выразив сочувствие его горю, Турецкий спросил:

— Вы подозреваете кого-либо, кто мог пожелать смерти вашей супруге?

— Нет, случившееся для меня как гром среди ясного неба. Я не слышал, чтобы у нее были с кем-либо совсем уж неприязненные отношения. Поэтому мне даже интересно посмотреть на этого негодяя, которого я готов растерзать на мелкие кусочки.

— То есть Людмила Николаевна хорошо отзывалась о своих коллегах?

— Нет, как раз отзываться плохо она вполне могла, вернее, насмешливо. Особенно язвительно говорила о женщинах: у одной нет голоса, другая не способна подобрать нормальный репертуар, третья безвкусно одевается. Но ведь это говорилось не в глаза — дома, мне, человеку, далекому от их мира. Уверен, что ее коллеги тоже говорили о Людмиле в том же духе. У артистов это считается нормальным. При встрече они целуются и осыпают друг друга комплиментами с головы до ног, а за глаза выливают друг на друга ушаты грязи. Но ведь антагонистических противоречий

между этими очаровательными людьми нет. Все-таки ведомственная солидарность между ними существует, и в трудную минуту они друг друга поддерживают. Вон Киркоров облаял ростовскую журналистку, так все эстрадники его выгораживают.

— Вы часто бывали свидетелем того, как Людмила Николаевна общалась с коллегами?

— Предельно редко. Хотя при желании мог бы ходить хоть каждый день на разные пьянки-гулянки. У них то премьера, то презентация нового альбома, то юбилей. Можно даже не ужинать дома, а болтаться по тусовкам. Но ведь у меня своих дел выше крыши.

— Может быть, ваша супруга вела дневник?

— Насколько мне известно, никакой дневник она не вела. У Люды не было подобных склонностей.

— Владимир Георгиевич, до вас доходили разговоры жены про организацию гастролей — выгодных или невыгодных, про конкуренцию. Кто ее продюсер?

— Последним был Сева Ноговицын. На днях Людмила с ним поссорилась.

Турецкий многозначительно сделал брови «домиком»:

— Получается, у нее были не такие уж безоблачные отношения со всеми. Вы сказали, Ноговицын был последним продюсером. Значит, раньше Людмила работала с другими?

— Конечно. Одни уходили, другие сразу занимали их место.

— Все-таки сразу появлялись. Значит, работа эта привлекательная?

— Вроде бы продюсеры зарабатывают прилично.

— Обычно уходом с хорошей работы сопутствует скандал. Почему же вы никого не подозреваете? Может, кто-то из обиженных Людмилой продюсеров решил отомстить ей за то, что она лишила его хорошего заработка?

Владимир Георгиевич пожал плечами:

— Не знаю, при каких обстоятельствах они уволились. Может; более выгодное место находили. Надо проверить.

— Проверим, — кротко кивнул Александр Борисович. — Вы лично кого из ее продюсеров знали?

— Мы женаты пять лет. За это время у нее сменились три продюсера. Знал я их в основном понаслышке.

Турецкий понял, что пользы от Светличного — как от козла молока. Он живет в своем нефтяном бизнесе и, кроме него, мало что видит.

— Бывает, люди не придают значения каким-то чисто бытовым вещам, считают их несущественными мелочами, — сказал Александр Борисович, — а вот следователям, оперативникам они могут поведать очень многое. Поэтому нам, возможно, не сегодня-завтра понадобится осмотреть вашу квартиру. Вы уж, пожалуйста, ничего пока не трогайте. Оставьте все, как было при ней.

В этот момент Светличный находился в благодушном настроении.

— Смотрите, если это вам поможет.

Глава 7

В КОМПАНИИ С ФОТОРОБОТОМ

Прошли почти сутки, а дело не сдвинулось с мертвой точки. Турецкий был совершенно спокоен. Он понимал, что сейчас нужно хвататься за любую зацепку, собирать от бедности любые мелочи, и в один прекрасный момент все эти молекулы создадут нужное вещество. Пока же происходит то, что он называл периодом разброда и шатания. Это очень противный этап расследования, и его желательно преодолеть без паники. У Александра Борисовича был случай, когда

на пятнадцать часов его вызвали с отчетом в Генеральную прокуратуру, а утром он не имел еще ни одного донесения от оперативников. Однако знал, что к двенадцати получит все. И получил. А через три часа уже доложил о ходе следствия, да так, что его доклад приняли на ура.

Галя Романова принесла фоторобот человека, который напросился в попутчики музыкантам «Яблочка-ранет», когда те уезжали из Дворца торжеств.

Когда нет особых примет, то фоторобот так же похож на оригинал, как изнанка ковра на его лицевую сторону. Создается лишь самое общее представление о человеке. Сейчас, например, можно понять: парню под тридцать, овальное лицо, короткие темно-русые волосы расчесаны на пробор, длинноватый нос. Глаза, как показалось музыкантам, у него крыжовенного цвета. Но сколько таких парней бродит по городу! Всех останавливать — сил не хватит. Вдобавок никто не утверждал, что он убийца. Это всего лишь один из подозреваемых. Может, человек действительно куда-то спешил и случайно вышел именно в то время из дворца.

— Я уже получил список всех участников вчерашнего концерта, — сказал Володя Яковлев. — В первую очередь фоторобот придется показывать им.

— В первую очередь покажи мне список, — хмыкнул Турецкий.

Сейчас они сидели в его кабинете втроем: Романова, Яковлев и Александр Борисович, который, прочитав список, присвистнул:

— Ишь ты! Оказывается, среди прочих за кулисами вчера побывал и Всеволод Сергеевич Ноговицын собственной персоной. Интересно, под каким соусом он там оказался.

— Тут указано: директор ансамбля «Золотой запас». Директор — то же самое, что продюсер, — объяснил Яковлев.

— А кто такой Ноговицын? — поинтересовалась Галина.

— Один из тех людей, кому не следует показывать фоторобот для опознания, — сказал Турецкий. — Дело в том, что до недавнего времени он был продюсером Репиной. Вряд ли они расстались большими друзьями. Даже если бы он вчера вечером во Дворце торжеств не присутствовал, мы бы все равно поинтересовались, где он был в это время. Каким номером выступал этот «Золотой запас»?

Галина посмотрела программу:

— Шестым. А Репина — десятым.

— А «Яблочко-ранет»?

— Седьмым.

— Ясный перец. Когда Репина пела на сцене, музыканты «Яблочка» уже переоделись и грузили инструменты в автобус. «Золотой запас» к тому времени вообще мог уехать. Но ребята могли и остаться за кулисами, никто их не прогонял. Мало ли что им было надо — кого-то хотели послушать или решили потусоваться, пообщаться с коллегами. Насколько я заметил, там ведь и халява имела место.

— Шампанское и бутерброды, — почему-то поморщился Яковлев. — У них всегда так.

— А ты хочешь, чтобы там стояла водка и к ней шашлыки! — возмутился Турецкий. — Тогда бы оттуда точно никто не ушел.

— И кроме Репиной еще кого-нибудь пристрелили, — добавила Галина.

— Это точно. — Александр Борисович посерьезнел. — Значит, так: необходимо показать фоторобот десятку-другому людей из тех, кто толпился за сценой с семи до девяти. Уточните, в котором часу уехали участники «Золотого запаса». Выясните, все ли вместе они отчалили или порознь. Главное — установите, когда уехал Ноговицын.

Оперативники молча смотрели на него.

— Все, — подвел черту Турецкий. — Или у вас есть какие-нибудь вопросы?

После паузы Романова сказала:

— Александр Борисович, я часто слышала от вас, что нельзя хвататься только за ту версию, где все кажется ясным и простым.

— Глупо было бы мне отказываться от своих мудрых слов.

— Мне кажется, эта версия плоха как раз тем, что здесь все ясно и просто. Убита певица, которая разругалась со своим продюсером. Он в это время был за кулисами. Значит, он убийца.

Турецкий почесал затылок:

— То есть вы, Галя, предлагаете оставить Ноговицына в покое и забыть о нем.

Романова поняла, что сморозила глупость, и поспешно добавила:

— Проверить, разумеется, надо. Только нужно разрабатывать и другие версии тоже. Помню, «желтые» газеты раньше много сплетничали про любовников Репиной. Тоже ведь большой резерв потенциальных мстителей.

— Боюсь, если очередь дойдет до любовников, погрязнем мы в этом деле до конца наших дней, — вздохнул Александр Борисович. — Поэтому начнем с ближайших сотрудников.

Глава 8

ДЕРЕВЕНСКИЙ ОТШЕЛЬНИК

В этот же вечер, чтобы побыстрее опросить как можно больше людей, Романова и Яковлев посетили, порознь, репетиции нескольких музыкальных групп. Свои визиты они начинали с того, что показывали фоторобот. Глядя на него, никто не идентифицировал

изображенного мужчину с продюсером Ноговицыным. Только на наводящий вопрос, похож ли этот человек на Всеволода Сергеевича, следовал неуверенный ответ, мол, что-то общее есть. Уверенных подтверждений не последовало.

Энергичного, вездесущего Ноговицына хорошо знали многие эстрадники, его имя было у всех на слуху. Он был из тех лю'дей, с которыми вечно что-нибудь случается, происходят всякие трагикомические истории. Если он в поезде спяну похвастается своими доходами случайному попутчику, тот обязательно окажется сотрудником налоговой полиции. Если дирекция клуба отменяет концерт из-за телефонного звонка анонима, сообщившего о подложенном в зале взрывном устройстве, можно не сомневаться, что артистов привез именно Ноговицын. Как-то зимой он с ансамблем отправился выступать в сельскую глубинку. Ехали по морозу, жутко намучались, устали и проголодались. Но их ждали — зрители уже собрались. Музыканты сразу начали переодеваться, и вдруг в последний момент выяснилось, что ударник забыл палочки.'

Кстати, сам Всеволод тоже грешил невероятной рассеянностью. Если собрать все джинсы и магнитофоны, которые он забыл на гастролях при многочисленных переездах из одной гостиницы в другую, можно открыть целый магазин.

Самая нашумевшая история, и Ноговицын сам любил рассказывать об этом, произошла в одном южном городе, куда он привез юмористическую программу. Одновременно там гастролировала популярная киноартистка. Директор филармонии галантно отдал красивой женщине все лучшие площадки, а ноговицынским сатирикам предоставил те, что попроще. Никакой рекламы там не было. Благо, Всеволод захватил с собой из Москвы несколько пачек маленьких афишек. Он договорился с командиром авиационного

звена, что тот разрешит одному самолетику сбросить их над городом. Однако когда афиши начали выбрасывать, то на изнемогающий в течение многих дней от знойной безветренной погоды город налетел порыв шквалистого ветра, и все афишки унесло на кладбище, находящееся в двух километрах.

Почти все собеседники оперативников подтвердили, что на вчерашнем концерте видели Всеволода, даже разговаривали с ним. По приблизительным расчетам получилось, он был во Дворце торжеств с половины седьмого до начала девятого. Репина была убита в десять минут девятого.

Музыканты его нынешнего ансамбля «Золотой запас» сказали, что сразу после концерта продюсер собирался по личным делам во Владимирскую область. У него там домик в деревне, нужно было кое-что подготовить к зиме: отключить воду, отнести к соседям электроплиту и телевизор, иначе к весне их могут умыкнуть.

— Это только говорится — домик. На самом деле его точнее назвать коттеджем.

— Кто же едет в такую даль на ночь глядя? — удивился Яковлев.

— Сева всегда ездит рано утром или поздно вечером, когда на дорогах мало машин. Тогда он добирается до своей деревни за три с лишним часа. В часы пик туда и за пять не доехать, из Москвы будешь два часа выбираться.

Домашний телефон Ноговицына до сих пор не отвечал. Как объяснили музыканты, скорее всего, продюсер поехал вместе с женой. Кажется, вылазка в деревню была ее инициативой. Мобильник упорно талдычил о том, что абонент временно недоступен. У музыкантов «Золотого запаса» нашлось объяснение и для этого. Деревня Ноговицына находится в так называемой «мертвой зоне», по какому-то неудачному стечению обстоятельств туда не доходят волны усили-

телей. Если Сева хочет позвонить оттуда, ему нужно выйти далеко на шоссе или забраться высоко на дерево. Тогда есть шанс. Сколько он собирался там пробыть? День, от силы — два. Ноговицын и не любит долго торчать там из-за отсутствия связи, он все дела по телефону делает.

— Зачем же он покупал дом в такой глуши?

— Раньше там не было проблем. В доме стоял обычный телефон, можно было вести междугородные разговоры. Однако летом сильный ураган порушил много столбов, порвал провода. Связь прервалась, и на восстановление, видимо, нет денег.

Время от времени оперативники наудачу набирали номер Ноговицына, и в одиннадцатом часу случилось чудо — он откликнулся. Романова так обрадовалась, что, даже не представившись, спросила:

— Всеволод Сергеевич, где вы находитесь?

— Возле Петушков, еду в Москву. А кто это?

— С вами говорит оперуполномоченный управления уголовного розыска МВД Романова. Я хотела задать несколько вопросов по поводу убийства певицы Репиной.

— Что?! — завопил собеседник, и в это время связь прервалась. Восстановить ее, несмотря на старательные попытки Галины, не удалось, абонент вновь был недоступен.

Александр Борисович, которому Романова тотчас позвонила домой, отнесся к ее взволнованному сообщению с олимпийским спокойствием.

— Маловероятно, что этот Ноговицын хлопнулся при таком известии в обморок. Опять, наверное, въехал в какую-нибудь «мертвую зону».

— Да вряд ли такие есть совсем близко от Москвы. Может, он вовсе не сюда едет, а рванул в другую сторону.

— Теоретически возможен и такой вариант. Верится в него с трудом. Догадываетесь, Галочка, почему?

— Тогда все будет ясно и просто.

Глава 9

О ПОЛЬЗЕ МЫТЬЯ МАШИНЫ

У Леонида, водителя микроавтобуса группы «Яблочко-ранет», существовала собственная теория насчет мытья транспортных средств, в которую он непоколебимо верил. Он утверждал, что чем чаще машина соприкасается с водой, тем это для нее вреднее. Выношенную им не столько в наблюдениях, сколько в размышлениях истину молодой водитель был готов отстаивать даже под страхом смертной казни. Поэтому его «Газель» мылась предельно редко, практически все лето Леонид игнорировал автомойку и уж тем более не делал этого самостоятельно. К тому же он давно сформулировал несколько законов автомобильной подлости, один из которых гласил: стоит помыть машину, как обязательно пойдет дождь.

Однако сейчас на дворе стоял ноябрь, дело неукоснительно близилось к зиме. Если грязь на «Газели» останется и замерзнет, потом ее смыть будет чрезвычайно сложно. Придется то и дело бегать с ведром за горячей водой. Поэтому Леонид, скрепя сердце, принялся за столь муторное дело на следующий день после милицейского праздника, несмотря на то что сегодня «Яблочку-ранет» предстоял выезд на концерт в Подмосковье.

Надо отдать ему должное, во всех своих действиях Леонид руководствовался принципом «редко, да метко». Уж если мыл машину, то так, что она выглядела, будто сейчас сошла с заводского конвейера. Дело не ограничивалось внешней стерильностью. Он и салон пылесосил, и протирал специальными салфетками приборную панель, мыл «Мистером мускулом» стекла с обеих сторон, драил резиновые коврики. Как раз, приподняв один коврик, Леонид обнаружил между ним и порожком маленький прямоугольный

значок. На черном фоне был изображен серебристый скрипичный ключ и написана римская цифра XX.

Леонид уже был готов выбросить значок, который к тому же сломан — без иголки, как вдруг вспомнил вчерашнего попутчика, ехавшего с ними от Дворца торжеств до Арбатской площади. «Газель» была до отказа забита инструментами, поэтому тот ехал стоя, спиной к двери * Открывать дверь в таком положении было несподручно. Парень с трудом справился с ней и, спрыгивая на тротуар, задел курткой край двери. Андрею даже показалось, что упала оторвавшаяся пуговица. Но было уже темно, и вокруг шел чудовищный поток машин. Попутчика сразу след простыл, он быстро нырнул в подземный переход.

Сегодня группа собиралась сразу после репетиции ехать на выступление в подмосковный дом отдыха. В назначенное время Леонид припарковался у дома клавишника, где репетировали ребята, и ждал их.

Первым в автобус забрался ударник по прозвищу Бу^асы, и водитель показал ему свою маленькую находку.

— Улика, — сразу авторитетно изрек Бутсы.

Надо заметить, ударник не имел к спорту вообще и к футболу в частности ни малейшего отношения. Более далекого от спорта человека даже представить трудно. Появление его прозвища было связано с тем, что музыканты «Яблочка-ранет» очень любили разгадывать кроссворды, и ударник Игорь считался тут первейшим эрудитом. Он знал весьма замысловатые слова, мог угадать название горной вершины в Венесуэле или фамилию румынского филолога XVII века. Но и на старуху бывает проруха. Однажды в кроссворде попался вопрос «Спортивная обувь». «Четыре буквы, последняя «ы», — дал наводку заполнявший клеточки Семен. «Кеды! — раздались уверенные голоса. — Пиши». — «Погодите! — урезонил ребят Игорь. — Может, это бутсы». — «Там же пять букв». — «Как пять? — удивился ударник. — Неужели два «ц»?!»

Тем не менее даже после того конфуза его коэффициент интеллекта среди соратников по-прежнему оставался высоким, и к суждениям ударника прислушивались с таким же пиететом, как и прежде. Когда в автобусе появился гитарист Семен, Бутсы настоятельно посоветовал ему отдать значок следователю, который интересовался вчерашним попутчиком.

— При случае звякну, — согласился тот.

— Зачем тянуть! Позвони туда сейчас.

— Неохота. Они меня там сегодня с этим фотороботом заколебали.

Слова гитариста мало соответствовали правде жизни. Можно было подумать, будто муровцы замучили его придирками. На самом деле это Семен довел их до белого каления, скрупулезно пытаясь довести изображение на фотороботе до совершенства.

— Позвони, Сема! — настаивал Бутсы. — С Петровкой нужно поддерживать хорошие отношения. Мало ли что.

Оптимистический намек ударника был сильным козырем. Гитарист позвонил, и уже по голосу Александра Борисовича понял, как сильно заинтересовала того находка. Следователь буквально затрепетал, сказав, что сейчас прилетит за значком кого-нибудь из оперативников. Однако музыканты решили обойтись без жертв со стороны силовиков. Они великодушно согласились проехать мимо Петровки, 38, а там их уже нетерпеливо поджидал вышедший на улицу Володя Яковлев.

Дешевый алюминиевый значок был из числа тех, выпуском которых небольшие организации отмечают свои юбилеи. Для следователей он содержит больше информации, чем для музыкантов. На обратной стороне имеются крошечные выпуклые буквы ТЮФ. Не составило труда выяснить, что это Теремковская ювелирная фабрика. Тут же отправили запрос — кто и когда заказал этот значок, каким тиражом он выпущен.

Глава 10

ПРОДЮСЕРСКИЕ СТРАДАНИЯ

Поездка Ноговицына во Владимирскую область была единственной проблемой, которую он, да и то невольно, создал следственной группе. Вернувшись в Москву, в пятницу утром Всеволод Сергеевич пришел на допрос точно в назначенное время.

Перед Турецким сидел сорокалетний брюнет с одутловатым бледным лицом, на котором выделялись близко посаженные карие глаза. Они были такими круглыми, что казались испуганными.

Александр Борисович заранее поинтересовался его подноготной и узнал, что на заре туманной юности Ноговицын провел шесть лет в местах не столь отдаленных. Будучи организатором рок-группы «Великолепная семерка», этот не в меру предприимчивый человек загремел в тюрьму за фарцовку и спекуляцию валютой. В противоречие с тогдашними законами вступил потому, что ему привозили из-за границы тряпки, музыкальные инструменты, пластинки, а он здесь их перепродавал.

— Всеволод Сергеевич, в чем заключаются ваши функции как продюсера?

— У каждого продюсера есть своя специфика. Одни меньше занимаются административными делами, поручают их помощникам, для других на первом месте бизнес. Я возглавляю творческий процесс, финансирую артиста, занимаюсь его продвижением в средствах массовой информации. Короче говоря, делаю то, что сейчас обозначается достаточно противным словом «раскрутка».

— Это относится только к молодым певцам?

— К любым. Если пустить дело на самотек, если артист на три-четыре месяца выпадет из обоймы, зрители могут его забыть за милую душу. Не помелькает

по телевизору, и все — пиши пропало. Далеко за примером ходить не нужно: так произошло с Репиной.

— Прекрасно, что мы так органично подошли к вопросу о Репиной, из-за которой вы, собственно говоря, и вызваны сюда, — удовлетворенно сказал Турецкий. — Чем объяснить потерю ее популярности? Ведь начинала она круто.

— Репина оказалась на обочине нашей эстрадной жизни. Лет пять назад Людмила вышла замуж за крупного нефтепромышленника, который тогда работал в Малайзии. Не самое удачное место для российской певицы, мечтающей о популярности. Прожила она там два года, вернулась — и все нужно начинать сначала. А я тогда был в форме, сделал два хороших проекта, вот она ко мне и обратилась.

— Почему же вы с ней расстались?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Если не понимаете, могу объяснить, — медленно произнес Александр Борисович. — Дело в том, что в воскресенье вы были за кулисами Дворца торжеств. Недавно вы с Репиной разругались, питаете к ней не самые теплые чувства. Дворец вы покинули примерно, я подчеркиваю, через несколько минут после ее гибели. Сами подумайте, что может прийти следователю в голову после сопоставления этих фактов.

Суровый тон не смутил Ноговицына.

— Ну, разве что ушел вскоре после убийства, — невозмутимо произнес он. — Это подозрительно. А с точки зрения испытываемых симпатий львиная доля присутствующих запросто могла пристрелить Людмилу.

— Почему вы решили, что Репину застрелили?

— Разве это секрет? Позвонил клавишнику из ее ансамбля, он мне и сказал. Тоже, кстати, от горя не рвет на себе волосы — так Людмила доставала всех своим вздорным характером.

— Почему же вы согласились работать с ней?

—Согласился я работать с одним человеком, а позже пришлось с другим. Людмила, безусловно, изменилась в худшую сторону. Ее поразила типичная звездная болезнь. Она стала чванливой, высокомерной, капризной. А последнее время буквально хамила мне, во всяком случае, говорила гадости постоянно. Стоит вспомнить подробности ее выкрутасов, как давление подскакивает. Просто свинья неблагодарная. Несла ахинею, будто я ее обворовываю, навариваю на ней деньги. Стала договариваться о концертах напрямую, минуя меня, не предупреждая об этом. Я договариваюсь насчет афишных выступлений в Новосибирске — она вдруг заявляет, что в эти же дни собирается на юбилей какого-то банка в Ярославль. Такое происходило не раз. Людмила получала наличные деньги, а я тем временем платил, по ее милости, неустойку. Кто же кого, спрашивается, «кидал»?!

Всеволод Сергеевич разволновался и принял таблетку, после чего продолжил плакаться в жилетку:

— В конце концов дело дошло до того, что Репина занялась элементарным шантажом. Я организовал тур по Ростовской области, а перед отъездом она вдруг заявила, что два концерта из девяти пропустит — ее пригласили сниматься в новогодней телепередаче. Я говорю, что билеты уже продаются, деньги за аренду зала перечислены. Она уперлась как баран — уеду и все тут! Больше того, потребовала, чтобы гонорары за два отмененных концерта я ей заплатил. У меня от такой наглости зашел ум за разум. А когда я возмутился, Людмила начала угрожать, что в случае чего сообщит в налоговую полицию про полученные где-то мною наличные деньги. Якобы доказательства у нее есть: тот разговор, когда я сообщил ей про те деньги, у нее записан на магнитофон. Я потом звякнул ее бывшему продюсеру, так тот даже удивился: «А ты не знал, что ли?! Эта мегера все разговоры записывает».

— Вас напугала перспектива заявления в налоговую полицию?

— Не очень. Не такая уж там астрономическая сумма, отделался бы штрафом. За подобные угрозы не убивают.

— Ясно, — кивнул Турецкий. Пока у него не содалось однозначного мнения о личности продюсера. Не мог он понять, когда тот искренен, а когда фальшивит. Поэтому Александр Борисович не торопился с вопросами. Пытаясь выбрать тактику, задавал промежуточные. — Теперь скажите мне, пожалуйста, как вы уезжали в воскресенье из Дворца торжеств?

— На своем джипе.

— Вы где его оставляли?

— За Манежем, возле Кутафьей башни.

— И до машины вы дошли пешком?

— Разумеется.

— Всеволод Сергеевич, чтобы полностью развеять малейшие недоразумения, мы устроим вам встречу с пассажирами «Газели», которые утверждают, что подвозили похожего на вас человека.

— Они меня знают?

— Дело не в этом. Они составили фоторобот своего попутчика. Некоторые утверждают, что изображенный там человек похож на вас.

— Пожалуйста, пусть смотрят, сколько влезет. Убить ее я не мог при всем желании: у меня и пистолета отродясь не было. А вообще-то, должен вам заметить, Людка пала жертвой собственной жадности. Сколько раз ей, дурихе, говорили: возьми себе телохранителя, сейчас это в порядке вещей. Ведь случаются всякие эксцессы, особенно на гастролях. Она уже собралась раскошелиться, да ей показалось, что это дороговато. Муж хоть и олигарх, а скупердяй, каких еще поискать надо. Потом, когда стало известно, что в Европе в моде телохранительницы и для представителей шоу-бизнеса они вообще являются частью имиджа, Людмила

загорелась обзавестись секьюрити в юбке. Особенно когда такие появились у Земфиры и Примадонны. Ей даже подыскивали чуть ли не чемпионку по восточным единоборствам, да опять все уперлось в деньги.

— И еще один вопрос, Всеволод Сергеевич. Когда наша сотрудница разговаривала с вами впервые, вы ехали возле Петушков. В это время пропала связь. Почему?

— Батарейка в телефоне разрядилась.

Глава 11

ЧУЖИЕ ПЕСНИ

Вечер накануне похорон жены Светличный решил провести дома. Людмила Николаевна часто уезжала на гастроли, поэтому ему было привычно проводить время в одиночестве. За день столько общаешься с людьми, столько до хрипоты споришь на разных совещаниях, что вечером не грех посидеть в тишине, почитать. Правда, сегодня, когда в голове остались только мысли о погибшей жене, ему было не до чтения, да и тяготило одиночество. Поэтому Владимир Георгиевич охотно согласился на то, чтобы к нему приехали следователи. Он даже предупредил, что без них не станет ужинать.

— Значит, придется выпивать, — сделал вывод Турецкий, поговорив с ним, и обратился к Романовой: — Поэтому, Галочка, мы с Володей поедem вдвоем.

— Да у меня и тут дел на сегодня хватит. Мне понятно, почему вы не берете меня с собой, — сказала Галина. — У вас чисто эгоистические соображения: чтобы вам больше водки досталось. Уверена, за столом все дела решатся успешно.

Новый элитный дом, в котором жил Светличный, находится совсем близко от Петровки, поэтому Ту-

рецкому и Яковлеву было легко проявить завидную пунктуальность: они появились ровно в семь часов. Хозяин сразу провел их в огромную кухню, где был сервирован стол. Следователи подумали, что это постаралась домработница, но оказалось, Владимир Георгиевич хотел поразить их собственными кулинарными способностями: для этого он поджарил свиные отбивные, которые получились жестковатыми. Зато поразили своей безупречностью все салаты и закуски — но они были куплены в ближайшем супермаркете.

Предсказания Романовой о том, что мужчины решат дела за столом, оказались близки к реальности. После пятой рюмки Светличный предложил сыщикам чувствовать себя как дома, брать для пользы следствия любые вещи и повел их осматривать квартиру.

Для трудящегося в нефтяной компании Светличный, можно сказать, жил скромно. У него была всего лишь трехкомнатная квартира, правда, каждая комната метров по тридцать. В спальне стороннему человеку ничего не напоминало ни о роде деятельности Репиной, ни о самой Людмиле Николаевне. Зато кабинет Владимира Георгиевича был насыщен ее фотографиями сверх меры. Они висели на стенах и стояли на книжных полках. Холл и гостиная являлись безраздельной вотчиной певицы. Коридор пестрел ее афишами разных лет, в комнате стоял музыкальный центр и имелось бесчисленное множество «сидюшников» в плоских прозрачных коробочках и магнитофонных кассет, которые в первую очередь интересовали следователей. Большинство кассет были подарены Репиной коллегами, некоторые сопровождались памятными надписями.

Володя захватил с работы для страховки плеер: вдруг у Светличного сломан музыкальный центр. Однако тот оказался в полном порядке, что вдвое увеличило производительность труда Турецкого и Яковлева.

Один прослушивал через плеер, другой включил магнитофон.

Владимир Георгиевич не знал закономерности, с какой супруга фиксировала телефонные разговоры. У сыщиков складывалось впечатление, что Репина не готовилась записывать того либо иного собеседника заранее. Если ее что-нибудь настораживало — тогда включала. Поэтому все диалоги начинались с середины. Тем не менее содержание некоторых бесед указывало на то, что у Людмилы Николаевны имелись яростные враги.

Володя слушал через наушники, и Турецкий не знал, что ему показалось подозрительным, какие кассеты он откладывал.

На следующий день в кабинете Александра Борисовича, пригласив и Романову, они вместе прослушали отобранные кассеты. Среди прочих оказалась и та, где Репина угрожала своему продюсеру, что, если тот не заплатит ей за концерты в Волгодонске, она сообщит в налоговую полицию про получение Ноговицыным наличных денег. Однако следователей насторожила не эта истерическая перепалка, а три фрагмента разговора певицы с каким-то мужчиной.

Судя по звонкому голосу, это был молодой человек. Так же как и в подавляющем большинстве других случаев, магнитофон включался не с самого начала разговора. Певица ни разу не обратилась к нему по имени, говорила с явным раздражением, казалось, что они знакомы весьма поверхностно. Содержание диалогов позволило определить их хронологический порядок, между первым и последним прошло чуть меньше месяца. Агрессивность молодого человека раз от раза явственнее увеличивалась.

Сделав распечатку этих фрагментов, оперативники показали их еще одному члену бригады — начальнику управления угро МВД Грязнову.

Фрагмент первый. Начало октября.

«...собиралась взять деньги, да, как назло, испортился банкомат, которым я обычно пользуюсь. А где мне так быстро найти другой?!

— По карточке деньги можно получить и в кассе.

— Америку открыли. Там была страшная очередь.

— За это время можно было бы и расплатиться.

— Слушайте, может, мы без вас обойдемся? Я думала, она самостоятельная девочка и не нуждается в адвокатах.

— Она тоже так считала. Думала, вы будете вести себя более порядочно.

— Только давайте без демагогии. Много вас тут таких.

— Я звоню вам не от хорошей жизни. Заплатите деньги, которые обещали. Которые положены в подобных случаях. Тут нет никакого вымогательства.

— Заплачу, заплачу, успокойтесь.

— Когда?

— На днях разберемся.

— Людмила Николаевна, зачем же откладывать! Сразу и разберемся.

— Только не надо хватать меня за горло, я этого не люблю. Пускай она позвонит мне, и мы обо всем договоримся.

— Вас редко можно застать дома. Вы хотя бы скажали номер своего мобильного.

— У меня его нет.

— Как — нет?! Вы же при мне разговаривали.

— Украли. Прямо во время концерта в «Новаторе». Я спела, возвращаюсь, а мобильного и след простыл. Из сумки стащили. А на новый деньги нужны. Это я

к тому, чтобы вы не думали, будто я купаюсь в роскоши, и не считали меня дойной коровой.

— Тогда оставьте телефон вашего продюсера или директора. Не знаю, как он у вас называется.

— У меня нет продюсера.

— Вы же сами в прошлый раз ссылались на него.

— Был да сплыл. У него сейчас другой проект, а я с моим авторитетом могу обходиться без лишних нахлебников. Присосутся, словно пиявки, и тянут из меня деньги.

— Если это в мой огород камешек, то мимо цели. В данном случае все наоборот: вы пользуетесь чужой работой, не желая за нее платить. Она же автор не только слов, но и музыки. Поэтому я прошу завершить дело миром, а не раздувать конфликт. До свиданья».

Собеседник положил трубку. Репина не сразу выключила магнитофон — было слышно, как она в сердцах бросила: «Козел вонючий!»

Фрагмент второй. Середина октября.

«...вы будете меня терроризировать!

— Людмила Николаевна! За это время она звонила вам трижды, и всякий раз у вас находятся какие-нибудь отговорки, лишь бы не платить.

— Никакие это не отговорки. Это были уважительные причины. Я же все объяснила.

— Но все это звучало не очень убедительно. Один раз вы сказали, будто заболел муж. Какая тут связь?! Людмила Николаевна! Это все равно как из-за ремонта лестничных перил отключить в доме горячую воду.

— Такое вам только кажется. Когда муж болен, у меня в голове мысли только об одном — как бы побыстрее поставить его на ноги.

— Однако в разгар болезни вы все-таки ходили на презентации новых альбомов в «Метелицу» и в «Кристалл».

— Вырвалась с невероятным трудом. И то лишь потому, что не могла обидеть близких друзей.

— Это опять же отговорка. Девочка не может уехать из Москвы. Ей даже не хватит денег на дорогу.

— Так купите ей билет, если вы о ней так печетесь.

— Дело не только в билете. Она сочинила песни, которые вы исполняете.

— Ну, хорошо, хорошо. Отдам я ей эти несчастные деньги.

— Когда?

— Сегодня у нас что? Среда?

— Вторник.

— В пятницу я получу гонорар за гастролы в Мурманске и отдам. Меня ведь тоже динамят — будь здоров, тоже бегаю за ними, как собачонка. Пусть она позвонит мне в пятницу вечером, и в субботу я отдам деньги. Только пусть сама звонит».

Фрагмент третий. Начало ноября.

« — Почему?

— По кочану! Не годятся они мне.

— Людмила Николаевна, сами подумайте, что вы говорите! Разве такие песни могут не нравиться?! Вы же сами ухватились за них обеими руками, исполняли на всех концертах. Их принимали на ура.

— Больше петь не буду. Это была какая-то случайность. Сейчас я гастролировала по волжским городам, там они все провалились. Я убираю их из репертуара. Пускай отдает кому хочет.

— То есть вы хотите сказать, что больше не будете петь ни «Любовь — извечная загадка», ни «Ослепительное солнце», ни «Табунщика».

— Вы чрезвычайно догадливы. Именно это я и хочу сказать.

— Странно, очень странно. Но — вам решать.

— Как-нибудь без вас разберусь, что мне делать.

— Тем не менее, Людмила Николаевна, в принци-

пе эти песни были вами одобрены и неоднократно публично исполнялись. Поэтому хоть какую-то часть денег вы должны заплатить Янине.

— Благотворительность — не моя стихия.

— Это единственные ваши слова, которым я верю. Что же касается песен... Если вы когда-нибудь их исполните, то рискуете потерять все».

— Круто! — вырвалось у Грязнова после прослушивания последнего фрагмента.

Они вдвоем сидели в кабинете Турецкого.

— Слав, ты, может быть, еще что-нибудь скажешь? — спросил Александр Борисович после долгой паузы.

— А что говорить? Я думаю, — ответил тот. — Ситуация такая: нужно разыскать этого парня. Других вариантов не просматривается. Но сначала нужно найти некую молодую девушку из провинции...

— Почему из провинции? Может, она из Питера.

— Там своих звезд выше крыши. Нашла бы кому показать. А она приехала в Москву и обратилась к Репиной. Та сначала вцепилась в ее песни, обещала заплатить, а потом дала от ворот поворот.

— Отказалась ли она от ее песен?

— Сейчас я ссылаюсь на ее слов[^]. На деле же... Что она пела в День милиции? — Он взглянул в программу концерта. — «Любовь — извечная загадка», «Ослепительное солнце» и «Осенняя элегия». Слова и музыка Репиной. Вот тебе и ответ на вопрос. Прикарманила чужие песни, за это и поплатилась.

— Жестокая расплата.

— М-да, у этой Янины слишком рьяный защитник ее интересов. Скорей всего, лямур. Короче говоря, шерше ля девушку Янину.

— Имя не самое популярное. Но это может быть псевдоним. Молодые звездочки сплошь и рядом на-

зывают себя, как им вздумается. Камелия. Беретга, Разалия и так далее. Без указания фамилии.

Подумав, Грязное сказал:

— Озадачу-ка я этим Дениса. Он быстро разберется с этой незнакомкой.

— Будь любезен. — Турецкий взглянул на часы. — Я сейчас еду на похороны Репиной.

— Зачем? — удивился Вячеслав Иванович. — Надеешься, что туда зайвится преступник?

— Бывали же такие случаи.

— Еще бы! Часто бывали. Но даже если он и придет, ты его не вычислишь. Представляешь, сколько туда явится народу?

— В общем. Я мало надеюсь выудить что-нибудь ценное. И все же интуиция подсказывает мне, что сходить нужно.

— Так бы сразу и говорил, — пробурчал Грязное. — Если интуиция подсказывает, тогда — святое дело. Других доводов не нужно.

Похороны состоялись на Введенском кладбище, на одной из его заметных площадок, куда стекались несколько асфальтовых дорожек. Здесь находились могилы известного спортивного комментатора и его брата кинорежиссера, писателя булгаковского круга, генерала. Но прежде всего в глаза бросались замысловатые мраморные сооружения с именами неизвестных, судя по датам жизни, молодых мужчин. Очевидно, это были коммерсанты, жертвы бандитских разборок.

Отдать Репиной последний долг пришли человек пятьдесят, — неожиданно мало для звезды такого статуса. Из артистической братии явился — в полном составе — только ансамбль «Аленький цветочек», с которым она выступала в последнее время. «Ничего себе ведомственная солидарность», — вспомнил Александр Борисович слова Светличного. Провожали певицу в последний путь в основном ровесники покойной, и женщины, и мужчины. Как постепенно выяснил Турецкий, это были ее друзья детства — школьные

товарищи, соседи. Репина была родом из Муром Владимирской области. Приехали родители, скромные, симпатичные люди: мать, в прошлом профкомовский деятель на заводе холодильников, отец — машинист электровоза. Все собравшиеся были очень искренни в своей скорби.

Турецкий прислушивался к тому, какие разговоры ведутся вокруг, поспрашивал кое-кого и понял, что до переезда в Москву и до начала артистической деятельности Репина была очень душевным, деликатным человеком. Она вечно боялась кого-либо побеспокоить, кому-то быть в тягость, всегда стучала в дверь, прежде чем войти. Ее отзывчивость превышала все мыслимые пределы: оставить ли собаку на время отъезда в отпуск, попросить ли сходить отнести в собес какие-нибудь документы, сбежать в аптеку за лекарствами, кого-то встретить на вокзале и помочь донести вещи до дома — тут Людмила первейший помощник, в трудную минуту многие сразу бросались к ней. Такой стиль жизни был каждодневным способом ее существования. Все для других, и ничего — для себя.

Когда расходились с кладбища, руководитель «Аленького цветочка» Клушин с некоторой растерянностью признался Турецкому:

— Мы, грешным делом, слушали и думали, что не туда попали. Ведь в том, что тут было сказано, нет ничего общего с тем, что мы знали. Как будто речь идет о другом человеке. — Он помолчал и добавил: — Не надо было ей становиться артисткой.

Глава 12

АЛЛО, МЫ ИЩЕМ ТАЛАНТЫ!

Одно время, в середине девяностых, Грязное со смешком говорил про себя, что он последняя сука в МУРе. При этом он отнюдь не склонен к мазохизму.

Просто на тогдашнем бюрократическом жаргоне аббревиатура «сука» расшифровывалась как «случайно уцелевший квалифицированный аппаратчик». Но гордиться своими случайно уцелевшими талантами ему пришлось недолго — протестуя против усиливающегося «разгула демократии», Вячеслав Иванович покинул МУР и организовал собственное частное агентство «Глория». Через несколько лет декорации в милиции сменились. Новое руководство уговорило опытного следователя вернуться в МУР. Грязнов согласился, оставив «Глорию» на попечение своего племянника Дениса, который охотно откликался на просьбы дядьки или его друзей, несмотря на скудные средства, получаемые от Генпрокуратуры за проведение заказных спецопераций.

После того как Грязнов ввел его в курс дела, Денис продумал план действий. Для начала он решил поговорить с музыкантами ансамбля, с которым в последнее время выступала Репина. «Аленьким цветочком» руководит известный саксофонист Родион Клушин. Домашний телефон Клушина Денис узнал по многоступенчатой цепочке — от редакции музыкального журнала до совершенно незнакомых людей. Подумал, что сегодня звонить бесполезно. Если днем похороны Репиной, конечно, ее музыканты пойдут на кладбище, а оттуда на поминки. Руководитель вернется домой поздно и пьяный, разговаривать с таким бессмысленно. Дай бог, чтобы завтра пришел в себя как можно раньше.

Размышления Дениса были прерваны телефонным звонком.

— Здравствуйте. Меня зовут Родион Клушин, — послышался сочный баритон. — Сегодня я виделся на кладбище с Александром Борисовичем Турецким. Он сказал, что вы сейчас ведете очень сложное расследование и, вероятно, захотите со мной поговорить, и дал мне ваш телефон. Вот я и звоню.

Услышав о великой прозорливости Турецкого, Денис на некоторое время потерял дар речи, а придя в себя, спросил:

— Разве вы не на поминках?

— Нет. Там собирается тесный круг родственников, школьных друзей. А мы не поехали.

— Я как раз хотел узнать кое-что про Репину. Точнее, про песни, которые она исполняла на последнем концерте. Узнать историю их появления в ансамбле.

— Эти три очень хорошие песни нам недавно принесла сама Людмила Николаевна, — сказал Клушин. — Сама она музыку не пишет. Напела мелодию, и нам было легко ее обработать. Честно говоря, отчасти мы были удивлены такой прытью Репиной. Она не первый год на эстраде, но никогда ничего не сочиняла, а тут вдруг три чуть ли не шедевра. Но сказать мы ничего не сказали, потому что существует практика покупки произведений у начинающих авторов. Тот получает за песню деньги и отдает все свои права артисту. Нам без разницы, кого будут объявлять автором. Это даже своего рода этикет — не интересоваться подобными вещами.

— Почему же авторы соглашаются на то, чтобы их произведения исполнялись под чужим именем? — спросил Денис.

— Потому что у них еще нет своего имени. А без имени на эту поляну пробиться трудно, там уже все приватизировано. Хочел прорваться — плати вступительный взнос. Пойдут одна-две песни успешно, тебя узнают в узких кругах. Пслвятся заказы, будешь выступать под своим именем. Поэтому молодые вынуждены соглашаться на такие условия. К тому же они получают деньги.

— То есть, вы считаете, ничего из ряда вон выходящего тут нет. Но как быть с теми тремя песнями, которые исполняла Репина на последнем концерте? У нас есть доказательства, что сочинила их не она, а

какая-то молодая приезжая девушка по имени Янина. Как нам ее разыскать?

— Существуют клубы авторской или бардовской песни. Они охотно привечают молодые дарования. У них есть несколько излюбленных кафе, в которых те регулярно выступают. Имеет смысл поговорить там. Может, кто ее и вспомнит.

Клушин перечислил несколько названий клубов, где можно послушать бардовскую песню, добавив, что все они между собой связаны.

Сначала Денис узнал адреса, чтобы выбрать тот, куда ехать поближе. Таким оказалось заведение «Гнездо глухаря» на Большой Никитской. Его владелец «Глории» с негодованием отверг — ведь «глухарем» следователи называют нераскрытое дело. Денису показалось, что ехать сыщику в клуб с таким названием — плохая примета. Следующим поблизости оказался «Кнут и пряник» возле метро «Сухаревская». Позвонив туда, детектив узнал, что в клубе имеется художественный руководитель, который организует выступления бардов. Сегодня он будет в три часа, на это время назначена репетиция.

Художественным руководителем «Кнута и пряника» оказался сравнительно молодой, но совершенно седой человек в джинсовом костюме. Бесперывно куря, он выслушал Дениса, после чего сказал:

— Знаю я эту девушку, помню. Она пела у нас на так называемом диком концерте, когда выступают все желающие. Песни запомнились. Я и удивлен был, когда услышал их по телевизору в исполнении Репиной. Подумал, может, Янина чужое пела. Но теперь-то понимаю, что Репина их присвоила.

— Как мне связаться с Яниной?

— Не знаю. Дело в том, что телефона у нее нет. Она приезжая, по-моему, из Перми. В Москве то ли угол снимает, то ли живет у кого-то из знакомых. Она

здесь изредка появляется, узнает, что к чему. Вообще, в перспективе я планировал сделать ее сольник.

— Фамилию-то хотя бы назовете?

— Нет. У нас тут все по именам.

Денис вспомнил рьяного защитника ее интересов и спросил, бывала ли Янина здесь с каким-нибудь молодым человеком, другими словами, есть ли у нее бойфренд.

Худрук отрицательно покачал головой:

— Насчет бойфренда сильно сомневаюсь. Поговаривают, у что у нее нетрадиционная сексуальная ориентация.

Денис с присущим ему оптимизмом решил, что ему это будет только на руку. Уж коль лесбиянок меньше, чем нормальных людей, значит, они заметней и, следовательно, их легче найти. А вот неуверенные слова художественного руководителя «Кнута и пряника» по поводу ее географической ориентации огорчили Грязнова. Кажется, из Перми. А потом окажется, что из Пермской области или из Пензы. Денису хотелось выяснить это поточнее. Пришлось наступить на горло собственной песне — заехал он все-таки в это пресловутое «Гнездо глухаря». Явился туда без предварительного звонка, застал только администратора. Его слова на удивление точно совпали с тем, что Денис услышал в «Кноте и прянике»: девушка Янина приехала, кажется, из Перми.

Если двоим кажется одно и то же, это уже закономерность. Теперь уже есть отправная точка, где можно поискать сведения о девушке с редким именем.

Пермь — один из немногих городов, где у общавшегося чуть ли не со всей Россией Дениса совершенно не было знакомых. Более того, их не оказалось там даже у суперобщительного Вячеслава Ивановича. А уж дядька сотрудничал со всей Россией гораздо дольше

Дениса. Пришлось начальнику угро послать на Урал официальный запрос насчет девушки Янины, двадцати примерно лет.

Вскоре пришел ответный факс, сообщавший, что Янина Болеславовна Муромцева, 1984 года рождения, прописана с родителями в Перми на улице Гагарина, дом такой-то, квартира такая-то.

Это обнадеживало. Вячеслав Иванович позвонил в пермский ГУВД и попросил коллег уточнить, где сейчас находится Муромцева и что о ней известно вообще.

На следующее утро, в воскресенье, ему позвонил некий капитан Телегин, беседовавший накануне с родителями Янины. В этом году она окончила музыкальное училище и поехала в Москву поступать в Гнесинку. Не поступила, но и в Пермь еще не вернулась. Живет в Москве у разных знакомых, постоянного адреса у нее нет, как и телефона тоже. Но родителям она часто звонит сама.

— Теперь найди ее по регистрации, — бодро сказал Вячеслав Иванович племяннику.

— Дядя Слава, вы как на облаке живете, — ответил частный детектив. — Если ей не нужно устраиваться на работу, она могла и не регистрироваться.

— По закону обязана.

— Так-то оно так, но ведь на практике это сложно. Ей нужно идти в милицию вместе с хозяином квартиры, отстоять огромную очередь. Не каждый захочет. К тому же, если у нее туговато с деньгами, какого лешего ей терять лишнюю тысячу, которую...

— Дениса! — прикрикнул начальник угро. — Ты сначала проверь, потом будем думать, что делать дальше. В зависимости от ситуации.

Янина Муромцева в столице зарегистрирована не была.

Часть вторая

НА БЕРЕГАХ КАМЫ

Глава 13

ОКТАБРЬ 2004-го

После того как Дергачев стал вынужденно вести неподвижный образ жизни, страдальца навещали многие приятели. Однако постепенно их визиты становились все реже и реже. У всех хватало своих дел, но общих интересов становилось все меньше. Рассказывать больному о своих бурных приключениях — только травить ему душу. К тому же родители Сергея косо смотрели на посетителей. Как правило, те приходили к сыну с бутылкой, и долгие посиделки ничем хорошим не заканчивались. На следующий день Сергей обычно чувствовал себя плохо, держался капризно и грубо, почти агрессивно. Все же, надо признать, сейчас родителям с больным сыном легче, чем когда тот был здоров, а они находились в постоянном напряжении: не загремит ли их отпрыск в милицию.

Лишь два приятеля по-прежнему регулярно посещали его: Виталька и Геныч. Кстати, прежде они не ходили в закадычных дружках. Оба работали, воров-

ством сроду не промышляли, жили сравнительно далеко от Дергачевых, встречались не часто. Их можно было назвать случайными собутыльниками. Оба были постарше Сергея. А грянула беда — неожиданно приняли в человеке живое участие, подружились.

Вообще-то у Геныча имя Гена, Геннадий Силуянов. Откуда такое прозвище, одному богу известно. Можно подумать, что это отчество, но нет — по батюшке он Алексеевич. Все же издавна кличут его только Генычем. У него есть младшая сестра, Катя, к которой неровно дышал Сергей, в шутку называл ее «моя зазнобушка». Конечно, про любовь-морковь речи не было. Катька на пять лет моложе него. Вот сейчас, когда ей двадцать два, Катя уже созрела, редкостная красавица. Да вот он... засох.

По иронии судьбы, именно через Катьку его друзья вышли на Институт культуры. Расспрашивали всех подряд, у кого там есть знакомые, и выяснилось, что как раз там учиться ее хорошая приятельница Настя. Дали той боевое задание насчет этого Сереброва, да не выполнила девочка его. Сказала, что архивистка вредная баба, не захотела рыться в старых документах. Пришлось Генычу и Витальке поговорить с архивисткой по душам.

Пошли на это они без особого желания. Понимали — догадается архивистка, откуда ноги растут. При случае отыграется на Катиной подружке. Но делать нечего, других вариантов нет. К разговору подготовились на совесть. Пришлось мобилизовать и старых дружков Дергача, которые явились на подмогу. Несколько дней они шастали за Клавдией Павловной по пятам, вертелись вокруг ее дома, узнали всю подноготную разведенной женщины, живущей с матерью и сыном-пятиклассником.

Наступили сумерки, когда архивистка, молодая женщина в очках, вышла из магазина, держа в каждой руке по пакету со снедью. По пути домой ей нужно

срезать уголок сквера, тут Геныч и Виталька подошли к ней. Для острастки сразу заявили, чтобы хорошенько подумала Клавдия Павловна о безопасности своего единственного сыночка-пятиклассника. После чего стали говорить тихо-мирно.

— Клавдия Павловна, мы не просим ничего противозаконного. Просто нам нужно узнать домашний адрес вашего бывшего студента.

— Без официального запроса я не имею права дать такую справку.

— Вот вам запрос. — Геныч полез во внутренний карман пиджака с таким видом, словно вытащит оттуда пистолет. А выудил сложенный вчетверо лист бумаги — ксерокс с первой страницы зачетки Сереброва. — Справка — это если на бланке. Нам же можете написать на любом клочке бумаги. Вот имя этого человека. Скажете нам его домашний адрес, и мы станемся друзьями. Больше того, если у вашего сыночка возникнут какие-нибудь проблемы, в обиду не дадим. Вы к нам по-человечески, и мы к вам также.

«Кто меня защитит?» — подумала Клавдия Павловна. Много лет назад, сын еще был грудным, их квартиру ограбили, и пришлось вызвать милицию. Милиционеры походили по комнатам и обратили внимание на китайскую перламутровую вазочку — единственную приличную вещь, оставшуюся в доме. «О! — воскликнул милиционер. — Кажется, на ней есть отпечатки пальцев. Мы ее забираем. Обязательно вернем». Только она эту вазочку не видела.

С тех пор Клавдия Павловна относилась к милиции с предубеждением. Если она пойдет в милицию, никого ее заявление не заинтересует. Ловить этих двоих молодых людей никто не станет. А Павлушу через месяц-другой стукнут булыжником по голове.

Начался, говоря дипломатическим языком, переговорный процесс. Архивистка интересовалась, как сможет обратиться к ним в случае надобности. Они

сразу смекнули, что не стоит оставлять этой кулеме свои телефоны, вдруг она ментов пришлет. Договорились, что в случае необходимости она передаст свою просьбу через Настю, студентку, которая спрашивала у нее адрес Сереброва.

Геныч добавил:

— На ту девочку бочку не катите. Она тут вообще сбоку припеку.

— Адрес тоже ей передать?

— Нет, насчет адреса я вам завтра позвоню, — сказал Виталий, которому почему-то нравились женщины в очках. И эта понравилась.

— Мне с работы говорить неудобно.

— А я прозвоню домой.

— Вы знаете мой домашний телефон? — растерянно произнесла архивистка.

— Станный вопрос... Но вас это не должно беспокоить.

Ничего в их голосах на самом-то деле не было пугающего, и Клавдия Павловна успокоилась. Действительно, если она даст им адрес, то ничего страшного не произойдет. Это даже нельзя назвать должностным преступлением. В институте Серебров давно не учится, в общежитии не живет. Приехал он из области, из Чусового. Кроме чусовского адреса, она ничего сообщить не могла.

Дергач и этому порадовался — сдвинулось дело с мертвой точки.

Глава 14

КЛУБНЫЙ МЕЖДУСОБОЙЧИК

После утреннего звонка пермского капитана Телегина, беседовавшего накануне с родителями Янины, Денис похвалил самого себя за поистине дьявольскую

предусмотрительность: догадался записать все телефоны художественного руководителя «Кнута и пряника». Иначе жди полдня, пока тот появится на работе.

— Марк Григорьевич, посоветуйте, пожалуйста, как мне поймать эту Муромцеву? Хотелось бы это сделать побыстрее.

— У нас сегодня что — воскресенье?

- Да.

— Тогда приходите вечером в клуб «Лейся, пейся», — посоветовал худрук. — Там будет выступать американский рокер Стивен Джингл, он был в свое время очень известен. Обычно все наши барды собираются на подобные концерты. Вероятность того, что туда заявится и Янина, очень велика.

— Вы-то сами там будете?

— С девяти часов как штык...

— Так поздно?! — поразился Денис. — Когда же начинается концерт?

— Обычно в ночных клубах начало представления в двадцать два часа. Изредка — в двадцать три.

— Получается, раньше десяти мне там делать нечего.

— Выходит, так.

Ближе к вечеру к Грязновым приехал тесть с каким-то своим старым приятелем, соседом по Белгороду. Они очень давно не виделись. Когда Лида, жена Дениса, была малюткой, сосед тетешкал ее и теперь захотел поглазеть, как она за эти двадцать лет изменилась.

Часов в девять застолье было в самом разгаре, а Денис, извинившись, сказал, что ему пора на работу. Услышав это, гость оторопело уставился на тестя:

— Петя, он что — в ночную?..

Когда Денис вошел в небольшой затемненный зал, на сцене завывал кудрявый певец не первой молодости. Он был в кожаном костюме и сапогах на нереально высоких каблуках. Зрители в такт исполнителю подергивали ножками и преданно смотрели на него. На

спокойном лице американца из штата Орегон не было никаких следов бурной рокерской молодости. На экране в глубине сцены мелькали черно-белые кадры, на которых можно было узнать Курехина и Цоя, Бугаева-Африку и Бутусова.

После американца на сцену вышел крашеный блондин в кепочке и захрипел:

— Здрас-с-с-с-сьте, ребята! Да здравствует любимый клуб! Лейся, песня, на просторе!..

Он начал сбивчиво говорить про капустник, про то, что сегодня совсем не репетировал и выступает экспромтом. Короче, просьба строго не судить. Затем он прохрипел несколько старых песен с нецензурной лексикой. Ему аккомпанировали два музыканта: один на гитаре, другой — на губной гармошке.

Затем на сцене снова появился американец и пропел свой самый известный хит. Под конец он стал так отчаянно кричать, что покраснел, как индюк, а вены на его шее надулись. Казалось, беднягу сейчас хватит апоплексического удара. Однако он неожиданно быстро принял прежний вид и чинно пригласил всех в соседний зал отметить его приезд.

Г-образный банкетный стол был уставлен бутылками молодого божоле, кокотницами с жульенами, маленькими мисочками с пастами под разными соусами. В правом конце был приставлен круглый столик, на котором красовалось блюдо с отварной картошкой, селедка, зеленый лук, черный хлеб, водка. Большая часть публики, проигнорировав всякие суши и фазанов, ринулась туда.

Денис внимательно наблюдал за собравшимися, пытаясь узнать среди них загадочную Янину. Рядом с ним остановились две девушки. Одна из них — вся в ярко-оранжевом, с приклеенным на лбу кулоном — тараторила подруге, что на днях приняла буддизм и оттого нынче такая счастливая. Слева от Дениса бородатый очкарик рассказывал беременной женщине: «Я их три месяца вообще не стриг, только по бокам и

немножко сверху. Они сами так растут, представляешь? Вот на следующей неделе хочу пойти к Звереву постричься, здесь убрать, сбоку и сверху. Хотя вроде и так сами растут, но почему-то только сверху и по бокам».

Подошел Марк Григорьевич с рюмкой в руках:

— Ну, господин детектив, вы везунок. Здесь ваша Янина. Показать?

— Прежде я хочу попытаться сам узнать.

По мере возлияния публика вела себя все более раскованно, от криков и смеха становилось шумно, как при морском прибое. Денис обратил внимание на двух девушек, которые вели себя весьма вызывающе и, не стесняясь, отдавались своим чувствам. Одна из них, миниатюрная, с короткой стрижкой, была одета в черные брюки и цветную блузку, поверх которой накинута жилетка. Вторая, упитанная, с распушенными до плеч светлыми волосами блестела обтягивающим кожаным платьем с короткими рукавами. В этом дуэте она проявляла гораздо больше инициативы, чем ее очаровательная спутница. Та все же малость смушалась, когда подруга нанесла ей несколько страстных поцелуев, словно пытаясь заявить окружающим: «Это — мое!»

Денис с ловкостью сыщика незаметно подошел поближе к целующимся девушкам. Присмотревшись, он увидел на жилетке у худенькой какой-то значок с изображением скрипичного ключа и римской цифры XX.

Глава 15

ДЕВУШКА С ГИТАРОЙ

С раннего детства отличительной чертой Янины Муромцевой была стеснительность, поэтому она росла тихой и мечтательной. Ее притягивала теплота слов «артист», «композитор», «поэт», таких людей девочка

считала небожителями. Может, все оттого, что она росла в доме, где не было книжных стеллажей и антиквариата. Отец работал в мастерской по ремонту бытовой техники, мать на простых должностях — то в прачечной, то в химчистке. Поэтому Янину очень привлекало, когда в фильмах показывали кабинеты с большим количеством книг и старинной мебелью. В такие моменты ей казалось, что она даже ощущает запах кожи, которой обита эта мебель.

Но все это было лишь тайными мечтами, она никогда всерьез не задумывалась, что такой жизнью можно жить не во сне, а наяву. Перемена во взглядах Янины началась с того, когда ее старшему брату на день рождения подарили гитару, к которой, кстати, тот никогда и не притронулся. Зато ее хорошо освоила по самоучителю сестра. Стесняясь собственной лихости, Янина играла только для себя.

Однажды в городе состоялся фестиваль авторской песни. Необыкновенная приподнятость того праздника произвела на Янину такое впечатление, что она сама попыталась написать песню.

Обычно в ее возрасте девушки и юноши сочиняют о любви, явной или тайной. Янина подобного чувства еще не познала. Если и ощущалась в ее лирической песенке любовь, то разве что к фестивалю, к музыке, к радости, которую она приносит. Девочка даже решилась на такой дерзкий шаг, чтобы послать слова этой песни в молодежную газету. И случилось чудо — стихотворение опубликовали.

Знающие люди говорят, что творчество засасывает, как наркотик. Янина «подсела» на этот наркотик. Она сочиняла песни одну за другой, и на фоне каждой новой все предыдущие казались ей слабыми и наивными.

Окончив школу, она поступила в музыкальное училище, в класс композиции. Там Янина была на хорошем счету, быстро освоила и фортепиано, и струнные.

Преподавателю понравился ее голос. По его просьбе она сначала пела в хоре, а вскоре стала солисткой. Видя ее универсальные способности, преподаватель Иван Иванович сулил девочке самые заманчивые перспективы. Он благословил ее на поездку в Москву, советовал поступить в Гнесинку. И был уверен в ее успехе.

Началась самостоятельная жизнь Янины. Как абитуриентке, ей дали место в общежитии, в комнате на троих. Кроме нее там жили две волжанки: Галя из Кировограда и Оксана из Саратова. К экзаменам готовились, не жалея сил. Как-то Оксана вечером куда-то ушла и долго не возвращалась. Янина уже улеглась спать, когда Галя, воскликнув: «С какой стати она веселится, а мы должны скучать!» — запрыгнула к ней в постель.

Первый сексуальный контакт счастливо поразил Янину. Раньше о подобном она и не помышляла. Когда с треском провалившаяся Галя уезжала, Янина не могла сдержать слез. А нерастраченные чувства превратились в песню.

По мере сдачи экзаменов часть абитуриентов не сомневалась в своем успехе, тогда как другие забирали свои документы. Янина оказалась в «пограничной» группе тех, кто до последнего момента не знал своей судьбы: то ли примут, то ли нет.

Янина не поступила.

Узнав про неблагоприятный для себя результат, она поехала на вокзал и купила билет в Пермь.

Когда она возвращалась в общежитие, на остановке в троллейбус вошла молодая эффектная женщина. В красном брючном костюме, лицо почти профессионально украшено косметикой. Янина поневоле залюбовалась ею. В это время троллейбус дернуло, и женщина, как бы ища опоры, обхватила Янину руками, тесно прижавшись к ней. Она с улыбкой извинилась, не делая попыток убрать руки и отодвинуться. Янина

не сопротивлялась, ей было приятно ощущать эти горячие ладони и сладкий запах. Они разговорились.

Вечером Янина поехала на вокзал и сдала билет в кассу возврата.

Вера была научным сотрудником в научно-исследовательском институте. По утрам она уезжала на работу, и предоставленная самой себе Янина осваивала бардовскую Москву. Ездила по кафе и клубам, где проходят вечера авторской песни, слушала, говорила, что тоже пишет песни. Несколько раз ей удалось выступить в малочисленных аудиториях.

Постепенно она примелькалась в этих кругах, появились знакомые. А однажды Янина с радостью увидела земляка из Перми.

Этого парня она знала только в лицо. Иногда тот появлялся в их музыкальном училище.

Это привычная картина: люди могут жить в одном доме или где-то рядом, знать друг друга в лицо и при этом оставаться незнакомыми. Стоит же им повстречаться где-нибудь в другом районе, они обменяются понимающими улыбками. Встретятся в другом городе — обязательно разговоятся. Бывает даже, что и за границей столкнутся. Ну, тут уж они превращаются прямо-таки в закадычных друзей.

Янина поведала земляку о своей неудаче с поступлением в Гнесинку. Он представился — его звали Артур, рассказал о том, что подрабатывает в разных клубах диджеем, крутит пластинки, имеет кое-какое отношение к шоу-бизнесу, захотел послушать ее песни.

Янина с гитарой, как солдат с ружьем, не расставалась, носила ее в чехле за спиной, словно рюкзак. Не столько знала, сколько надеялась, что в любой момент могут предложить прослушаться или даже выступить. Нельзя, чтобы тебя застали врасплох. Была она с гитарой и в тот раз, когда повстречалась с Ар-

туром. Столкнулись в дверях «Гнезда глухаря»: она уходила, он пришел. Артур предложил ей вернуться.

— Возвращаться — плохая примета, — процитировала она Вознесенского.

— Где же я вас послушаю?

— Можно прямо на улице. Сейчас в Москве и не такое увидишь.

Они пошли на Тверской бульвар и среди бела дня устроили прослушивание под аккомпанемент мчащихся по обе стороны машин и фланирующих прохожих.

Послушав несколько песен, Артур искренне похвалил:

— Мне нравится. Каждая даст десять очков вперед многим из тех, что крутят по радио и телевидению. Но прорваться туда трудно, хороших знакомых там у меня нет, а без связей там делать нечего. Я знаю некоторых эстрадных певцов и попробую вам помочь. Если кто-нибудь согласится взять ваши песни в репертуар, это будет хорошая реклама.

Артур сказал, что сейчас живет за городом и телефона у него нет. Пришлось Янине оставить ему номер Веры, хотя та предупреждала, что этого делать не нужно. Вечером Янина повинилась и рассказала о важности своего поступка. Некоторое время Вера дулась, особенно потому, что знакомый был мужчиной, потом смирилась.

Вскоре Артур позвонил и сказал, что договорился о встрече Янины с Людмилой Репиной.

Янина о таком и думать не могла. Репина входила если не в тройку, то уж в первую десятку самых известных наших певиц — это точно. В свое время ее очень часто показывали по телевидению. Выглядела Репина довольно вульгарно, газеты были полны описаниями ее экстравагантных поступков. Когда в нашей прессе стали культивировать жанр светской хроники, Людмила стала у журналистов излюбленным персона-

жем, ее имя склоняли на все лады. Самый нашумевший случай произошел во время выступления Репиной в киевском киноконцертном зале «Украина». После одной из песен на сцену неожиданно вышла массивная женщина и, взяв у певицы микрофон, сказала ей:

— Какое вы имеете право оскорблять наших мужчин?!

Затем вернула ошарашенной Людмиле микрофон и вернулась на свое место в зал.

— А чем же я их оскорбляю? — спросила певица. Тогда женщина приложила руки ко рту рупором и крикнула через весь зал:

— Не надо показывать задницу!

Репина оглядела себя, посмотрела на эту толстую и сказала:

— Не такая уж у меня плохая задница, чтобы оскорблять ваших мужчин.

...Перед встречей со звездой обычно сдержанная Янина заметно волновалась. На деле же все оказалось совсем не страшно. Людмила Николаевна вела себя очень приветливо и душевно. Угостила Янину кофе с печеньем, рассказывала про всякие курьезы. Из исполненных гостей песен остановилась на трех, попросила Янину принести ей слова и партитуры. Девушка хотела сама встретиться с ансамблем, но Репина была против. Сказала, музыканты у нее с фордыбачинкой, она в них постепенно разочаровывается и скоро возьмет себе другую группу. Вот с той Янине обязательно придется сотрудничать. Пока же будет иметь дело только с ней. Как только Репина разучит ее песни, то сразу заплатит гонорар. Сумма была названа просто умопомрачительная. Янина покидала ее квартиру, как на крыльях.

— Я передала ей слова и ноты трех песен: «Лю-

бовь — извечная загадка», «Ослепительное солнце» и «Осенняя элегия», — рассказывала вызванная на допрос в угро МВД Муромцева. — Потом несколько раз звонила Людмиле Николаевне, заставляла с трудом. Она говорила, что заплатит мне гонорар, назначала день встречи и сама же в последний момент отменяла под разными предлогами: то муж болен, то срочно уезжает на выступление, то денег нет. Так я ничего и не дождалась.

— Вы рассказывали об этом кому-нибудь? — спросил Грязнов.

— Да. Когда я плакалась в жилетку, знакомые поднимали меня на смех. Говорили, что денег я не дождусь, меня надуют. Так многие звезды наживаются на неопытных, начинающих авторах. Только те, по наивности, способны передать песни из рук в руки, предварительно не зарегистрировав их в агентстве по охране авторских прав. Наслушавшись этих советов, я пошла в агентство и там узнала, что мои песни уже зарегистрированы Репиной на свое имя. Теперь ничего нельзя доказать. Тем более что певица погибла.

— Доказать-то, положим, можно, — успокоил ее Вячеслав Иванович. — Кому вы рассказывали про свои зловключения с Репиной?

— Вообще-то я по натуре сдержанный человек. Но тут, видимо, очень нуждалась в поддержке, поэтому рассказывала многим. Все, разумеется, были на моей стороне.

— Конкретнее, кому?

— В основном бардам, с которыми знакома по клубам. Мы знаем друг друга по именам, а фамилии я даже назвать не могу.

— Артуру, конечно, рассказывали.

— Обязательно. Это же он сосватал меня к Репиной. Ему так передо мной неловко. Но я же понимаю, что он тут ни при чем, сам не ожидал от нее такой подлости.

— Ладно, к этому мы позже вернемся. Теперь расскажите мне про ваш значок, что означает римская двадцатка на нем.

— Этот значок выпущен к юбилею нашего музыкального училища, к двадцатилетию.

— Когда он праздновался?

— Два года назад.

— Значок продавался или его дарили?

— Насчет продавался — сомневаюсь. По-моему, его вручали, причем только выпускникам. Я и сама получила, когда окончила училище.

— Давайте вернемся к этому Артуру. Он звонил вам после убийства Репиной?

- Нет.

— Но теоретически может позвонить?

— Думаю, что да.

— Вы где в Москве живете?

— У подруги, — после некоторой заминки ответила Янина, что конечно же не укрылось от наблюдательного Вячеслава Ивановича.

— Как вы прекрасно понимаете, заботившийся о вас Артур является одним из основных подозреваемых. По магнитофонным записям Репиной чувствуется, что он готов отомстить вашей обидчице. То обстоятельство, что он вам до сих пор не позвонил, только усугубляет подозрения. Придется ждать. А поскольку мы заинтересованы в его задержании, то вынуждены прослушивать все звонки, поступающие по этому телефону. На нашем жаргоне это называется «поставить на прослушку». Вы уж извинитесь перед подругой за такое вмешательство и успокойте ее — слушать будем только Артура.

В тот же день Грязнов поговорил с Турецким, передал ему содержание беседы с Яниной. Они пришли к общему знаменателю: нужно поехать в Пермь и разобратся там с загадочным Артуром.

Глава 16

, ЮБИЛЕЙНЫЙ ЗНАЧОК

Раньше Иван Иванович ходил на работу пешком. Когда же для музыкального училища построили новый корпус в микрорайоне на берегу Камы, маршрут Кизилова существенно усложнился. Теперь ему приходится добираться туда на двух автобусах, с пересадкой. Можно ехать и на одном, до набережной, но тогда долго идти от остановки пешком. Оба варианта для пожилого человека весьма утомительны, ведь автобусы всегда переполнены. Но трудности дороги забывались, стоило ему войти в училище, так здесь ему все нравилось: просторные классы, высокие потолки. Особенно преподаватели опасались, что в новостройке будет плохая акустика. Она оказалась здесь гораздо лучше, чем в прежнем здании «Пермской обители», как горожане называют музыкальное училище.

Сейчас невозможно сказать, с чьей легкой руки прикипело к нему это шутовское название. Разумеется, переиначивая заголовок известного романа Стендаля, в Перми можно именовать так любое заведение — и столовую, и риэлтерскую контору, и проектный институт. Так многие и величают себя на корпоративных капутниках. Однако это название нигде подолгу не приживается. А для музыкального училища оно почему-то стало нарицательным. Когда горожане упоминают в разговоре «Пермскую обитель», расшифровки не требуется — понятно, о чем речь. Хотя к затерянной в северной Италии Парме училище имеет такое же отношение, как и все остальные организации города.

Иван Иванович Кизилев — ветеран музыкального училища, работает в нем со дня основания, то есть уже двадцать два года. Легко представить, сколько питомцев выпорхнули на волю из-под его крыла. Многие оказались птицами высокого полета, орлиного, по

словам Кизилова. Его учеников — он преподает фортепиано и вокал — можно встретить в лучших оркестрах и музыкальных театрах. И не только в России: Алена Лосева играет в стокгольмском симфоническом, баритон Миша Казовский поет в нью-йоркской «Метрополитен-опера». Так что в активе Ивана Ивановича много достижений, есть чем гордиться.

Что же касается разочарований... Далеко не все его ученики добились заметных успехов. Ничего удивительного, творчество есть творчество. Одним не дано прыгнуть выше головы, других сманил бизнес, третьи остановились в своем развитии из-за элементарной лени. Есть и такие, которым откровенно не повезло. Тут сразу вспоминается Андрей Серебров. Вот уж кто был достоин лучшей судьбы!

Вообще-то Серебров учился в Институте культуры, где преподавал один из выпускников музыкального училища. Он и рассказал Ивану Ивановичу про обладателя фантастического голоса. Понимал, что молодому парню сейчас важно попасть в суперумелые руки, тогда его голос станет всенародным достоянием, войдет в историю. Кизиллов был одним из немногих, во всяком случае в Перми, кто способен довести такой голос до совершенства.

Иван Иванович действительно был покорен лирическим тенором Сереброва. Помимо голоса у того еще имелось природное умение сознательно управлять дыханием. Большинство девушек и юношей приходится долго учить петь «на дыхании». Андрей же чувствовал необходимость этого навыка интуитивно. Он дышал медленно и плавно, настолько глубоко, что его грудная клетка максимально расширялась. Выдыхание совершал с возможно меньшим усилием. А ведь от правильного выдоха вокалиста зависит сила звука и его длительность.

Пение Андрея приближалось к идеальному. Не за горами было время, когда его лирический тенор сумел

бы достичь высот Лемешева, а потом и превзошел бы легендарного певца. Да произошел с парнем несчастный случай: зимой какие-то хулиганы ограбили его, при этом жестоко избив. Без шапки, почти час он пролежал на морозе, пока случайные прохожие не помогли ему. Потом были две операции, лечение, все мыслимые и немыслимые процедуры, массаж. Только ничего не помогло: в гортани произошли необратимые изменения. Как вокалист Андрей пропал. Ему больше было не суждено петь.

Сегодня на работу к Ивану Ивановичу неожиданно пришел молодой московский следователь. Вернее, сначала тот явился к директору, а уже Татьяна Юрьевна привела его к Кизилову. Она работает в училище сравнительно недавно, а Иван Иванович — с первого дня. А вопросы следователя относились к прошлому времени.

Аккуратно и скромно одетый молодой человек владел исключительным даром общения. Через несколько минут Кизилову уже казалось, что он давным-давно знаком с этим Владимиром Григорьевичем. Очевидно, умение разговаривать собеседника является одним из необходимых качеств настоящего сыщика. Если это так, то Яковлев далеко пойдет.

Москвич рассказал, что он сотрудничает в следственной бригаде, расследующей убийство эстрадной певицы Людмилы Репиной, произошедшее пять дней назад. Про трагический случай во Дворце государственных торжеств Кизилов, разумеется, слышал. Следователь рассказал о тех обстоятельствах вокруг этого события, которые удалось выяснить.

— Подозреваемые есть. Говорю во множественном числе, хотя, возможно, правильнее было бы сказать в единственном. Пока все версии весьма расплывчаты. Тем не менее есть причины для моего визита в Пермь.

Во-первых, человек, уезжавший вскоре после убийства Репиной из Дворца торжеств, потерял в машине юбилейный значок вашего училища.

— Значки же не номерные.

— Понимаю. Это лишь маленький штрих. К тому же не факт, что уезжал убийца. Может, случайное совпадение. Во-вторых, Муромцева, жертва репинского коварства, ваша воспитанница. В-третьих, опекающего ее молодого человека, с чьей нелегкой руки Янина познакомилась с певицей, она знала в лицо, поскольку раньше встречала его в училище. Фамилию его девушка не знает, тот представился как Артур. Возможно, это не настоящее его имя. Однако когда идешь по следу, приходится хвататься за всякие мелочи.

Насколько помнил Кизилев, среди ровесников подозреваемого в «Пермской обители» был всего один мальчик с таким именем — Артур Погосянц. Он по-прежнему живет в Перми, от музыки далек. После училища Артур закончил политехнический институт, известен в городе как специалист по компьютерам. Сейчас у него свое интернет-кафе, он вкалывает с утра до вечера, и вряд ли у него есть время для поездок в Москву.

Ивану Ивановичу вспомнился еще один Артур, который учился в Институте культуры. Тот факультативно занимался у него фортепиано. Но тому уже далеко за тридцать.

— Насчет имени я особых иллюзий не питаю, — сказал Яковлев. — Вымышленными именами прикрываются сплошь и рядом. Но все-таки будем пока придерживаться той версии, что этот лже-Артур художественно имеет отношение к училищу.

— Боюсь, что в этом случае я ничем не смогу быть вам полезен, — расстроился старый преподаватель.

После этого они поговорили на отвлеченные темы. Будучи патриотом своего города, Кизилев рассказал

москвичу о пермских достопримечательностях, настоятельно советовал, прямо-таки уговаривал побывать в известнейшем чуть ли не на весь мир музее деревянных скульптур. Готов был чуть ли не за руку повести его туда, да сам же вспомнил, что сегодня понедельник — в галерее выходной. Яковлев отнес такую пылкость на счет того, что Иван Иванович сам занимался резьбой по дереву. Даже в учительской, где они беседовали, нашлось несколько сработанных им миниатюр, которые с гордостью были продемонстрированы гостю. Метод работы Кизилова хорошо знаком многим: он собирал причудливые сучки и ветки, которые при помощи ножичка легко превратить в фигурку дельфина, бобра или голову лебедя с раскрытым клювом.

Вскоре Владимир позвонил в Москву и пересказал Турецкому свой разговор с преподавателем.

В свою очередь Александр Борисович поделился новостью с Галей Романовой:

— Если исходить из того, что он назвался Янине вымышленным именем, получается, что не такой уж это невинный агнец. Наверное, имеет смысл проверить среди нераскрытых дел что-нибудь похожее. Почему среди нераскрытых, понятно? Если бы человек попался, то уже сидел бы и не совершал новых преступлений.

— Почему среди нераскрытых, я как раз понимаю. Я не могу взять в толк, почему вы говорите о похожих.

— Галя, у каждого преступника свой почерк, привычки. Это же азы нашей профессии.

Романова выбрала из картотеки погибших эстрадных певцов. Некоторые из них стали жертвами автомобильных или авиационных катастроф. Другие были жертвами бытовых разборок, одного, например, зарезала теща. После постепенного отсеивания в улове осталось одно дело. Зато такое, что Романова не выдержала и пулей помчалась к Турецкому. Перед дверью его кабинета Галина попыталась сдержать свой пыл и

вежливо постучалась. Войдя в кабинет, с трудом сдерживая торжествующую улыбку, медленно направилась к столу.

Александр Борисович, мельком взглянув на нее, сказал:

— Что там за радость случилась у тебя? Не томи.

Галина выпалила:

— Ровно пять лет назад во Дворце торжеств, во время концерта, посвященного Дню милиции, был убит выстрелом в сердце певец Игорь Прыжков!

Глава 17

ИЮНЬ 1999-го

Кизиллов с наслаждением слушал, как Наташа Козельская поет «Восточный романс» Глазунова, весьма сложную вещь для исполнения. Его лицо было неподвижным и строгим, в глазах же читалось одобрение.

По внешнему виду Ивана Ивановича в нем трудно распознать человека музыкального мира. Многие его коллеги любят подчеркнуть свою принадлежность к богеме: экстравагантные курточки, длинные волосы, шейные платочки. В этом смысле Кизиллов сделан из другого теста: носит простые костюмы, у него ничем не примечательная стрижка. Встретив такого на улице, затруднишься определить профессию. Видно только, что интеллигентный человек.

Кизиллов был прирожденным педагогом, работал со своими учениками не жалея сил, относился к ним, можно сказать, по-отечески. Помимо всего прочего, такое отношение было вызвано тем, что с родным сыном по злой иронии судьбы произошла осечка — у Димы начисто отсутствовал музыкальный слух. Тут он был феномен. Даже в обычной школе его не приняли в сводный хор учеников шестых классов. К 8 Марта

мальчики готовили девочкам музыкальный подарок — разучивали песню, а Диму, услышав один раз, не приняли. После уроков руководительница хора заходила в класс и придерживала дверь рукой, чтобы мальчишки не разбежались. Кизилова же она беспрепятственно отпускала. Поначалу ему было обидно ощущать себя изгоем, но очень быстро выяснилось, что все мальчишки ему страшно завидовали. Пока он беззаботно играл в футбол, они были вынуждены битый час разучивать «Из-за острова на стрежень...».

Да что в школе — в армии и то быстро обнаружили, что он отчаянно фальшивит. Бывало, возвращались с занятий усталые, замерзшие, казалось бы, им было не до качества вокала. Вдруг лейтенант дает команду: «Рота, запевай! Кизилев, отставить!» И это в армии, в той самой армии, где Димин отец в молодости был ротным запевалой.

Нет, конечно, Иван Иванович доволен сыном — сейчас он серьезный инженер, хороший компьютерщик, но вот династии не получилось. Поэтому свою педагогическую энергию Кизилев переключил на учеников, надеясь, что уж они-то достигнут в музыке и пении известных высот. Нельзя сказать, что у него в классе были любимчики, однако в глубине души Иван Иванович обычно выделял самого перспективного, потенциально «звездного», которому после окончания «Пермской обители» до большой известности оставалось рукой подать.

Когда с Андреем произошла непоправимая трагедия, лидирующее место Сереброва заняла колоратурное сопрано Наташа Козельская. У девушки был поистине пленительный голос, одинаково хорошо звучащий во всех регистрах, безупречная интонация, отличная дикция. То есть во всем она достигала совершенных степеней. Ей придется выбирать между оперой и эстрадой, она не затеряется ни там, ни там. Сейчас молодых исполнителей больше привлекает

эстрада, попса приносит деньги и быструю известность. Однако как искусство оперный жанр весомей. Возможно, имя не так будет на слуху, зато при добросовестной работе останется в музыкальной истории надолго. Сам Иван Иванович склонялся к тому, чтобы Наталья остановилась на опере. Постарается убедить ее в правильности такого выбора. В борьбе за дальнейшую судьбу певицы он надеется на своего союзника — Андрея Сереброва.

После того, что с ним стряслось, Андрей долго болел и автоматически пропустил в институте второй семестр. Поскольку причина уважительная, ему предоставили академический отпуск на один год. Зимой он приступит к занятиям. Юноша долго находился в подавленном состоянии. Вынужденный покинуть общежитие, темпераментный ранее парень снял неказистую однокомнатную квартиру на окраине города и превратился в угрюмого домоседа. Постепенно под влиянием друзей начал приходить в себя, словно росток, отогреваемый после заморозков солнцем. Он даже изредка пел в хоре вторым тенором. При этом сам про себя горько шутил: «Я работаю в хору: все орут, и я ору». Мол, намек на то, что в хор идут те, у кого нет сольного, «штучного» голоса.

Это все были полумеры, требовался кардинальный выход из положения. Один из его знакомых по институту, Олег Запольский, работал в молодежной газете. Он предложил Андрею делать еженедельные обзоры новых музыкальных компакт-дисков. Серебров охотно согласился.

Кизиллов тоже старался его растормошить, сделать так, чтобы тот не выпадал из музыкальной жизни. Андрей говорил, что его жизнь уже кончена. Иван Иванович проводил аналогию со спортом. Не может из-за возраста спортсменов участвовать в состязаниях — переходит на тренерскую работу. По сути дела, он сделал Сереброва своим неофициальным помощни-

ком. Андрей регулярно появлялся на уроках Ивана Ивановича, который тактично и уважительно советовался с ним при учениках, консультировался. Это льстило юноше, и он старался быть полезным своему наставнику.

Кизилкову не стоило труда заметить, что Андрей почти не пропускает те уроки, когда занимается Наташа. Нужно быть слишком наивным человеком, чтобы не догадаться о причинах повышенного интереса: девушка явно нравится ему, причем не только как певица. Что ж, если им суждено быть вместе, красивая пара получится. Хотя говорить об этом рановато.

Самому Андрею казалось, что его равнодушное отношение к Наташе со стороны мало заметно. Ну, присутствует на занятиях, ну, провожает до дома. Что в этом особенного? А впрочем — пускай молва связывает их имена, ему это только приятно. Возможно, устоявшееся мнение об их прочном союзе помешает появиться каким-нибудь соперникам.

И все же он чувствовал — Наташа с ее успехами постепенно отдаляется от него. Раньше они, лидеры «Пермской обители», вровень бежали по соседним дорожкам, заметно опережая остальных, подбадривая и помогая друг другу. Потеряв голос, Андрей начал безнадежно отставать от подруги, сошел с дистанции с ощущением того, что теряет жизненную опору. Хотя внешне все выглядело по-прежнему: те же общие компании, походы в филармонию, прогулки.

Однажды они шли по улице, когда Наташа вдруг остановилась и схватила Андрея за руку:

— Смотри!

Красочная афиша извещала о том, что через месяц во Дворце спорта состоятся концерты московского певца Игоря Прыжкова.

— Я хочу пойти!

— Тебе охота слушать этого крикуна?! — искренне удивился Андрей.

— А чем он тебе не нравится? Он все же лучше этого слащавого комсомольского певца. — Наташа кивнула на соседний плакат, сообщавший о гастролях еще одного москвича, которые должны состояться раньше прыжковских.

— У него хоть голос есть.

— А у Прыжкова, по-твоему, нет?!

— Конечно, нет! «Косит» под Высоцкого или на худой конец под Боярского. Только до обоих ему, как до Луны.

Наташа обиделась за своего кумира, и тогда Андрей, чтобы не сердить ее, пошел на попятный — пообещал взять билеты на концерт Прыжкова.

Глава 18

ИЮНЬ 1999-го

— Наташк-а-а! — послышалось со двора.

Отодвинув шторы, Наташа вышла на балкон и увидела внизу Стасика Ледовских. Тот радостно замахал рукой. При взгляде на них вспоминались кадры из каких-нибудь довоенных фильмов: оба молодые, беззаботные, в светлых нарядах. Она стоит на балконе третьего этажа, освещенная июньским солнцем, он укрылся в тени под деревом. В кино подтекст подобных сцен можно определить словами «Если завтра война...».

— К тебе можно? Дело есть.

— Конечно, заходи, — кивнула она.

— Представляешь, потерял телефонную книжку и не смог позвонить тебе, — ввалившись в коридор, объяснил Стасик причину своего «допотопного» обращения. — Я без нее как без рук. Не помню наизусть ни одного телефона.

Станислав был Наташиным одноклассником, не

«кадровым», с которыми она отбарабанила с первого по десятый классы, а обыкновенным — они вместе учились только последние три года. Она мало что знала о том, чем Ледовских занимается после окончания школы. Краем уха слышала, что он торгует на оптовом рынке видеокассетами и хорошо зарабатывает. Сведения оказались устаревшими.

— Сейчас я ушел в музыкальный бизнес, — объявил Стасик. — Там можно заколачивать офигенные деньги. Мы с ребятами организовали студию звукозаписи. Будем делать аудиокассеты, выпускать альбомы. Поэтому я к тебе и пришел.

— То есть?

— Хочу предложить, чтобы ты у нас записалась со своими песнями.

Наташа категорически отказалась:

— Стасик, это невозможно. Наш преподаватель просил без обсуждения с ним не готовить всякие альбомы.

— Да откуда же он узнает! Это просто тренировочная запись.

— Потренируйтесь на ком-нибудь другом.

— Натулечка, всегда в кайф иметь дело с классными мастерами, — захныкал Ледовских. — Разве можно записывать первого попавшегося прохожего!

— Для вас я как раз первый попавшийся.

— Обижаешь, мать. Я ведь специально стремился к тебе как к обладательнице уникального голоса, несмотря на титанические трудности, которые пришлось преодолеть мне из-за потери заветной записной книжки и не позволившие предупредить о своем появлении по телефону, — высокопарно произнес он с пародийным пафосом.

— Стасик, не обижайся, но мне, в принципе, нельзя записываться. У меня еще нет диплома.

— Опять двадцать пять! — всплеснул руками Ледовских. — Кто же сейчас смотрит на эту фигию! Сей-

час на сцену прутся любые шмакодявки, у которых не то что диплома — аттестата нет. Ты просто поможешь нашему звукорежиссеру наладить оборудование. Об этом ни одна душа не узнает, если, конечно, сама не проговоришься. Я нашел такого прикольного звукорежиссера, что закачаешься. Он без образования, но с ушами.

— Запись может попасть в чужие руки.

— Исключено. Ее не будет в нашей фонотеке, для которой потом будем писать чисто коммерческий музон. Сможешь проверить, мы действуем прозрачно. Вдобавок запишем тебя в стилистике «лоу-фай».

— А это с чем едят?

Сказав, что дословно выражение переводится «низкое качество», Станислав утаил, как быстро подобная стилистика входит в моду. Вместо этого попытался ошарашить девушку градом малопопулярных терминов из рэперского сленга, вставляя через слово «рокапопс», «гранж», «камбэк».

Стремясь преодолеть Наташино упорство, Ледовских мобилизовал все свое обаяние. Чего-чего, а этого ему не занимать.

— Ну, Натулечка, хочешь, мы тебе заплатим? Сколько ты берешь за запись?

— Я за деньги не записывалась.

— Никогда?! — притворно ужаснулся Станислав. — Пора начинать. Оглянись кругом — какое время нынче на дворе. Деньги сами плывут в руки, только собирай, не ленись. Я тебе расскажу анекдот по этому поводу. Одному эстраднему певцу позвонили со студии и спросили, какой гонорар он берет за запись. «Пятьсот долларов», — отвечает. «Очень жаль, — вздохнули те, — мы можем заплатить только сорок». — «Согласен».

Наташа расхохоталась, а Ледовских, чувствуя, что сопротивление слабеет, усилил натиск, обильно оснащая его своими шутками и прибаутками.

Наташа согласилась исполнить три песни. **Аккомпанировала** ей некая безымянная группа. Их игра настолько понравилась девушке, что она с листа исполнила еще несколько песен.

Когда все собравшиеся в студии прослушали запись, пришли к общему выводу, что две песни необходимо записать заново.

— Зачем? — удивилась Наташа. — Ведь писали-то для себя, а не для продажи. Это же «демо».

Ей захотелось показать, что она не случайный человек в шоу-бизнесе и знакома с их терминологией. «Демо» — это демонстрационный, недоработанный материал.

— Для себя тоже хочется добиться совершенства, — хмыкнул Станислав. — Уж на новой-то аппаратуре мы можем обойтись без лажи.

Музыканты тоже заявили в один голос, что им свое звучание не понравилось и они готовы сыграть по-другому. Наташе ничего не оставалось делать, как согласиться. Но и второго раза оказалось мало, начались новые уговоры. Короче говоря, одну песню повторили три раза, а другую — пять.

Глава 19

ОКТАБРЬ 2004-го

У Всеволода Юрьевича Сереброва есть закадычный приятель Николай, работающий тренером по гандболу. Стоит этому Николаю выпить, он заводит одну и ту же песню:

— Эх, Севка, Севка, слишком рано ты появился на белом свете. Будь ты лет на двадцать моложе — играл бы у меня в команде, взяли бы тебя в сборную...

Действительно, физическим данным Всеволода Юрьевича позавидует центральный нападающий

любой гандбольной команды: ростом под два метра, широкоплечий, статный, силу девать некуда. Пронесся бы он по площадке — все защитники сразу бросились бы врассыпную. Но раз уж так получилось, что Всеволод поздно родился, тут уж ничего не поделаешь. Вместо того чтобы играть за сборную страны на чемпионатах мира, Всеволод Юрьевич исправно работает в чугунолитейном цехе дизельного завода и, естественно, знать не знает, ведать не ведает, что такое спортивный режим. Правда, Николай, которому про существование режима прекрасно известно, таковой, в отличие от своих подопечных, тоже не соблюдает. По выходным Всеволод Юрьевич и Николай нередко сидят за бутылочкой, это своеобразный ритуал.

Вот и сегодня они собрались дома у Сереброва, вели душещипательную беседу, когда раздался звонок в дверь. Открыв ее, хозяин увидел перед собой двух незнакомых парней, которые спросили Андрея.

— Его нет, — с некоторой долей удивления ответил Всеволод Юрьевич. Андрей так давно уехал отсюда, что, казалось, это известно всему Чусовому.

— А вы его...

— Отец, — пробасил Серебров.

— А мы его пермские знакомые. Хотели с ним повидаться, а в общежитии нам сказали, что он оттуда съехал.

— Он в Москве сейчас.

— В Москве? — разочарованно произнес один из парней. Зато второй воспринял это известие с неожиданным энтузиазмом.

— Это же здорово! — воскликнул он. — Мы же как раз на днях едем в Москву. Как нам его там разыскать?

— В Москву едете? — хмыкнул Серебров, удивленный таким совпадением.

— Да. Может быть, Андрею что-нибудь передать? — поспешно добавил парень.

— Ничего не надо. Да я и не знаю куда. Он где-то снимает квартиру, да адреса не сказал.

— Может, телефон нам дадите?

— Не знаю я телефона. Он сам звонит.

К дверям подошел соскучившийся по собутыльнику Николай. При появлении еще одного громилы Геныч и Виталий окончательно сникли. Спешно попрощавшись, побрели прочь.

Их появлению в Чусовом предшествовали долгие уговоры Дергача, горевшего жаждой мщения. Его воровская компания начисто потеряла интерес к жожаку, в одночасье ставшему инвалидом. На настарные просьбы Сергея бывшие дружки отговаривались нехваткой времени. «Уж насчет того, что нет времени, могли бы мне не вешать лапшу на уши, — с горечью думал он. — Я-то знаю, чем они заняты. Либо воруют, либо сбывают краденое. Могли бы и передышку сделать».

Только Геныч и Виталий кое-чем помогали, хотя действительно были заняты — оба работали. А Сергею во что бы то ни стало было нужно разыскать этого Сереброва. При других обстоятельствах он не погнушался бы заявить на него в милицию, хотя считал, что толку от ментов как от козла молока. Но сейчас к ним и сунуться нельзя — спросят, откуда он узнал фамилию преступника. Не говорить же им, что украл его документы. Станут разбираться — себе можно навредить. Значит, остается искать своими силами. Нужно съездить в Чусовой по тому адресу, где этот хмырь прописан. Иначе получится, напрасно терзали институтскую архивистку.

— Предположим, мы туда съездим, невелика сложность. А дальше что? — спросил Геныч.

— Узнаете, там ли он сейчас живет.

— Узнаем. А дальше что?

— Вот насчет этого будьте спокойны, — сказал Дергачев. — Мне ясно, что нужно делать дальше.

— Мы же не можем его убить.

— Вы не можете — другие смогут. Найдутся охотники. Для такого дела деньги у меня припасены. Если его там нет, тоже не беда. Взять в заложники кого-нибудь из родителей — быстро объявится.

Достал он их своей просьбой, съездили в одно из воскресений в Чусовой. Разыскали нужный дом, спрашивали людей, выяснили — не живет сейчас Андрей здесь. Родители по-прежнему живут, а он появляется раз в год по обещанию. Как уехал учиться в Пермь, так больше не возвращался.

Раз такое дело, можно смело идти к родителям, выдать себя за его дружок. Увидев отца Андрея, едва не расхохотались. Нелегко будет взять в заложники такого громилу, он одним пальцем человек двадцать раскидает.

...Бесплодная поездка Геныча и Виталия в Чусовой озлобила Дергачева. Москва — слишком большой город, да и находится далеко. Но там живут знакомые, которые при случае смогли бы его разыскать. Вот только чтобы подвернулся такой случай, нужен мостик, по которому усилия пермяков можно перенести в Москву. Пока же его нет и не было бы, не позвони случайно Дергачу один старый приятель.

Глава 20

ИЮЛЬ 1999-го

В начале месяца наступили по-настоящему жаркие дни, и когда по городу пронесся слух, что вода в Каме прогрелась, пермяки ринулись на пляжи. Наташа и Андрей решили не отставать от других. Поехали в Левшино. Все же подальше от центра, там народу меньше. Но оказалось, тоже много. Хватало и катеров, которые нагло подплывали к самому берегу. Шум стоял невообразимый: дети визжали, взрослые хохотали, многие приехали с магнитофонами — наяривала музыка. И вдруг Наташа услышала собственный голос:

Как-то утром в элитарный фитнес-клуб
Заявился здоровенный лесоруб...

Это была сочиненная ею шуточная песенка. С оркестром она пела ее только один раз — на записи у Стасика. Музыка доносилась из зеленого «жигуленка» с раскрытыми передними дверцами. Сам хозяин топтался возле машины] поудобнее устанавливая складной столик.

Наташа резво подбежала к нему. Пятидесятилетний мужчина вряд ли мог быть приятелем юного Ледовских, наверное, родственник или знакомый.

— Вы знакомый Стасика Ледовских? — спросила она. — Вам эту кассету Ледовских подарил?

Прервав свое занятие, мужчина застыл, оторопело уставившись на нее:

— Каких еще Ледовских? Что ты, девочка, не то городишь. Обознатушки.

— Я про эту песню, — растерялась Наташа. — Хотела узнать, откуда она у вас.

— Купил, знамо дело.

— Купили?

— Да, девочка, купил. Где я еще мог взять? Не украл же.

Обескураженная Наташа вернулась к подстилке, на которой лежащий в картинной позе Андрей лениво листал глянцевого журнала. Резвившиеся неподалеку девчонки постреливали на него глазками. Он не обратил внимания на песенку и не знал, куда отходила Наташа. Настроение было таким безмятежным, что до него не сразу дошел смысл сказанных слов. Через какое-то мгновение он встрепенулся и переспросил:

— Значит, это та самая песня, которую ты записывала у Ледовских?

— В том-то и дело. Он говорил, что ее никто не услышит, запись делается исключительно для отладки звукоаппаратуры.

Андрей стремительно вскочил на ноги. Его брови

сошлись на переносице, ноздри сердито раздувались. «Одержимый!» — мелькнуло в голове у Наташи. С некоторым испугом она спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Погоди, — коротко бросил он и направился к зеленому «жигуленку».

Мужчина уже управился со столом и теперь доставал из багажника многочисленные пакеты с провиантом, передавая их жене и дочке. Андрей как можно спокойней объяснил ему причины своего интереса и вскоре узнал все, что хотел, а именно где была куплена кассета. Хозяин дал ему посмотреть коробку своего недавнего приобретения. На упаковке указано, что играет группа «Акустика». Фамилии Наташи там не было.

— Этого так оставлять нельзя, — процедил Андрей, вернувшись на место. У него был настолько свирепый вид, что девушке сделалось страшно.

— А что можно исправить? — с робкой надеждой в голосе спросила она.

— Еще не знаю, подумаю. Но оставлять нельзя!

Наташа примирительно погладила его по руке:

— Ладно, меня от этого не убудет. Я могу петь хоть каждые пять минут.

Андрей опять вскочил на ноги:

— Как ты не поймешь, что дело не только и не столько в тебе! Тут перед нами воровство чистой воды. Они обманным путем использовали твой талант для своей наживы. Обманув тебя, они получают не просто деньги — деньжищи! Использовали твой голос, после чего тебя вышвырнули, словно котенка, на обочину. Ты им больше не нужна. Большого цинизма и представить трудно. — Он опять плюхнулся на подстилку. — Повертевшись в газете, я уже много наслышался про аферы в шоу-бизнесе. Если этим жуликам потакать, все провалится в тартарары.

— Что провалится?

— Все — и искусство, и общество.

— Эх куда хватил! — засмеялась Наташа. — Обманули меня, а провалится общество.

— Может, я неудачно выразился, — пробурчал Андрей, — но смысл, думаю, понятен. Самая тяжелая болезнь начинается с одного маленького вируса.

— Будем считать, что сейчас ты выразился более удачно и понятно. Нр... — Наташа ладонью взъерошила ему волосы и с умоляющими нотками в голосе попросила: — Андрюша, не кипятись. Зачем трепать себе нервы? Зачем преувеличивать значение пустяков? Все образуется.

Андрей молчал. Владелец зеленого «жигуленка» оказался столь тактичным человеком, что больше не ставил эту кассету. Наташа подумала, что инцидент исчерпан. Однако на обратном пути Серебров попросил показать ему, где находится студия, в которой она записывалась. «При случае покажу», — собралась было сказать Наташа. Но тут автобус, в котором они ехали, остановился на перекрестке на красный свет, и ей в глаза бросился тот дом. «Вон там», — произнесла она с легким смешком, мол, у меня тут случайно и рояль в кустах оказался.

— Ага. Показала первый попавшийся дом, только чтобы я отвязался, — недоверчиво произнес Андрей.

— Нет, в самом деле там. Я точно помню, как мы в тот подвал с торца заходили. А вывеска там — «Ремонт обуви».

Больше они к этой теме не возвращались.

Глава 21

ИЮЛЬ 1999-го

Работа в газете стала для Андрея подлинной отдушиной. Он был очень благодарен Олегу, который привел его туда. Дело было не только в публикациях, что само по себе приятно: тешило самолюбие и приносило

крошечный доход. Главное — ему нравилась живая атмосфера редакции, востребованность сотрудников, которую он быстро ощутил. Чувствовалось, журналисты интересуются всеми происходящими в городе событиями. Есть и обратная связь: многие заинтересованы в том, чтобы газетчики обратили на них внимание. Редакционный факс работал не переставая, приглашения сыпались одно за другим.

Андрей по несколько раз в день просматривал новые сообщения. Он считал это одним из преимуществ журналистской работы: им не просто сообщали всякие новости, а приглашали посетить театральную премьеру, открытие выставки, презентацию книги, церемонию вручения премии. Элемент корысти тут есть — люди надеются, что в газете появится отклик и это послужит рекламой. Журналисты охотно принимали условия игры: вы пригласили нас к себе бесплатно — за это мы напишем про вас. Если Андрея что-нибудь интересовало, он шел к Олегу, тот заведовал отделом культуры, и во избежание конфликтов спрашивал разрешения. Все-таки, будучи в редакции на птичьих правах, неудобно перебегать дорогу штатным сотрудникам. Однако предложений сыпалось столько, что всем с лихвой хватало. Не успевали ходить.

На пресс-конференцию во Дворце спорта, посвященную предстоящим гастролям известного московского певца Игоря Прыжкова, Андрей обратил внимание лишь потому, что этот крикун нравился Наташе. Иначе бы он такое мероприятие проигнорировал. А тут решил сходить. Дай, думает, узнаю про него что-нибудь любопытное, потом расскажу Наташе, раз уж ей интересно.

Олег тоже пошел с ним во Дворец спорта. Поднявшись в длинное и узкое фойе второго этажа, друзья увидели, что оно наполовину заставлено маленькими квадратными столиками, окруженными стульями. На столиках белели одноразовые тарелки с конфетами и

печеньем, а возле левой стены расположилась стойка, где бесплатно угощали кофе или соком. Туда беспрестанно кто-нибудь подходил. Чувствовалось, что многие журналисты знакомы между собой. Они радостно здоровались, занимали для опоздавших коллег места.

Строго одетая организаторша представила участников пресс-конференции: продюсера и режиссера последней прыжковской программы. Самого певца не было, что вызвало разочарование, особенно у женской части собравшихся. Продюсер сказал, что у Игоря съемки на телевидении, он прилетит через три дня, то есть накануне первого концерта.

Продюсера звали Валерий Яковлевич Шифман. Невысокий, пухленький, выглядел он очень по-простецки: в джинсах и светлой фирменной рубашке с короткими рукавами. Он сразу захватил инициативу. Чувствовалось, ему не привыкать вести подобные мероприятия. Шифман говорил улыбочиво, легко, подробно отвечал на все вопросы.

Зимой Олег был в Петербурге и брал у Прыжкова интервью, о котором договаривался через продюсера. После пресс-конференции он подошел к Шифману, чтобы поздороваться. Тот, увидев его, расплылся в улыбке, будто встретил отца родного:

— Ба-ба-ба! Я-то, грешным делом, думал, что у меня в Перми нет знакомых. Ведь я здесь впервые.

Запольский представил ему Андрея. В это время к Шифману подошел режиссер и сказал, что едет в телецентр:

— Встретимся вечером в гостинице. Пока.

— Ребят, а где тут можно выпить с устатку? — спросил Шифман.

Они втроем пошли в кафе «Погребок», где замечательно провели время. Шифман оказался донельзя свойским парнем. Он рассказал множество забавных историй из жизни эстрадников. Всех-то он знал, со многими работал. С Леонтьевым он был на «ты», с

Винокуром ходил в сауну, Кобзону помогал выбирать парик, а Газманова однажды выручил, пожертвовав ему брюки: Олег так прыгал на сцене, что свои порвал.

К концу обеда ему самому надоела эта хлестаковщина, и Шифман стал расспрашивать новых знакомых, чем живут пермские музыканты. Вот тут Андрей и рассказал ему про Наташу Козельскую, какая это способная исполнительница. Стесняясь своего слабого голоса, напел пару мелодий из ее репертуара. И вот что значит профессионал высшей марки: услышав эти песни, Шифман из подвыпившего балагура мигом превратился в охотника, почувствовавшего крупную дичь.

— Познакомь меня с этой девушкой, — попросил он. — Чует мое сердце, такое знакомство будет для нас взаимно выгодно.

Наташа была совершенно не готова к тому, чтобы сейчас прослушиваться. На каникулах она, как говорится, расслабилась, отошла от музыки и занималась в основном тем, что помогала старшей сестре, у которой недавно родился ребенок. Да еще Ледовских с «пиратской» записью выбил из седла. С Андрея семь потов сошло, прежде чем он убедил подругу не пренебрегать возможностью показаться московскому продюсеру. И не просто продюсеру, а человеку, который работает с ее кумиром. Видимо, последнее обстоятельство и склонило чашу весов в пользу прослушивания.

Они собрались втроем в гостиничном номере. Наташа пела под аккомпанемент гитары, на которой играл Андрей. Шифман был наповал сражен ее исполнением, он не скрывал свой неподдельный восторг. В считанные минуты продюсер осыпал ее сотней комплиментов.

— Наташа, давайте обменяемся телефонами, — предложил он в завершение. — Если вы согласитесь, я включу вас в какой-нибудь престижный концерт.

Такой, после которого про вас заговорят все: и зрители, и коллеги. Это будет не раньше осени, в июле и августе у нас сплошняком гастрологи. Но, поверьте, у меня потрясающая память, и при первой же возможности, если согласитесь, мы с вами станем работать.

Настроение у Наташи было приподнятое. Она чувствовала, что продюсер Прыжкова принесет ей удачу.

На следующий день Наташа собралась к сестре на дачу и случайно встретила на улице Стасика Ледовских. Тот шел, словно в воду опущенный. Насколько она лучилась от радости, настолько он являл собой воплощенное горе. Она же столь счастлива, что готова проявить великодушие и не укорять Ледовских за его некрасивый поступок.

— Что с тобой стряслось? — поинтересовалась Наташа. — У тебя неприятности?

— Да уж, — вздохнул Ледовских, — не маленькие. Студию мою разгромили. Живого места не оставили. Все замкнули, покорежили, вырвали. Ничего не восстановить. Нет у меня больше студии. Накрылась медным тазом.

— Неужели милиция никого не нашла?

— Наивный ты человек, Наталья. Милиция одно долдонит: надо было первым делом, когда въехали, ставить сигнализацию. Будто я это без них не знаю. Да какая, к черту, сигнализация, если мы все деньги вбухали в аппаратуру! Хотели сначала окупить ее, потом оборудовать солидное помещение. Не можем же мы сидеть с микрофоном в сортире.

— Что же теперь делать?

— Да я сам теряюсь в непонятках. — Станислав пожал плечами. — Наверное, мы кому-то из конкурентов перебежали дорогу и нам сделали серьезное предупреждение. В следующий раз нас прибить могут. Придется улепетывать в другой бизнес, пока цел.

Глава 22

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Во вторник, во второй половине дня, следственно-оперативная группа в полном составе собралась в кабинете Турецкого, чтобы выслушать отчет Леши Величко, которому было поручено изучить материалы по нераскрытому убийству певца Прыжкова. Оно произошло ровно за пять лет до репинского, день в день, при схожих обстоятельствах. В том смысле, что певец был застрелен за кулисами Дворца государственных торжеств и тоже 10 ноября — во время праздничного концерта, посвященного Дню милиции.

— Все свидетели утверждали, что Прыжков находился во взвинченном состоянии. Для психоза у него имелись две причины. Во-первых, он собачился со своим продюсером, — рассказывал Величко. — Тот пригласил участвовать в концерте Наталью Козельскую, самобытную певицу из Перми...

— О! Опять ниточка тянется из Перми, — перебил его Вячеслав Иванович и обратился к Яковлеву: — Ты же был там только что. Выяснил что-нибудь интересное?

— Я же летал по репинскому делу, — оправдывающимся тоном сказал Володя.

— Жаль.

— Ничего страшного, — успокоил присутствующих Курбатов. — Туда еще не раз придется ездить.

— Давайте слушать, — призвал всех к порядку Турецкий. — Мы не знаем, чем юное дарование помешало Прыжкову.

— У молодой певицы имелся свой оригинальный репертуар, в основном на слова и музыку пермских авторов. Пела она безупречно. Достаточно сказать, что сейчас Козельская работает в Большом театре. Можно

представить, какой это голос. Но тогда должно было состояться ее первое выступление в Москве.

— Каким образом она попала на тот концерт?

— В конце июля того же года Прыжков гастролировал в Перми, и там его продюсер Шифман познакомился с Натальей. Она ему до того понравилась, что он пообещал пригласить ее при первой возможности в Москву. Слово свое продюсер сдержал, включил Козельскую в концерт, посвященный Дню милиции. Но дело в том, что Прыжков, никого не предупредив, включил в свой репертуар ее песню «Серебряный полет», которую услышал на какой-то пиратской кассете и хотел исполнить в тот вечер. Наталья выступала перед ним, другую песню она не подготовила. Прыжков настаивал на том, чтобы она или пела другую, или совсем не выступала. Шифман резонно говорил, что его репертуар гораздо обширней и Игорю ничего не стоит обойтись без этой, чужой, песни. Но тот категорически настаивал на своем. Спор велся в открытую, его слышали десятки людей. В конце концов, Козельская выступить отказалась.

— Да ей, скорее всего, просто не дали выступить, — сказал Александр Борисович.

— Одновременно с этим разгорался второй конфликт — из-за программы, — продолжал Величко. — По неписаному закону, ближе к концу концерта «звездность» выступающих должна повышаться. Другими словами, тот, кто выступает последним, звезда первой величины. А у предпоследнего яркость на какую-то толику меньше. Естественно, каждый стремится выступать на самом почетном месте. Тем более что концерт показывали по телевидению. В тот день последней в программе стояла Галина Светлоторова. Это задело Прыжкова, так как он считал себя более знаменитым.

— Тут-то он, наверное, прав, — вставил Грязнов. — Его фамилия больше на слуху. Даже я слышал.

— Возможно. В своих показаниях Шифман говорит, что у Галины был новый продюсер, некто Халатин, который страшно волновался. Молодому человеку хотелось зарекомендовать себя с лучшей стороны, и он умолял режиссера, чтобы тот уступил последний номер Галине. Режиссер не выдержал его напора и сдался. А Прыжков, узнав об этом, взвился до потолка. Тем более что он терпеть не мог Светлоярову, даже фамилию ее не произносил, называл базарной торговкой. Все долгое время орали до хрипоты...

— «Все» — это кто? — спросил Турецкий.

— Прыжков, Шифман, Халатин и Светлоярова.

— Представляю праздничную закулисную атмосферу, — вздохнул Вячеслав Иванович.

— Каждый стоял на своем, ситуация становилась тупиковой. Вдруг Прыжков убежал в свою гримуборную и тут же появился с пистолетом в руках.

— В кого же он целился?

— Как ни странно, в Светлоярову. Тогда Халатин и Шифман бросились на него, пытаясь отобрать пистолет. Началась свалка. Кто-то еще бросился их разнимать. Когда раздался выстрел, все словно пришли в себя и замерли. Даже не сразу поняли, что Прыжков убит. Думали, просто лежит обессиленный.

— Пистолет был у него в руках?

— Нет, рядом валялся.

Потом Величко рассказал о ходе следствия.

— По документам получается, что и следователь, и оперативник угро, и эксперт-криминалист, и судмедэксперт в конце концов пришли к выводу, что в той чудовищной суматохе Прыжков был убит пулей, выпущенной из собственного «Макарова». Но была одна заковыка, которая привела следователя Егорова в недоумение: баллистическая экспертиза не может утверждать с полной уверенностью, будто пуля выпущена именно из этого пистолета. Она «макаровская», но теоретически возможно, что там действовал и дру-

гой ствол. То есть за кулисами оказался еще один «Макаров». Это была очень «неудобная» версия, и тогда Егоров провел повторную экспертизу на оружейном заводе. Вы же знаете, как там проверяется: поставил кому-то бутылку, и тот написал, что нужно.

— Да, с методами работы Егорова придется окончательно разобраться, — сказал Александр Борисович, и после паузы Турецкий сформулировал ближайшие задания:

— Сейчас придется сделать повторную экспертизу. Главное — нужно сравнить две пули: ту, которой был убит Прыжков, и ту, которой убита Репина. И главное, нужно сейчас выяснить как можно больше про убитых певцов. Были ли у них общие знакомые? Чем больше будем знать про них, тем быстрее найдем убийц.

Часть третья

ЗВЕЗДА ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ

Глава 23

МАРТ 1999-го

Первыми в милицию обратились врачи больницы, куда два случайных прохожих доставили избитого Андрея. Стражи порядка только разводили руками: свидетелей нет, пострадавший ничего сказать не в состоянии. Что мы тут можем поделать?!

Кто потом только не тормозил милиционеров! Однокурсники Андрея, студенты музыкального училища, его преподаватель Кизилев ходили на прием в отделение милиции, потом в УВД, писали заявления. Требовалось заявление от пострадавшего — они и Серебров уговорили написать его. Все тщетно. Иван Иванович растерянно говорил коллегам: «У меня даже язык не повернется упрекать милиционеров. Как можно разыскать хулиганов, которые избили случайного прохожего. Ведь этого никто не видел». — «Можно, — слышалось в ответ. — У них есть свои способы. Просто не хотят этим заниматься. Для милиции это — мелкое дело».

До конца марта Андрей не выходил от врачей. Надеялся на чудо. Думал, в один прекрасный день кто-нибудь из них обрадованно воскликнет: «А вы знаете, голубчик, наш диагноз-то оказался ошибочным! Все восстановится, сможете петь, как прежде».

Чуда не произошло. Не услышал он долгожданных слов. Приговор оказался верным. Отчаяние, которое Андрей испытал, невозможно передать словами. У него было уникальное дарование, таким голосом впору покорить мир. Преподаватели восхищались его вокальными данными. Опытный Иван Иванович считал самым большим счастьем для себя, что ему попался такой ученик. Знатоки прочили ему блестящее будущее.

И вот все пошло прахом. Почему так получилось? Какая зловещая сила возникла вдруг на его пути? Ведь он-то никому не причинил зла. Он знать не знает этих людей. Просто проходил мимо. И вдруг ни с того ни с сего они жестоко избили его. Грешно так думать, но ограбь и избей бандиты другого человека, возможно, для того не было бы подобных последствий. Для него же это катастрофа. Жизнь кончена. Почему какие-то негодяи перечеркнули его судьбу?! Неужели они будут ходить безнаказанными?! Милиция их не поймала? Так он сам их найдет!

Андрей решил купить пистолет. Даже при разгуле нынешнего криминала это оказалось не так-то просто. Во всяком случае, в Перми ему это не удалось. Тогда он поехал к родителям в Чусовой. Рассудил, мол, знакомых у него там побольше, значит, найдется больше советчиков и помощников, на которых можно положиться.

Они конечно же быстро нашлись, но проблему его решили далеко не сразу. По длинной цепочке вышли на бывшего спецназовца, у которого в Нижнем Тагиле жили сослуживцы по Афгану. И вот, когда он ездил

по делам в Тагил, заодно и привез новенький «Макаров».

Покупка оказалась дороже, чем рассчитывал Андрей. До катастрофы — а то избиение он иначе не называл — у него были солидные, на его взгляд, сбережения. В свое время он подрабатывал торговлей по электричкам. Сначала продавал мороженое, зимой перешел на журналы и книги. Это был трудный период. Книги — груз тяжелый, покупали их редко. Андрей очень уставал. Вдобавок его беспокоило горло: ходишь потный по вагонам, сквозняки, холод. Застудить его проще пареной репы. А уж ему, певцу, горло нужно беречь больше, чем кому-либо другому. Благо, ближе к Новому году подвернулся случай торговать турецкими электрокофеварками, а затем он занялся индийскими благовониями. Трудно было придумать что-либо лучше — набьешь ими рюкзак и сумку, а все равно идешь налегке. Да и раскупают их, как всякую дешевую вещь, охотней. В упаковке пять палочек, стоит она десять рублей. А уж рекламировать товар Андрей умел.

Короче говоря, деньги в Сбербанке у него лежали. Однако в тот вечер он шел с казенными. Андрей и еще одна девочка из училища должны были ехать на конкурс уральских вокалистов в Екатеринбург. Ему выдали командировочные на два билета, туда и обратно. Эти деньги украли. Он потом возвращал их из своих. Стоило оформить в институте годовой академический отпуск, как место в общежитии отобрали. Пришлось снять однокомнатную квартирку. Хоть и скромное жилище, неказистое, незавидное по всем статьям, а все же требовало расходов. Когда же потратился на билет и патроны, вообще ничего не осталось.

Уже держа купленный «Макаров» в руке, он почувствовал растерянность и страх. Страх из-за того, что кого-то придется убить, что хранить оружие он не

имеет права, что в любой момент его могут с ним задержать.

Андрей человек откровенный, ему было трудно что-то скрывать. Он обязательно должен с кем-нибудь поделиться своими думами, иначе измучается. Рассказал о своем замысле институтскому приятелю Игорю Монахову — добродушному незлобивому увальню. У него был цепкий природный ум, но эрудиции явно недоставало, из-за чего он часто попадал в анекдотические ситуации. Особенно Игорь прославился тем, что, отвечая как-то на вопрос преподавателя, который попросил его назвать пьесы Чехова, сказал: «Две сестры». Филолог тут же прогнал его со словами: «Идите и, пока не найдете третью, не возвращайтесь!»

Андрей лучше знаком с высказываниями Чехова. Став обладателем оружия, он сразу вспомнил хрестоматийное изречение классика о том, что если в первом действии на сцене висит ружье, в третьем оно обязательно выстрелит. Однако остановиться уже не мог. Услышав о замысле Сереброва, Игорь сразу изрек:

— Ты с ума сошел! Еще не хватало тебе загреть в тюрьму. Выброси этот пистолет к чертовой бабушке и забудь о нем, как о кошмарном сне!

— По-твоему выходит, меня изувечили, считай, перечеркнули мою жизнь, и эти люди как ни в чем не бывало будут топтать землю?

— Пусть милиция их ищет.

— Они поискали для отвода глаз, не нашли и больше не будут этим заниматься. Тут даже трудно осуждать милиционеров. У них полным-полно дел поважнее, масштабнее. А это важно только мне.

— Они не нашли, а ты тем более ничего не сможешь сделать. Пристрелишь, чего доброго, кого-нибудь другого.

С этим доводом Монахова спорить трудно. Андрей и сам плохо представлял, как можно разыскать своих обидчиков.

Глядя на обескураженного товарища, Игорь сказал:

— Ты знаешь, что я живу в Балатове. Не самый спокойный район в Перми. У нас в доме такие соседи — закачаешься... Наверное, добрая половина из них в тюрьме сидела. Вот они-то как раз могут найти твоего обидчика.

— Я заплачу, — обрадовался Андрей.

— Это само собой, заплатить, наверное, придется. Правда, не знаю сколько. Но, я думаю, просто найти — этого мало. Им захочется с теми и расправиться.

— Ну-у, — разочарованно протянул Серебров, — какой же тогда получится из меня мститель. Пусть только найдут, а разделаюсь я сам.

— Ладно, — согласился Игорь, — на первом этапе пусть поищут. Дальше видно будет. Надо же знать, что это за люди. Иначе получается, мы делим шкуру небитого медведя, не при твоём пистолете будь сказано.

Вскоре Игорь пригласил Сереброва к себе домой, сказав, что договорился о встрече с неким Мишей.

Район Балатова, расположенный неподалеку от ипподрома, и в самом деле всегда считался криминальным. Андрей ожидал увидеть приبلатненного типа — на руках татуировки, морда в шрамах. Однако перед ним предстал парень вполне обычного вида: хорошо выбритый и подстриженный, волосы зачесаны назад, выглаженные брюки, легкая куртка. Миша сразу взял быка за рога:

— Что вы можете сказать о... нападавших?

— Ровным счетом ничего.

— Может, кто-то из них по-особому говорил. Может, кто-то обратился к кому-то из них по имени, — подсказывал Миша.

Андрей мог показать только место, где произошло избиение.

— Это надо будет посмотреть. Вы говорите, они отобрали у вас сумочку. Что там было?

— Деньги, документы.

— Какие именно документы, помните?

— Еще бы — мне же их восстанавливать пришлось. Паспорт, студенческий билет, зачетка.

«Вот бы милиция так работала», — подумал Андрей, наблюдая за действиями Миши. Записал его имя, отчество и фамилию, тот попросил у Монахова зачетку и студенческий билет — чтобы знать, как они выглядят.

— Попробую помочь. Не знаю, сколько это займет времени. Одному тут не совладать. Обращусь к друзьям.

— Я понимаю, — поспешно сказал Серебров. — Кому охота впустую тратить силы и время. Обязательно заплачу. Правда, сейчас не при деньгах...

— Разве тебе нужен задаток? — удивился Игорь.

— Да я вообще о деньгах не заикался. Разберемся.

Однако Андрей прекрасно понимал, что ребятам придется заплатить. Нужно было срочно найти какой-нибудь источник дохода. До катастрофы знакомые музыканты не раз предлагали ему выступать с ними на улицах, однако Серебров категорически отказывался: что угодно, только не это. Такая профанация не для него — ведь когда-нибудь он будет петь в залах с бархатными креслами, золоченой лепниной, освещенный прожекторами. Теперь, когда таких залов уже не будет, он согласился бы петь и на улице. Но уже и этого не дано. Благо, у него остались старые знакомства, и он опять принялся торговать по электричкам — журналами и книгами.

Глава 24

ДЕРЕВЯННЫЙ ОЛЕНЕНОК

Результаты срочной экспертизы донельзя ошеломили Александра Борисовича: оказывается, Прыжков и Репина были убиты выстрелами из одного и того же

пистолета! Это произошло с интервалом в пять лет! Чудеса, да И только. То есть действовал полнейший дилетант. Профессионалы обязательно выбрасывают оружие. Это для них такое же средство производства, как, скажем, для пишущего человека ручки. Никто же не обращает на них внимания, никто не держится за одну и ту же. А тут — уходить с места преступления с пистолетом! Видимо, очень верна истина, гласящая о том, что новичкам везет. Только везением можно объяснить, что убийца незамеченным покинул место преступления с такой вопиющей уликой.

Однако новичком он был, когда убивал Прыжкова. Убийство Репиной произошло через пять лет. Если это время преступник не промышлял разбоем, его и сейчас можно считать новичком. Хотя не таким уж и безобидным или робким, судя по тому, как он проник на концерт, посвященный Дню милиции. Интересно, а как он попал во Дворец торжеств в прошлый раз? Нужно все-таки исходить из того, что в обоих случаях действовал один человек.

Александр Борисович позвонил Грязнову. Выслушав его, тот присвистнул от удивления:

— Получается, несколько человек кувыркались вокруг истеричного Прыжкова, а убийца преспокойно стоял в сторонке и, улучив момент, выстрелил. Судя по тому, как точно попал в сердце, стрелял прицельно. Вот это номер! Теперь понятно, почему убийство осталось нераскрытым. То есть там фигурировал один «Макаров», а их было два! Надо, Саша, потолковать по душам с этой Натальей Козельской. Найти ее проще пареной репы — Володька говорил, что она сейчас работает в Большом театре.

— Я тоже думаю, что при такой ситуации она может подозревать, кто столь рьяно не хотел давать ее в обиду.

— Вот именно.

Вызванный в кабинет Володя, который только сегодня вернулся из Перми, тоже был поражен резуль-

татами экспертизы и с присущей ему обстоятельностью тут же начал рассуждать, насколько они вписываются в логику развития событий:

— Следствие исходило из того, что выстрел был случайным. Пытаясь вырвать у Прыжкова пистолет, кто-то нечаянно нажал курок. Но медсестра «скорой» в своих показаниях утверждала, что случайным этот выстрел быть не мог. По ее мнению, стрелял профессионал, который знал, куда целился.

— Вот этого не надо! — раздраженно перебил его Турецкий. — Зачем ссылаться на медсестру? Мало ли что она сказала! Откуда ей знать: случайный или не случайный! Она что — эксперт?!

— Но ведь очень точное попадание с одного выстрела: артерия перебита так, что спасти его было невозможно.

— Вот это и наводит на мысль, что выстрел случайный. Попробуй попади так точно без оптического прицела, да еще во время драки. Не верю я в эти сказки насчет людей, которые попадают белке в глаз на лету.

Пристыженный Яковлев пошел разыскивать Наталью Козельскую и вскоре вернулся мрачней мрачного:

— Козельская с Большим театром уехала на гастроли в США и Канаду. Вернется только в следующий четверг.

— Долгонько, — вздохнул Турецкий.

— Наверное, можно поговорить с ней по телефону.

— Полагаешь? Она скажет, что никого не подозревает.

— Вы же сами предложили поговорить с ней, Александр Борисович.

— Не по телефону — лично. Чтобы знать, когда искренна, а когда что-то скрывает. Впрочем, можешь позвонить для страховки. Не помешает.

После ухода Володи Турецкий в поисках какой-либо зацепки еще раз просмотрел дело об убийстве

Прыжкова. Он обратил внимание на то, что среди вещественных доказательств имеется маленькая игрушка — деревянный олененок. В протоколе осмотра места происшествия было подчеркнуто, что эту фигурку никто из свидетелей не признал своей.

Александр Борисович позвонил следователю Егорову:

— Анатолий Михайлович, в прыжковском деле фигурирует деревянный олененок.

— Есть такой вешдок. Лежит он у нас.

— Что он из себя представляет?

— Это такая маленькая, но искусная самоделка. Из тех, какие люди носят иной раз вместо талисмана. Считай, природная скульптура. Толстенная веточка — туловище, и отросточки — передние и задние ноги, рога, головка. Тут и делать нечего — слегка ножичком поправили, соскребли кору, отшлифовали мелкой шкуркой. Вот тебе и олененок, не стыдно и подарить.

— Тут написано, что владелец фигурки не отыскался. А зачем вы его искали?

— Думали, вдруг кто-нибудь скрывает свое участие в потасовке, чтобы ему не приписали случайный выстрел.

— Да это без всякой драки мог потерять кто-то из сотрудников. Ребенок подарил сувенир, человек носил его в кармане, вынимал платок, олененок и выпал.

— Мы тоже так подумали.

— И все же, Анатолий Михайлович, я хотел бы взять у вас этого олененка. Мы сейчас пытаемся поновому взглянуть на это дело. Возможны варианты.

— Бога ради.

Через час маленькая деревянная фигурка сиротливо стояла на краю стола, и вошедший подписать финансовый отчет о командировке в Пермь Яковлев сразу обратил на нее внимание. Узнав же ее происхождение, сказал:

— Иван Иванович, педагог Козельской и Муромцевой, увлекается резьбой по дереву. Он даже показывал мне в училище несколько своих работ, фигурки разных зверюшек. Сделаны точно в такой же манере, как этот козлик.

— Олененок, — поправил его Турецкий.

— Нехай олененок. Мне кажется, нужно его сфотографировать и послать снимок по факсу в Пермь. Может, Иван Иванович скажет что-нибудь по этому поводу.

— Ну, дерзай, искусствовед в штатском. Взвали работенку на свои могучие плечи.

Володя, не мешкая, созвонился с Кизиловым, они обсудили, на какой факс удобней всего отправить снимки. В музыкальном училище такового средства связи не было, им подобная техника не по карману. Зато сравнительно недалеко от кизиловского дома находилось ГУВД, уж там-то имеется вся необходимая аппаратура. Володя отправил туда факс. Получив снимки, милиционеры привезли их Ивану Ивановичу, который сразу позвонил Яковлеву:

— Вы знаете, я совершенно точно узнал фигурку, которую сам сделал.

— Наверное, вы ее кому-нибудь подарили?

— Да. У меня был любимый ученик, восхитительный тенор. В «Пермской обители» все возлагали на парня большие надежды, но — увы — однажды зимой его ограбили и избили, оставив лежащим на морозе, после чего он навсегда потерял голос. Это — Андрюша Серебров.

Глава 25

ОКТАБРЬ 2004-го

Сергей открыл окно и закричал дворничихе, которая шваркала по тротуару метлой:

— Чего расшумелась с утра пораньше! Людям спать не даешь!

Та тоже за словом в карман не полезла, однако в конце концов перешла к другому подъезду. Но в это время к дому подъехала шумная и вонючая мусоросборочная машина. Из кабины выпрыгнул работяга — отправлял содержимое баков в бункер. Сергей и с ним пособачился. Отвел душу.

С тех пор как Дергачев стал инвалидом, у него резко ухудшился и без того мерзкий характер, стал неровным: редкие приступы холерического веселья быстро сменялись длительным погружением в тягостные раздумья. Любой шум за окном раздражал его, каждый телефонный разговор приводил в уныние, от зависти спазмы перехватывали горло. Еще бы — люди ходят, бегают, ездят, а он сидит сиднем и вынужден всех просить о помощи, а к этому привыкнуть трудно. Раньше Сергей в просителях не числился. Его просили — да, это случалось. Он же только приказывал и требовал, его распоряжения выполнялись безропотно. Если кто становился ему поперек дороги, потом жалел. Сейчас же все перевернулось с ног на голову. Теперь он лишен возможности поступать так, как ему хочется. Отсюда тоска, уныние и беспричинная — с точки зрения окружающих — злоба.

Иногда дома появлялись новые люди — из благотворительных фондов, попечительских организаций. Это, конечно, хорошо, что его не забывают, поддерживают. Только без подсолнечного масла и сахарного песка он может обойтись, это для него не самое главное. Просить же найти Андрея Сереброва их бесполезно. Если бы он разыскивал того с благими намерениями, это еще куда ни шло. Тогда хоть на телевидение можно написать, мол, помогите, ищу человека. Поскольку же Андрея, в конце концов, необходимо убить, то с такой просьбой нужно быть осмотрительнее. Втянешь в эту авантюру случайных людей, тебя потом в два счета загребут. Нет, тут приходится рассчитывать лишь на старых проверенных дружков, ряды которых

тают с катастрофической быстротой. Месяц кому-нибудь не позвонишь, глянь, а он уже женился, или переехал на другую квартиру, или вообще оказался в местах не столь отдаленных. Уже не знаешь, к кому обращаться.

Тем не менее Сергей донимал старых приятелей, навязывался, ожидал от них доброжелательности. Рассудил: для пользы дела нужно использовать любую попытку. Заранее неизвестно, кто как прореагирует. Бывает, малознакомые люди проявляют большее участие, чем закадычные приятели. Так получилось и с Валеркой Зотовым.

Одно время Валерка начисто выпал из круга общения — это когда женился. Семейная жизнь быстро встала ему поперек горла, он чувствовал себя, словно каторжный. То и дело слышал: куда пошел, когда придешь, почему опять задержался? Удавиться можно. Очень ему было неуютно от постоянного наблюдения за его жизнью. Причин же для развода фактически не было. Жена его обстирывала, обглаживала, прекрасно готовила. Ему же все это не в радость было — свобода дороже. А парень он ушлый, всегда придумает какой-нибудь выход из положения. Вот и здесь — выдумал, будто у него аллергия на жену. Якобы после интимной близости у него начинаются жжение и зуд по всему телу. Валерка даже смотался в Москву, чтобы сделать специальные пробы. Пробы не подтвердились, но он это скрыл, а вернувшись, сказал жене, будто московские врачи установили аллергию на запах ее тела, после чего благополучно развелся. Теперь он опять вольная пташка, живет в свое удовольствие, делает, что душе угодно. На радостях позвонил и Сергею. Дергач сразу рассказал ему о своем первом желании.

Валерка, который чувствовал перед больным товарищем вину, из-за того что так долго не давал о себе знать, сразу вызвался помочь.

Зотов взвалил на свои плечи посильную часть ра-

боты — то, что можно сделать в Перми. В Москву за Серебровым ехать ему было не с руки! Он только от семьи освободился, а от работы — нет. Валерка работал в фотоателье, себя называл «бытовым фотографом»: снимал малышей в детских садах, ездил по воинским частям, подрабатывал на свадьбах.

— Не может быть, чтобы этот Серебров сейчас тут ни с кем не контактил.

— Геныч и Виталька искали впустую.

— Значит, по-другому искать нужно.

Пообещав обнаружить ниточку, которая выведет на след Андрея, Зотов проявил завидную расторопность. Дергач диву давался, слушая регулярные Валеркины отчеты о поисках. Повертевшись в Институте культуры, тот узнал, что мостик ведет в музыкальное училище, где Андрей постоянно занимался пением и где в нем души не чаяли. Там пронюхал о том, как обиженная московским гастролером Наталья Козельская в пику ему стала любовницей Сереброва. Недолго, потом у нее имелись и другие любовники, в Москве трижды была замужем. Но Андрей всегда был и оставался одним из самых преданных ей людей. Он и в Москву увязался ради нее. Если бы не Наталья, ему там делать нечего. Так что Козельская наверняка знает про него если и не все, то достаточно для того, чтобы Зотов мог напасть на след злодея.

Ну а что касается телефонов самой Натальи, выяснить их было делом техники. Для начала Валерка через справочную узнал пермский телефон Козельских. Позвонил, нарвался на мать и, представившись директором студии звукозаписи, сказал, что разыскивает Наталью. «Она сейчас на гастролях, в Америке и в Канаде». — «Вот незадача, — начал сокрушаться Зотов. — А она вам оттуда звонит?» — «Звонила». — «Еще будет звонить?» — «Обещала. А зачем она вам?» — «Понимаете, у нас появились спонсоры, готовые дать деньги на сольный альбом Натальи Алек-

сандровны. Я должен немедленно уточнить сроки записи. Иначе эти деньги могут уйти». — «Вы же сами можете ей позвонить и договориться напрямую». — «Правда? Ее мобильник берет даже в Америке?» — «Она оформила какой-то роуминг, что-то там через спутник. Я плохо в этих тонкостях разбираюсь».

— Короче говоря * записывай ее телефоны: и мобильный, и домашний, — завершил свой рассказ Валерка. — Дальше сам разбирайся. Знакомые в Москве есть?

Дергач довольно осклабился:

— Навалом.

Глава 26

ИЮЛЬ 1999-го

Кизилов считал, и подчеркивал это при всяком удобном случае, что Наташа Козельская создана природой для оперной сцены. Помимо прекрасного голоса у нее были хорошие задатки драматической актрисы и очень выигрышная внешность — высокий рост и статная фигура.

Сама Наташа по молодости лет еще не могла определить, к чему больше тянется. Иногда ей позарез хотелось стать попсовой артисткой. Но не только ради быстрой известности. Она искренне не понимала, почему в слово «попса» вкладывается снисходительно-презрительное отношение. Ведь популярная музыка нравится большому количеству людей, она на слуху, ее охотно напевают. Популярные произведения есть и в классике, и в роке, и в эстраде. Наташа с удовольствием исполняла в концертах неаполитанскую песню «О соли мио». Что это — классика или попса?

Однако иной раз Наташа видела себя в мечтах трогательной Снегурочкой — полуробенком-полудевуш-

кой. Вот она обижается на Леля, который не ценит ее привязанности. Вот спасается от преследования Мизгирия. А вот под действием первых лучей солнца познает силу любви...

А еще есть Марфа, Татьяна, Иоланта.

Пока же она считала, что работает на стыке оперы и эстрады.

Андрей же представлял себя только оперным певцом, а Наташу видел в мечтах своей постоянной партнершей. Будучи у Кизилова «первачом», он поругивал ее за стремление к эстраде, считал это проявлением дурного вкуса, и между ними происходили пикировки. Потеряв голос, Андрей стал терпимее относиться к вкусам Наташи, возможно, слепо поддерживая все начинания девушки. Он решил, что если сам не может быть полноценным партнером, то нужно просто помочь приобрести известность Наташе. И Андрей стал ее бесплатным пиарщиком, рассказывал про талантливую певицу каждому встречному-поперечному, рекомендовал ее для участия во всевозможных концертах. К нему по старой памяти многие обращались за советом.

Восторженная оценка Шифманом песен, исполненных Наташей, донельзя обрадовала Андрея. Он понимал, что рано или поздно той придется вырваться за пределы Перми на более заметную аудиторию. Многие талантливые пермяки при удобном случае перебирались в Питер, те, кому везло больше, оказывались в Москве. Чтобы вырваться из Перми, как считали многие, нужно использовать любой шанс, всякое знакомство. Никогда ведь заранее не знаешь, что принесет пользу. А под лежащий камень вода не течет.

Наташа была польщена славословиями Шифмана не столько как профессионального продюсера, сколько близкого соратника своего кумира, — человека, который каждодневно общается с ним накоротке. Это казалось ей самым завидным в работе Шифмана.

Когда она сидела на первом концерте Прыжкова, то еще сильнее позавидовала его продюсеру, регулярно сталкивающемуся со столь незаурядной личностью.

Зал Дворца спорта был переполнен. В течение двух часов на сцене непрерывно что-то загоралось, надувалось, колыхалось, разноцветно мелькало и забрасывалось лепестками роз. Фанаты повторяли за солистом тексты песен. Наталья млела: вот ей бы оказаться рядом с Игорем, помогать известному певцу. Уж она бы постаралась, с ней бы Прыжков забот не знал. Певица смогла бы подсказать ему, как исполнять тот или иной пассаж. Конечно, это дело не продюсера, а режиссера. Интересно, есть ли у Игоря режиссер? Если нет, совсем хорошо. Она предложит через Шифмана свои услуги, совершенно бесплатно, просто для того, чтобы иметь хоть малое отношение к замечательному артисту. Тем более что тот нуждается в профессиональном консультанте по вокалу. Наташа же заметила, как из-за излишней торопливости выдыхания у Прыжкова проскальзывает сдавленный звук. Порой на сцене Игорь делает резкие движения, что вредит голосу. При пении положение шеи и плеч должно быть естественным, это — азы мастерства. Он же временами держится слишком напряженно. Набывается, согнув шею, и выдает какую-нибудь фиоритуру. Разумеется, отчасти это делается специально, чтобы подчеркнуть драматизм или комизм содержания, чаще грешит этим ближе к финалу песни. Но спокойное положение тела, возможно, произвело бы больший эффект.

Андрей исподволь наблюдал за реакцией сидевшей рядом с ним Наташи. Вот девушка подалась вперед, словно готовившаяся взлететь птица, и не спускала с певца восторженных глаз. Мысленно она находилась сейчас на сцене, рядом с ним, подпевала, в некоторых местах солировала в их незримом дуэте, ведя Прыжкова за собой, что делало исполнение более эффектным. Андрей же слышал это далеко не совершенное

тение таковым, каким оно было на самом деле: старательным, но с большим налетом самодеятельности. Он-то понимал, что пение должно совершаться с такой же легкостью, как разговорная речь. Прыжков же для увеличения силы голоса делал слишком глубокий вдох, набирал в легкие много воздуха, и это шло во вред звучанию. Особенно портило впечатление его злоупотребление высокими нотами. Так что на месте Наташи можно было бы и не слушать его с таким вниманием. Образец был явно не лучшим.

Такова была суровая оценка профессионального вокалиста. Зал же в подобные тонкости не вдавался. Публика искренне восторгалась тем, что знаменитый певец исполнял злободневные произведения, в которых высмеивались новоявленные демократы — хапуги, приватизировавшие самые крупные предприятия страны. Набив себе потуже карманы, они открыли счета в швейцарских банках, накопили особняков в Испании и, обладая двойным гражданством, плевать хотели на то, что львиная доля россиян еле-еле сводит концы с концами.

В первом отделении Прыжков исполнял песни из нового альбома, во втором пел все свои давно известные шлягеры. Зал, наизусть знающий все эти «преданья старины глубокой», ликовал. Своим темпераментом Прыжков так завел публику, что, казалось, Пермь была на грани повторения революции 1905 года. Прикажи он им, зрители тотчас бросятся на баррикады, захватят почту и телеграф, а всех толстосумов с радостным гиканьем упрячут за решетку.

После концерта Андрей пытался сформулировать свои претензии к выступлению певца, однако Наташа пропустила его слова мимо ушей. Перед ее глазами по-прежнему стояло мужественное, напряженное от праведного гнева лицо, а в ушах не переставая звучал голос с хрипотцой. Такое же заманчивое видение возникло перед ней на следующее утро, когда она при-

нялась гладить в кухне выстиранное накануне белье. Это монотонное занятие было прервано телефонным звонком.

— Наташенька, доброе утро! — послышался жизнерадостный голос прыжковского продюсера. — Надеюсь, я вас не разбудил.

— Что вы, Валерий Яковлевич! Я «жаворонок», давно уже на ногах.

— Звоню вам как искушенному пермскому зрителю. Интересно узнать ваши впечатления от вчерашнего сценографически-концептуального шоу.

Наташа долго и пространно выражала свои восторги, чем явно польстила собеседнику:

— У Игоря, видимо, есть кое-какие мелкие недостатки, не без этого. Но все они искупаются одним достоинством — он никогда не поет «под фанеру». Поэтому на каждом концерте одна и та же песня звучит по-разному. На этом и выезжаем. Вчера было одно исполнение, сегодня будет другое. Как искушенного вокалиста, — он уже забыл, что перед этим назвал ее типичным, то есть рядовым зрителем, — хочу пригласить вас на сегодняшний концерт, чтобы вы сравнили и убедились в правоте моих слов. Хотите, дам вам пропуск в зал, а хотите — послушаете за кулисами. Выбирайте.

Конечно же Наташа попросилась за кулисы. Возможно, тогда ей удастся пообщаться с самим Прыжковым. Если удастся, выскажет свои замечания, что должно пойти ему только на пользу.

Вечно улыбающийся Шифман встретил ее у служебного входа и провел в недра Дворца спорта. Они долго петляли извилистыми коридорами, переходили с этажа на этаж. По пути продюсер сетовал на то, что администрация Дворца не позволила натянуть у зрителей над головой стрелы и шары из целлофана.

— Они мне говорят: «А ежели кто окурком ткнет, и это все запольхает?!» Как будто здесь нет пожарных!

В беспорядочно уставленном звукоаппаратурой холле Валерий Яковлевич гостеприимным жестом приоткрыл дверь, и Наташа вошла в хорошо освещенную комнату, где за туалетным столиком перед зеркалом сидел Игорь Прыжков. Он уже был облачен в сценический костюм: черные брюки, сапоги и красную косоворотку с золотым шитьем. Сейчас он тщательно расчесывал волосы, иногда закрепляя прическу лаком. Заметив Наташу, певец улыбнулся и как-то по-свойски подмигнул, отчего вся робость девушки, которую она испытывала до этого, мигом улетучилась. Ей стало легко, будто очутилась в обществе старых знакомых.

— Где же ваша легендарная гитара? — спросил Прыжков.

— Разве нужно было ее принести?

— Само собой. Тогда бы мы спели дуэтом. А так мне опять придется отдуваться весь вечер одному.

Наташа пошутила в ответ:

— В нашем музыкальном училище есть потрясающий хор. Завтра я могу привести всех ребят. Тогда вам совсем петь не придется.

Шифман и Прыжков засмеялись, после чего певец отправился на сцену, предварительно взяв с Наташи слово, что она досидит до конца концерта.

Об этом ее можно было и не просить. Наташе было интересно послушать Прыжкова из-за кулис, понаблюдать за ним, когда после очередной песни тот энергично выбегал за кулисы и, нетерпеливо хватая протягиваемые ему ассистенткой полотенца, промокал лицо, шею, руки, оттопырив рубашку, вытирал живот.

Время от времени рядом с ней появлялся Шифман со своей неизменной улыбочкой и справлялся, не устала ли она слушать стоя. Можно же присесть. «Ни капельки не устала, Валерий Яковлевич. Мне так интересно». В антракте он пригласил Наташу в комнату, которую по диагонали пересекал длинный узкий стол.

На нем среди бутербродов и конфет кокетливо топорились бутылки шампанского. Вокруг него топтались пьющие и жующие музыканты, они наперебой принялись ухаживать за Наташей. Охлажденное вино по такой жаре пришлось весьма кстати. Прыжков к столу не вышел — отдыхал в своей гримерке. Это никого не удивило — антракты проходили по раз и навсегда заведенному ритуалу.

После концерта музыканты быстро упаковали свои инструменты, переоделись, после чего продолжили фуршет. Вскоре появился и усталый Прыжков. Он был в светлом костюме и полосатой рубашке.

— Шампанское кто покупал? — спросил он, наливая себе фужер.

— Я. Кто же еще? — чуть обиженно ответил Шифман.

— Лучше бы купил водки.

— Водка ждет в гостинице.

— Тогда какого дьявола мы толчемся здесь! Поехали.

Все возбужденно начали собираться. Прыжков подошел к Наташе и, глядя на нее немигающим взглядом своих нестерпимо синих глаз, медленно сказал:

— Вы, очевидно, не поедете с нами.

— Да, уже поздно, — смутилась она.

— Пожалуй. Не то придется пронести вас в футляре контрабаса, — улыбнулся он. — Во избежание слухов и сплетен. Но мне, Наташа, очень хотелось бы послушать ваши песни. Что вы делаете завтра днем?

— Занимаюсь всякими мелкими делами.

— Как вы смотрите на то, чтобы нам встретиться?

Она согласно кивнула:

— Где?

— Думаю, проще всего в гостинице. Я остановился в «Алмазе Урала». Днем там мало народу, и пение никому не помешает. Только вы уж гитару принесите.

ПАСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ

После убийства Репиной прошла неделя, можно было подвести предварительные итоги.

— Что мы имеем в сухом осадке? — спросил Турецкий и сам же ответил: — Основной подозреваемый Андрей Всеволодович Серебров. Где он сейчас находится — неизвестно. В феврале девяносто девятого у него пропал паспорт. При каких обстоятельствах, в милиции не помнят или не знают. Через три месяца он получил другой. Теперь нужно проследить судьбу старого, не воспользовался ли им кто-нибудь. Все паспорта старого образца были действительны до конца две тысячи третьего года. Такой без особых проблем удалось бы обменять где-нибудь в глуши на новый. Найдя место обмена, легко обнаружить грабителей.

Оперативная проверка показала, что взамен старого паспорта Андрею Всеволодовичу Сереброву Прищуринским ОВД Хабаровского края был выдан новый. В настоящее время его обладатель находился в СИЗО дальневосточного города Находка. Яковлев подробно объяснил начальнику СИЗО, что нужно узнать у арестованного.

— Сделаем, -г- бодро пообещал тот. — Правда, я сейчас должен ехать во Владивосток, срочно вызвали. Этим займется мой заместитель, капитан Хайрюзов, он через часок-другой вам позвонит.

После указаний из Москвы конвойный зашел в маленькую камеру находкинского СИЗО, где в классической позе лодыря, держа руки на затылке и закинув ногу на ногу, лежал худощавый скуластый парень с рыжей бородкой.

Вострецов был безутешен, его лицо выражало стра-

дание. Он давно поджидал свою жар-птицу, терпеливо, словно притаившийся в засаде охотник, готов был схватить ее за хвост, и вдруг все полетело в тартарары.

Дмитрий Вострецов называл себя «шатуном». Так однажды походя прозвала его деревенская знакомая, а ему это слово понравилось. Действительно, как его еще называть, если он всю жизнь шатается.

«Шатуном» он стал после короткой морской карьеры: закончил училище, устроился «под флаг», вскоре подрался в гамбургском баре, из-за чего пару месяцев просидел в тамошней тюрьме. После отсидки был депортирован с запретом на въезд в страны Евросоюза. Перспектива устраиваться на полный рабочий день долларов за триста Дмитрия совсем не привлекала. Вернувшись домой, в Петербург, он предпочел нестабильный, но многообещающий способ заработка — начал искать клады. Купил по дешевке армейский металлоискатель, покопался в архивах и принялся за дело. Чтобы не делить находки, работал один.

Два века Петербург был столицей процветающей империи. Там жили богатейшие люди, имущество которых после революции подверглось экспроприации. Многие в спешке прятали свои ценности на чердаках — в подвалах опасно из-за наводнений. Но с годами здесь хорошо прошлись ремонтники. Старателям вроде Вострецова оставались мелочи: монеты, фляжки, ложки. Вдобавок однажды на чердаке Дмитрий нарвался на компанию агрессивных бомжей, еле ноги унес. Пора было переходить на область.

Не жалея времени и сил, он старался обнаружить заброшенные деревни. Сразу после революции многие деревенские жители, которых сочли кулаками и приговорили к ссылке в места не столь отдаленные, успевали закопать кубышку. Если там потом не пахали, можно было рассчитывать на успех. Разумеется, что-нибудь путное найдешь редко, обычно попадались подковы, топоры, гильзы, вилки. Но наступил все-

таки его звездный час — попалась Дмитрию банка с золотыми рублями.

Не совсем безоблачным оказалось его счастье, поскольку свое сокровище Вострецов обнаружил на археологическом объекте. Раскопки велись на территории бывшего монастыря. Согласно Гражданскому кодексу, Дмитрий должен был поделиться кладом с собственником земли, то бишь государством. Не захотел он этого делать, предпочел пуститься в бега, и долго петлял новоиспеченный мародер, прежде чем избавился от погони. А удалялся он из Кингисеппского района Ленинградской области в восточном направлении. По пути, в городе Пермь, ему по дешевке предложили настоящий паспорт на имя Андрея Всеволодовича Сереброва.

В принципе, Дмитрий купил его впрок. Ему уже почти ничего не угрожало, и он не мог бы толком объяснить, зачем тот ему понадобился. Просто чувствовал — может пригодиться. Мало ли как жизнь повернется, пусть лежит. В Пермь он заехал потому, что у него кончались наличные деньги, нужно было продать золотой рубль. А в Перми, ему сказали, есть сильные нумизматы. Выйдя на такого, он представился Андреем Всеволодовичем. Зачем попусту трепать свое имя!

Когда происходил обмен паспортов, Дмитрию удалось в Хабаровском крае поменять серебрянский на новый. Легально он все равно жил под своей фамилией, а Серебров — это запасной вариант на всякий непредвиденный случай. Подвернется выгодное дело — козырнет им, пожертвует. Пока же пусть лежит до поры до времени.

И вот час пробил. Произошло это в городе Находка, где решил осесть Вострецов. Его привлекло такое символическое совпадение — занимался находками, а тут и город с таким названием, очень приятно. Копать в тех краях было нечего, нашел непыльную работенку

в порту и жил себе припеваючи до тех пор, пока его приятельница Настя, работавшая на таможне, не сказала, что из Японии прибыл контейнер в адрес местного детского дома. Это — гуманитарная помощь, контейнер под завязку набит бытовой техникой: компьютерами, масляными обогревателями, еще кой-какой электрической мелочью. Краем уха Настя слышала, что в этом детском доме имеется хор, который летом гастролировал в Японии. Он до того понравился японцам, что те решили всячески помогать детям. И вот сделали подарок. Получить контейнер по доверенности — пара пустяков. Но для спокойствия нужно сделать так, чтобы в детском доме не узнали о посылке. Тут требуется всего лишь перехватить бумажку — почтовое извещение.

Среди полукриминальной шпаны, вертевшейся вокруг Вострецова, найти желающих повернуть такую операцию было проще простого. На это дело подрядились два молодых паренька, Вадик и Кеша.

Участок, обслуживаемый почтальоншей, представлял собой две параллельные улицы. Вадик и Кеша выяснили траекторию ее маршрута. Почтальонша проходила одну улицу до конца, поворачивала направо и шла по второй в обратную сторону, по направлению к почте. Детский дом находится на второй, улице Невельского, примерно посередине. Маршрут не ахти какой оживленный, разноска, к счастью, сейчас производится раз в день — по утрам. Так что почтальоншу можно без проблем поприжать где-нибудь по пути. Но, конечно, лучше сделать это как можно раньше. Если она несет пачку писем и извещений, попробуй установи, что послужило причиной ограбления. Может, кому-то понадобилось перехватить компрометирующее письмо, может, кто-то намерен получить чужой денежный перевод или помешать сделать это адресату. Пока нерасторопная милиция станет проверять, какую корреспонденцию несла почтальонша,

время уйдет. Вострецовская бригада получит контейнер и увезет его содержимое за тридцать земель.

Расчет по-своему был верен — милиция нерасто-ропна хотя бы потому, что у нее сотни других, более опасных дел, которыми нужно заниматься. Не успевают милиционеры, и осуждать их за это нельзя, а Вострецов — так тот им просто благодарен за то, что до многого у стражей порядка руки не доходят. Жить легче. Но, как это случается, в дело вмешались непредвиденные обстоятельства.

Когда оглушенная ударом кулака почтальонша пришла в себя, окружившие ее прохожие вызвали «скорую помощь». Нужно сказать, Вадик и Кеша напали на нее в малолюдном месте. Неподдалеку от почты был дом-башня, который все обходили и объезжали с одной стороны, а почтальонша, сокращая дорогу, прошла с другой. Типичные задворки — летом там никогда не подметают, зимой не убирают снег. Но ведь у нас — известное дело — стоит чему-нибудь произойти в самом безлюдном месте, как вокруг мигом вырастает толпа зевак. Это противоречащее всем законам логики явление наблюдалось и в тот раз. В принципе, большой беды здесь нет. Но, как назло, среди встревоженной публики очутились два настырных семиклассника. Тогда были школьные каникулы, казалось бы, спи себе в свое удовольствие сколько душе угодно. Так нет же, угораздило их подняться в такую рань. Мальчики смекнули, что дело нечисто. Они попросили почтальоншу вспомнить, какие извещения и письма грабители вырвали у нее из рук. Среди прочего почтальонша припомнила пропавшее извещение в детский дом. Его директор со дня на день ожидала прибытия контейнера с компьютерами и обогревателями. Японцы не то звонили, не то прислали ей телеграмму о том, что выслали подарки. Она сразу помчалась в терминал и написала заявление. Когда Вострецов явился туда с серебров-

ским паспортом и доверенностью на его имя, Дмитрия уже ждали с распростертыми объятиями...

Тревожно взвизгнула несмазанная щеколда металлической двери. Появившийся на пороге камеры конвойный, с полным безразличием глядя на Вострецова, кивнул ему:

— На выход.

Дмитрия привели к заместителю начальника СИЗО капитану Хайрюзову, находившемуся в скверном настроении. Наверное, не выспался, а может, плохо себя чувствует. В любом случае разговаривать с таким начальником нужно было осторожно. Мало ли что он способен учудить под горячую руку. Сейчас Вострецову не стоило обострять отношения. Он надеется на минимальный срок, ведь ограбления не произошло, была лишь попытка. Будет он пайнкой, может, к нему помягче отнесутся, до Настьки докапываться не станут. Монеты-то у нее дома, не дай бог дело дойдет до обыска.

— Что там произошло у вас с паспортом? — спросил капитан.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сами прекрасно знаете, что я имею в виду. Откуда появился паспорт на имя Сереброва?

— Давно это было, — элегически вздохнул Вострецов и замолк.

— Я не спрашиваю когда. — Капитан начинал раздражаться. — Я хочу знать, откуда он у вас.

— Получил, когда менял.

— Ну, не за красивые же глаза получили. Значит, старый сдали. А тот откуда? Купили, украли, нашли?

— Нашел, — воспользовался подсказкой арестованный.

— Очень хорошо. — Хайрюзов встал из-за стола, походил по кабинету. — Слушайте, Вострецов, вы способны взбесить даже человека с такими стальными нервами, как у меня. Нашли паспорт, который по всем

статьям вам подходит не меньше, чем настоящему владельцу. Совпадает примерно возраст, внешность похожа, не нужно даже фотографию переклеивать. Или все-таки переклеили?

— Нет.

— Ну вот. А похожи. Только не удивляйтесь, где я видел ваш старый паспорт, — по факсу прислали. Давайте не будем валять дурака. Насчет «нашел» можете рассказать сказку кому-нибудь другому. Украли?

— Нет.

— Молодец. Украсть его могли, убив человека. Хорошо, что не взваливаете эту обузу на свою шею. Поэтому говорите начистоту, где купили, и делу конец.

— Так ведь, можно сказать, у случайного человека. Как его описать?

— Господи! Что же вы из меня жилы тянете! Все-то вам подсказывать нужно, каждое слово. Сначала скажите, где купили. В каком городе, в каком месте, при каких обстоятельствах.

— В Перми это было. Возле оптового рынка есть бильярдная. Там и купил. У паренька, его Серым звали, наверное, Сергей он на самом деле. Судя по всему, тамошний завсегда.

— А с какой сырости вам вдруг паспорт понадобился?

— Да он сам предложил. Валяется у меня, говорит, бесприютный паспорт. Уж больно хозяин на тебя смахивает. Купи, говорит, недорого отдам. Ну я и подумал: запас карман не трет. Вдруг пригодится. Но, клянусь вам здоровьем родителей, за все шесть лет я им ни разу не пользовался. Только сейчас вот бес попутал.

Узнав все, что требовалось, капитан смягчился, повеселел. Просьбу московского следователя выполнил. Отправляя арестованного в камеру, пошутил:

— Вот видите, Вострецов, к чему приводит игра на бильярде.

Глава 28

ИЮЛЬ 1999-го

Тот июльский день навсегда врезался Наташе в память, и неудивительно, тут уж любая женщина поймет ее.

Она предполагала, что ее соберутся послушать все москвичи, приехавшие с Прыжковым. На нее внимательно уставятся несколько пар придирчивых глаз, глаза людей, хорошо понимающих не только в музыке, но и в современной моде. А ведь встречают по одежке. Поэтому прежде чем продумать репертуар, Наташа подготовила наряд. Она не хотела удивлять москвичей экстравагантными туалетами, наверное, те видали многое. В столице проходят такие дефиле, что закачаешься. Но и предстать провинциальной фефелой тоже нельзя. Вдобавок нужно учесть, что стоят жаркие дни, а выступать придется в маленьком помещении. В конце концов, она остановилась на легком костюме сиреневого цвета с синей окантовкой на воротнике и рукавах. Хотела слегка укоротить юбку, но потом решила оставить все как есть. Костюм итальянский, родной, то есть шит не по лицензии. Если юбка сделана чуть ниже колен, значит, сейчас так модно.'

Московский гость, как очень важная персона, жил в гостинице «Алмаз Урала». Чтобы освоиться в этом царстве комфорта и вышколенной прислуги, необходимо время. Впервые попавшая сюда Наташа оробела. Напряжение снял радостно встретивший ее на пороге номера Игорь Прыжков. Известный певец выглядел на удивление просто. Обычный парень в вельветовых джинсах песочного цвета и в полосатой рубашке на выпуск. И то и другое было сильно мятое. Он сразу усадил гостью за журнальный столик, который был сервирован нехитрой снедью: бутерброды с сыром, бананы, вафли и курабье. Из холодильника тотчас

была извлечена бутылка шампанского, и как Наташа ни отказывалась, под энергичным напором Прыжкова ей пришлось выпить. Только тут она поняла, что до этого момента была сильно напряжена. После шампанского стало легко и весело.

— Непривычно пить вино с утра, — засмеялась Наташа.

— Ну, какое ж это утро, — возразил Прыжков, — двенадцать часов. Мы с вами еще запоздали. Пить нужно именно с утра. Выпьешь — и потом весь день свободен.

Постучавшись в дверь, зашел Шифман. Со своей неизменной улыбочкой он извинился перед Наташей за то, что не может сейчас ее послушать. Ему срочно нужно ехать в банк, перечислять деньги за аренду зала, но как только освободится, сразу приедет. Вслед за ним явился руководитель ансамбля. Он сказал, что за музыкантами неожиданно прислали машину с телестудии, просят их принять участие в ток-шоу. Он даже попросил Наташу перенести свое выступление на завтра, но Прыжков отчаянно запротестовал:

— Да как ты не врубишься, что у девушки настрой!

Руководитель начал оправдываться, и Наташа успокоила **его**:

— Да я прослушаюсь и сегодня, и завтра. Петь для меня — настоящее удовольствие.

— Учись! — громогласно закричал Прыжков. — Вот как должны вести себя настоящие артисты, а не делать все из-под палки, как ты и твой ансамбль. Наташа предложила замечательный вариант. За такое творческое горение нужно выпить.

Он снова наполнил фужеры, на этот раз три, и выпренно продекламировал:

— «Ведь если я гореть не буду, — в упор посмотрел на Наташу, — и если ты гореть не будешь, — не сводя с нее глаз, показал рукой в сторону руководителя, —

и если он гореть не будет, то кто же здесь рассеет тьму?».

Когда все выпили, Игорь спросил:

— Знаете, кто это написал?

Наташа не знала.

— Назым Хикмет, турок. А перевел Давид Самойлов. Тоже не ахти какой русский. Ну да бог с ними, слова-то хорошие.

Закусив печеньицем, руководитель ансамбля, еще раз извинившись, ушел.

— А мне нравится! — воскликнул Прыжков с такой залихватской удалью, будто пытался кого-то переубедить. — Созданы идеальные условия. Можно послушать ваше пение, что называется, в стерильных условиях — без помех. Давайте для страховки закроем даже дверь, чтобы случайно кто-нибудь не ввалился.

Он запер дверь на ключ. Наташа сказала, что ей удобней петь сидя на стуле. Прыжков поставил стул посередине комнаты, а сам плюхнулся в кресло, стоявшее возле раскрытой балконной двери.

— Вы сами песни пишете?

— И свои пишу, и чужие пою.

— А слова?

— Стихи я сочиняю, но редко.

— Может, лучше начать именно с таких, где и слова и музыка ваши?

Наташа была благодарна за такое предложение. В глубине души ей хотелось предстать перед певцом больше автором, а не исполнительницей.

**Рисуй портрет, художник,
Изобрази меня.
Пусть дружно «Непохоже!»
Воскликнет вся родня...**

Ее голос лился под мерное звучание гитары. Прыжков слушал внимательно, не сводя с нее немигающих глаз и почти не шевелясь. После каждой песни он давал краткую оценку, которые раз от раза становились

все восторженной, что вдохновляло Наташу до головокружения. Ей хотелось не переставая петь для этого красивого человека, такого чуткого, такого понимающего. Подумать только: она находится с глазу на глаз со знаменитым певцом! Тысячи женщин мечтают увидеть его хотя бы на сцене, хотя бы издали. Она же запросто сидит рядом с ним, и сейчас в целом никто больше не видит его.

**Ставь раму на треножник
И краскою любой
Рисуи меня, художник,
Всех познакомь с собой.**

Ей казалось, она пела очень долго. На самом деле прошло всего лишь полчаса, когда Прыжков предложил сделать передышку. Наташа была приятно удивлена его заботливостью. Сама-то она забыла о том, что Иван Иванович рекомендовал своим ученикам петь ограниченное количество времени, причем с частыми перерывами. Иначе можно повредить мышцы гортани.

Они подсади к столику, Игорь опять налил шампанское, предложил выпить за ее уникальный талант.

— Уникальность вашего голоса очевидна, — с мечтательным видом произнес он. — С таким талантом не пропадешь. Мне кажется, ваши песни являются одной из вершин современной музыкальной лирики. Вы даже не представляете, до какой степени я как певец, как человек искусства благодарен вам за поистине королевский подарок. Только по-настоящему богатый творец может быть столь щедрым...

Он не переставая что-то говорил, однако Наташа уже не улавливала смысла его слов. Только чувствовала, что от этой нежной интонации ей становится донельзя приятно, что ее тело наполняется загадочной силой. И ей трудно поверить, что девичьи грезы стали явью, что голос, который прежде с замиранием сердца слышала по радио, звучит возле ее уха, настолько близко, что его губы коснулись щеки, что горячие ладони

певца касаются ее спины, под блузкой... И вот снова прошла вечность, его лохматая голова покоится на ее груди, сильные руки ласкают то плечи, то бедра.

Глава 29

В МИРЕ ИГР

— Что-то слишком непомерно разрастается география наших поисков, — покачал головой Турецкий. — Козельская — в Америке, Вострецов — на Дальнем Востоке. Пора сужать, пора постепенно приближаться к месту преступления. Нельзя же объять весь мир. Для начала вернемся хотя бы в Пермь. Нужно озадачить коллег из городского ОВД. Пусть пошукуют, у кого мог быть куплен в бильярдной серебрянский паспорт. Сам он его продал или через кого-то? Или у него украли документы, тогда чья это работа? Займись этим, Володя.

Яковлев быстро послал запрос, и вскоре ему позвонил из Перми оперуполномоченный управления уголовного розыска пермского ГУВД лейтенант Урусов. Получив задание от начальника отдела, он хотел уточнить подробности поручения. Володя подробно объяснил.

Прежде чем отправиться на указанное место, Олег Урусов позвонил тамошнему участковому Ильгизу, которого хорошо знал.

— Этой бильярдной уже и в помине нет, — ответил тот.

Час от часу не легче.

— Куда же она подевалась? Переехала или просто закрылась?

— Понятия не имею. Я тут два года работаю. Когда пришел, бильярдной уже не было.

— Не могли же ее просто взять и вышвырнуть на

улицу. Дорогие столы, оборудование, наверняка был владелец.

— Олег, если хочешь, я попытаюсь узнать.

— Не надо, Ильгиз, я сам съезжу.

Не доложишь же начальству, что задание не выполнено, поскольку объекта не существует. Понятно, майор тогда разнесет его в пух и перья и правильно сделает. В данном случае дежурные наставления майора насчет проявления инициативы подходят как нельзя лучше. Придется идти в администрацию рынка и там разбираться.

В администрации народу было, как на самом рынке. Граждане с озабоченным видом перебежали из одной комнаты в другую, держа в руках многочисленные бумажки. Перед некоторыми дверями маялись очереди. Тихая заводь, против всяческих ожиданий, оказалась лишь подле директорского кабинета. Туда оперативник попал без малейших препятствий.

Выслушав просьбу Урусова, директор несколько раздраженно отправил его к своему заместителю, мол, тот должен быть в курсе дела, поскольку непосредственно занимается арендой.

Заместитель, который в безупречном сером костюме выглядел намного солидней директора, подтвердил, что бильярдная действительно находилась в том помещении.

— Почему они уехали? Прогорели?

— Мне кажется, наоборот — расширились. То ли боулинг вдобавок открыли, то ли рулетку.

— Где они сейчас находятся?

— Чего не знаю, того не знаю, — обескураживающе улыбнулся замдиректора. — Думаю, вам это будет легко установить. Я знаю имя владельца, он же регистрировал свое заведение в городской администрации. Можете там проверить. Это Юрий Антонович Домогацкий.

Действительно, сотрудница лицензионного управ-

ления, куда пришел лейтенант, сразу сказала по памяти:

— У Домогацкого игорный дом «Восточный диван» на Интернациональной улице. Сейчас я уточню адрес.

Она проделала недолгие манипуляции с компьютерной мышью, после чего подтвердила:

— Да, Интернациональная улица, двадцать два.

Возле входа в «Восточный диван» фланировал уса-тый швейцар. Его костюм, во всяком случае его верхняя часть, был выдержан в духе сказок «Тысячи и одной ночи»: длинная зеленая тужурка и нечто отдаленно напоминающее чалму.

— Домогацкий здесь? — спросил оперативник.

— Рано еще. Он приходит ближе к вечеру.

Было около двух часов. Жара стояла такая, какую выдержать в пору только египтянам.

— Кто-нибудь из руководства на месте?

— Есть управляющий.

«М-да, — разочарованно подумал Урусов, оказавшись в холле, украшенном коврами и искусственными миртовыми деревьями в пластмассовых горшках, — на рынке была совсем другая публика».

Он еще озирался по сторонам, когда перед ним возник вышколенный управляющий:

— Здравствуйте. Чем могу быть полезен?

— Здравствуйте. Я из управления милиции. — Лейтенант показал свое удостоверение. Управляющий вежливо кивнул с непроницаемым лицом. — Скажите, пожалуйста, раньше ваш... клуб находился возле оптового рынка?

— Типа что-то того. Я тогда еще не работал.

— А кто-нибудь из работавших там людей у вас остался?

— Там и был-то всего один человек: маркер, дядя Боря.

— Почему его сюда не взяли? Мордой не вышел?

— Типа того. Ему пятьдесят, а сюда старше тридцати не берут.

— Он жив-здоров?

— В полном порядке.

— Мне-то как раз этот дядя Боря и нужен. Как его можно найти?

— Я, к сожалению, не знаю. Но уверен, Юрий Антонович, наш хозяин, вам поможет.

— Мне чем раньше, тем лучше. Ему можно позвонить прямо сейчас?

— Нет проблем. — Управляющий один раз нажал на кнопку мобильного — любимый номер. — Юрий Антонович, к вам тут пришел господин из милиции. По пустяковому вопросу.

Он передал телефон Урусову. Представившись, тот сказал:

— Мне бы хотелось поговорить с человеком, который работал в вашей бильярдной на старом месте, возле рынка.

— Ну, был там маркер Борис Иванович Прохоренко.

— Как с ним можно связаться?

— В принципе, у меня есть его телефон, только я сейчас в поликлинике. Если вам срочно, могу объяснить, где его дом.

Домогацкий подробно объяснил, как найти квартиру Прохоренко: такая-то улица, за диетическим магазином стоит хрущоба, последний подъезд, второй этаж, первая дверь слева.

Как назло, самого Бориса Ивановича лейтенант дома не застал. Супруга же в выдаче агентурных сведений о муже оказалась несравненно осторожней Домогацкого. Не снимая цепочку с приоткрытой двери, она долго и нудно интересовалась, кто да зачем. Лишь когда терпение Урусова начало истощаться, она ми-

лостиво сообщила, что Борис Иванович работает охранником в фирме «Одноразовая посуда», расположенной аккуратно на противоположной стороне улицы.

Почувствовав, что на горизонте замаячили конкретные результаты его деятельности, лейтенант бодро направился в фирму. На крыльце свежевыкрашенного здания стоял немолодой человек в форменных брюках и рубашке, на кармашке которой темнел матерчатый прямоугольник с надписью «ЧОП Цербер». Охранник сосредоточенно лузгал семечки, Доставая их по одной из газетного кулька. Шелуху он собирал в ладонь правой руки. При приближении Урусова этот рукотворный бункер как раз наполнился до отказа. Мужчина спустился к стоявшей на тротуаре урне и высыпал туда шелуху, после чего вытер ладонь о брюки.

— Скажите, где можно найти Бориса Ивановича Прохоренко?

— Да, это я.

— Лейтенант оперативно-следственного отдела Урусов. — Он показал охраннику свое удостоверение и, когда тот бегло глянул на его, продолжил: — Борис Иванович, меня интересуют дела давно прошедших дней. А именно весна девяносто девятого. Вы тогда работали в бильярдной возле рынка.

— Было дело.

— Очевидно, в то время там имелись какие-то завсегдатаи, постоянные посетители.

— Я проработал в той бильярдной четыре года. И там всегда околачивались одни и те же посетители. Поэтому они и называются завсегдатаями.

— Прекрасно. Ваша наблюдательность облегчает дело. То есть вы их знали?

— Знал.

— Догадываюсь, не только в лицо. Кое-что о роде их занятий поневоле доходило до вас. Не могло не доходить.

— Вот именно поневоле. Спрашивать я ничего не

стал бы. Любопытство себе дорожке обойдется. В бильярдной кучковалось много криминальной публики. Сунешь нос не в свое дело — мигом окоротят. Думаю, даже сейчас опасно брякнуть что-нибудь лишнее.

— То, чем я интересуюсь, вряд ли будет иметь большие последствия. Мне нужно узнать, кто из тамошних посетителей занимался торговлей документами.

— Ну, это для меня вопрос сложный, — протянул Прохоренко. — Не слышал, чтобы кто-то специализировался на торговле документами. Бывало, рядом видел людей — и парней, и девушек — держат в руках картоночку. А на ней: «Дипломы, аттестаты, трудовые книжки». Но чтобы кто-нибудь из таких посещал бильярдную, не припомню.

— Это все фальшивки. Сейчас речь идет о другом. Бывает, что крадут настоящие документы, а потом их продают.

— Ага! То есть вас интересуют обычные грабители.

— Скажем проще, карманники. При ограблении квартир на документы обращают внимание в последнюю очередь. В первую очередь тащат драгоценности и деньги.

Прохоренко криво усмехнулся:

— Опять же подводите меня под монастырь, господин начальник. Положим, я скажу. А ведь руки у них длинные, длиннее милицейских будут. Отомстить мне — за ними не заржавеет. Найду я у милиции защиту?

— Подводить, конечно, не хочется. Но, полагаю, вряд ли вас станет кто-то подозревать. По горячим следам такое может случиться. А когда прошло пять с лишним лет...

— Почему же пять? Бильярдная закрылась меньше двух лет назад.

— Неужели все всегда так и посещали ее в одинаковом составе? Никто не бросился в бега, не загремел в тюрьму.

— Были и такие. Вас они в первую очередь интересуют?

— Не знаю, — признался Урусов. — Вы слышали фамилию Серебров?

— Нет. А как его звали?

— Андрей.

— Нет, не слышал.

— Между тем весной девяносто девятого один человек, ныне арестованный, купил в бильярдной его настоящий паспорт.

— Не знаю, не знаю. Я назову несколько имен, да и то не уверен, они ли вам нужны. Надеюсь...

— На условиях полной анонимности, — заверил его лейтенант.

— Воровством промышляли Серега Дергач, Рудик Стюардесса, Леша Андриющенко. Про них глухо поговаривали такое. Да и догадаться можно было, что рыльце в пушку. Дни напролет торчали в бильярдной, а деньги никогда не переводились.

— Это все одна компания?

— Скорее конкуренты. Каждого окружала шпана помельче, я даже их имен не помню. К тому же они менялись. А эти трое... — Прохоренко махнул рукой, давая понять, что говорит про отпетых мошенников. — Уж, наверное, они были на примете у милиции.

— Проверим. Думаю, вы оказали следствию большую услугу.

Глава 30

АВГУСТ 1999-го

Андрей не на шутку встревожился — несколько дней подряд он не мог застать Наташу дома. Звонил и рано утром, и поздно вечером — безрезультатно. Пытался успокоить себя тем, что она просто не ожи-

данно задержалась у сестры, которая все лето жила на даче с маленьким ребенком. Судя по тому, что никто не подходил к телефону, родители тоже находятся там. Возможно, малышка заболела и требуется помощь. Обычно Наташа предупреждала его об отъезде, говорила, сколько дней пробудет на даче. Наверное, в этот раз снялась с места в спешке и его не застала.

Так он успокаивал себя, однако подспудное тревожное чувство все сильнее приводило Андрея в уныние, доведя до того, что у него буквально пропали сон и аппетит, когда, наконец, Наташа объявилась. На его звонок сняла трубку и как ни в чем не бывало подтвердила все догадки: да, действительно, она застряла у сестры, с малышкой полно забот, то одно, то другое. Каждую минуту намеревалась вернуться в город, да удалось вырваться только сегодня, недавно приехала.

На самом деле сегодня утром Наташа с нескрываемой грустью проводила улетающего в Москву Прыжкова, и на этом завершился их бурный пятидневный роман. Вернее, его первый этап — Наташа надеялась на продолжение. Отношения развивались столь стремительно, что она совсем перестала таиться от коллег Игоря. После каждого концерта принимала участие в их застолье, потом оставалась ночевать в номере Прыжкова. Присутствовала не только на всех концертах, за кулисами, но и на репетициях. Даже в мыслях боялась предвидеть то время, когда он уедет из Перми.

Музыканты отнеслись к ее появлению с полным безразличием. Они-то прекрасно знали, что подобные романы с наивными провинциалками Игорь заводит в каждом городе. Подобно десяткам других поклонниц, Наташа внимала его проникновенным рассказам о неудавшейся семейной жизни; о том, что практически он с женой давно не живет, осталось официально оформить развод; о том, как ему осточертела болезненная страсть жены таскать его на всякого рода многолюдные презентации, в то время когда ему по

душе простой домашний уют в обществе хорошо понимающей его женщины — скромной, некапризной, бесконечно далекой от ресторанных тусовок.

Слушая произносимые в ночной тиши слова, Наташа уже видела себя москвичкой, живущей рядом с этим неординарным человеком, сопровождающей его в поездках по стране, самоотверженно помогающей ему переносить тяготы гастрольной жизни.

Игорь клялся в любви и верности, обещал ей регулярно звонить, помогать чем сможет. Но прошла неделя, другая — от милого дружка ни ответа, ни привет. Мелочные нехорошие подозрения пробудились в душе Натальи. Ей не хотелось считать себя одуроченной, она пыталась бороться с мрачными мыслями, отмести прочь. Однако прогнанные сегодня, назавтра они вновь выползали, словно змеи из-под камней, и было заметно, насколько они стали сильнее, увеличились в размерах.

В первые дни после разлуки присутствие Андрея раздражало Наташу. Она старалась не показывать виду, но иногда нет-нет да и прорывались в ее голосе недовольные, даже истерические нотки, чего раньше за ней не водилось. Андрей терялся в догадках — почему вдруг с ней произошла такая метаморфоза? Решил — усталость накопилась. Тяжело ведь проводить каникулы, сутками напролет помогая ухаживать за новорожденным.

Через несколько дней Наташа предложила ему послушать свои новые песни. Андрей удивился — он был уверен, что из-за вороха семейных забот ей сейчас не до творчества. И уж совсем был поражен, услышав содержание песен.

По сути дела, каждая из них представляла собой часть одного любовного монолога, обращенного женщиной к человеку, ставшему ее первой настоящей любовью. Героиня восторгалась уникальностью своего избранника, его великодушием и красотой. Уверяла,

что иные люди, к сожалению, могут прожить жизнь, никогда не встретив любви, и если это редкое счастье случилось, нужно всячески оберегать его как самое драгоценное, что есть на свете.

— Кому ты посвятила эти песни? — полушутливо спросил Андрей, втайне надеясь, что сейчас последует ответ: «Конечно, тебе». Однако Наташа так же полушутливо сказала, что не пришло еще время обнародовать имя этого человека, и перевела разговор на другую тему.

Прошла неделя, прежде чем разговор о новых песнях возобновился. Все это время друзья не встречались, но, даже при разговорах по телефону, чувствовалось, как непривычно нервно вела себя Наташа. Андрей опять же отнес такое состояние на счет домашних неурядиц. Ее родители собирались в отпуск и перед отъездом вполне могли не поладить с дочерью. И у матери, и у отца была назойливая привычка давать по любому поводу советы. Они касались всего, начиная от чистки зубов и кончая выбором одежды. Бесконечные подсказки раздражали Наташу, она огрызалась, говорила, что ей уже не пять лет и сама знает, как поступать. Дочь отругивалась, но родители не могли изменить свою манеру воспитания. Наверное, перед отъездом они замучили бедную Наташу наставлениями. Вот уедут, она вздохнет посвободнее и вновь станет такой же спокойной, какой была всегда.

Когда, проводив родителей, Наташа вернулась с вокзала домой, на душе у нее было беспокойно. В пустой квартире она чувствовала себя неприкаянной. Из близких друзей в Перми никого не осталось, разъехались на каникулы. Она позвонила Андрею. Тот сказал, что хотел бы еще раз послушать ее последние песни.

— Они тебе до такой степени понравились?

— Да. До сих пор звучат в голове.

— Заходи ко мне. В тот раз я пела их под гитару. А сегодня хочу играть на пианино.

Андрею нравилась эта уютная комната, где на стене висели портреты Наташиных кумиров, оперных колоратурных сопрано Неждановой, Максаковой, Катульской.

Сначала Наташа спела те же четыре песни. Потом добавила пятую, которую раньше Андрей не слышал, она появилась в последние дни. Это была завершающая песня любовного цикла. В ней героиня уже не верила в долгую любовь, а считала, что на смену одной должна прийти другая, и та, новая, будет служить лекарьством от прежней.

**Я жду его в полночной тишине,
Припоминая лучшие мгновенья.
Сомнений нет — он явится ко мне.
За поворотом будет продолженье.**

У Андрея появилась большая уверенность услышать желаемый ответ, и он опять спросил:

— Интересно все-таки знать, кому посвящены эти песни?

— Ты не допускаешь мысли, что все относится к разным людям?

Он отрицательно покачал головой:

— К одному.

Наташа молча сидела у рояля. Приблизившись, Андрей внимательно посмотрел ей в глаза. Она порывисто обняла его и прошептала:

— Сейчас я ненадолго выпущу тебя из своих объятий — чтобы ты потушил свет.

Глава 31

ПОД ГРОХОТ ВОДОПАДА

Как это ни покажется странным, хороших знакомых у Дергача в Москве оказалось больше, чем в Перми. Причем знакомые были однотипные — мно-

гие приятели при случае уезжали в столицу, заканчивали курсы и устраивались охранниками.

Бывало, Сергей обсуждал с отцом загадки этой новой профессии, которая появилась недавно, а распространилась в невиданном количестве. Дергачевы пытались довести картину до логического конца. Если каждому человеку в стране понадобится охранник, то половина людей будет работать, а вторая половина охранять их. Это — если к каждому приставить по одному человеку. Но ведь сейчас мода пошла дальше — некоторые берут себе по два-три охранника, охранники требуются на многих предприятиях, в магазинах, банках. Значит, это будет самая популярная специальность в стране. От такой картины аж дух захватывало. Главное — они прилично зарабатывают. Если бы не стряслось с ним несчастье, Сергей тоже подался бы в охранники. Все его знакомые очень довольны такой работой. Если им верить, они живут припеваючи. Поскольку покушения случаются редко, особых забот нет, деньги идут так исправно, что ребята даже от приработков отказываются. Зачем влезать в лишнее ярмо?! Сергей поговорил с несколькими знакомыми, ставшими москвичами, но те, ссылаясь на большую занятость, слушать не хотели о том, чтобы ему помочь. Уж на что Борька Синьков был отличный парень, они вместе не раз бывали в передрягах, и тот сначала заартачился. Пришлось напомнить ему, что речь идет о человеке, которого они вместе грабанили.

— Это он потом пронюхал про нас и сделал меня инвалидом. Теперь все в полном порядке, а я по уши в дерьме. Что ж — так и оставить его безнаказанным?

— Ну а я-то что могу сделать? — вяло отговаривался Синьков. — Я здесь криминалкой не занимаюсь. Тут, скорее, мой шеф мастер по этой части.

— Шеф — это кто?

— Наш начальник охраны. Официально у него частное охранное предприятие. Но иногда, слышу

краем уха, он устраивает кой-какие разборки. Только я особо в его дела не встречаю. Мне тут сразу дали понять: чем меньше знаешь — тем крепче спишь, я и не рыпаюсь. Но при случае могу спросить. А где обитает этот человек, которого надо пришить?

— В том-то и дело, что его сперва нужно разыскать. Только мне это не под силу, потому что он сейчас живет в Москве.

Дергач рассказал Борису все, что знал о своем обидчике.

',, — Разузнать я для тебя разузнаю, даже бесплатно, по старой дружбе, — пообещал тот. — Но вот убраться может только шеф. Там дело поставлено на широкую ногу. Сделают так, что комар носа не подточит. Но не за красивые глазки. Готовь «бабло».

— Сколько?

— Расценки узнаю. Думаю, недешево. Согласен?

-г- Ладно, как-нибудь прорвемся. Ты для начала узнай про этого Сереброва. А уж потом будем думать, что делать дальше. Если твой шеф круто берет, может, с другими сговоримся.

У Борьки подвернулась возможность проконсультироваться с шефом. Тот страшно любил, когда подчиненные обращались за советами. Хотя ему еще нет и сорока, а держался он как умудренный жизненным опытом старец. Хлебом не корми, а дай поучить других уму-разуму. Он сказал Борьке, что певице, которая наверняка знает, где ее дружок, нужно звонить прямо сейчас, когда та находится за тридевять земель. Сыграет роль фактор неожиданности. Голова занята другими проблемами, российские события кажутся мелкими и несущественными, походя сразу все и выложит. Кем представиться, шеф тоже научил. Не надеясь на память, Борька записал его рекомендации.

Абсурдность ситуации заключалась в том, что звонок застал Наталью на Ниагарском водопаде, куда наших артистов привезли на экскурсию из Торонто,

где они давали спектакли. Чуть ли не с шестилетнего возраста она мечтала повидать крупнейший в мире водопад, а когда очутилась здесь, ей позвонили из Москвы. Более нелепое совпадение придумать трудно. Катер приближался к водопаду, из-за шума воды она еле расслышала телефонный звонок. Чтобы слышать собеседника, набросила на голову - полиэтиленовый плащ. Тут всем экскурсантам выдают такие, иначе от водопадных брызг можно изрядно промокнуть.

Звонил какой-то приятель Андрея Сереброва.

— Наталья Александровна, сейчас в Москве проездом находится известный профессор из Японии. Он мог бы восстановить Андрею его голосовые связки, тот сможет опять петь. Но это необходимо сделать как можно быстрее, через три Дня японец улетает. Где я могу найти Андрея?

Как ни воодушевлена была Наталья пребыванием на Ниагаре, как ни была мыслями далеко от Москвы, все-таки почувствовала — дело нечисто. Мифический японский профессор... Каким образом некий приятель Андрея узнал номер ее телефона? Странно все это.

— Недавно Андрей снял где-то новую квартиру. Я не знаю его телефона.

— Он и раньше снимал. Может, прежний номер назовете?

— Он никогда не давал мне своего телефона. Сам иногда звонил.

Только она отключила аппарат и приблизилась к экскурсоводу, как тот заверещал снова. Была уверена, что домогаются те же самые люди, уже была готова отшить их. Но нет:

— С вами говорит следователь Генеральной прокуратуры Турецкий. Наталья Александровна, мы разыскиваем хорошо известного вам Андрея Всеволодовича Сереброва. В музыкальном училище нам сказали, что в Москве вы поддерживаете с ним отношения и подскажете, как с ним связаться. Это очень важно.

Наталья опять намотала на голову полиэтилен, слышно плохо.

— Что же это происходит, господин Турецкий! За минуту до вас мне звонили какие-то люди, которые тоже разыскивают Андрея.

— Что за люди? — насторожился следователь.

— Мне они незнакомы. Сказали, что хотят свести Андрея с японским профессором, и он восстановит его голос.

— Вы понимаете, что это, увы, невозможно.

— Я просто передаю их слова. Наверное, тут кроется уловка.

— Что вы им ответили?

— То же самое, что скажу вам. Я не знаю точно, где Андрей сейчас снимает квартиру.

Громкость начала уменьшаться, и Турецкий прокричал:

— Где вы сейчас находитесь?

— Возле Ниагарского водопада...

Голос исчез. Турецкий с ненавистью посмотрел на трубку, словно она была виновницей помехи. Затем, досадливо поморщившись, вздохнул:

— Больше всего опасаясь таких сюрпризов.

— Что произошло? — насторожилась Галина.

— За минуту до меня Козельской позвонил какой-то незнакомец и тоже интересовался координатами Сереброва. Получается, кто-то идет по его следам параллельно с нами.

— Мститель, — полуутвердительно произнес Яковлев.

— В другое время я подумал бы на окружение Репиной или Прыжкова, но поскольку те ведут поиск через Пермь в лице выходца из ее недр, то есть Козельской, то в голову приходит злополучный серебряровский паспорт. Что-то там он с ним учудил. Нужно разобраться с теми тремя потенциальными торговцами документами из бильярдной. Как их там?

— Сергей Дергач, Рудик Стюардесса, Алеша Анд-
рющенко, — напомнил Володя. — Стюардесса — он
вроде бы живет рядом с аэродромом. Поэтому такое
прозвище.

— Это Урусов сказал?

- Да .

— Звони опять ему. Пусть в первую очередь быстро
проверит этого Дергача. Сказал же Вострецов, что к
тому обращались как к Серому. Сергеев часто так на-
зывают. А прямолинейность фантазии преступников
при выборе кличек общеизвестна. Мешков обязатель-
но Мешок, Свистков — Свисток, Калугин — Калуга.
Тут они не мудрствуют лукаво. Думаю, найти этого
Сергея Дергача не составит труда.

Часть четвертая

КТО ПОЕТ ПОСЛЕДНИМ

Глава 32

СЕНТЯБРЬ 1999-го

«Дорогая редакция! — звучал по радио бодрый мужской голос. — Завтра у нашего замечательного земляка Анатолия Григорьевича Чекрыгина день рождения, ему исполняется шестьдесят лет. Мы хотим, чтобы в столь знаменательный юбилей в эфире прозвучала песня его любимого композитора и певца Игоря Прыжкова «Дует свежий ветер перемен»...

Резко привстав со стула, Наташа дотянулась до кнопки и выключила приемник.

— Что это ты вдруг? — удивилась мать.

Трехпрограммник у них на кухне стоял уже лет десять. Как купили его, настроили на «Маяк», так он с тех пор на этой волне и работал. Ничего другого не слушали. Утром мать нажмет на вторую кнопку, так и работает «Маяк» до позднего вечера. И вдруг...

— Какая муха тебя укусила, дочка?

— Невозможно уже слышать эту дешевку! Все уши прожужжали! Трындят с утра до вечера.

Мать, удивившись, пожала плечами. Ей казалось, что Наташе нравится эта песня.

Со времени отъезда Игоря Прыжкова из Перми прошло почти два месяца, и он не подавал никаких вестей. Наташа тщетно пыталась выбросить из головы всякие мысли о нем. Благо, рядом находится Андрей, она очень признательна ему за поддержку. Про место Прыжкова в ее жизни он не догадывается, но любую Наташину встревоженность всегда обостренно чувствовал и, даже не зная истинных причин, не стремился их выяснить, а просто старался погасить ее.

Раздался телефонный звонок:

— Наташенька? Я не разбудил вас? Это Валерий Шифман беспокоит.

Она искренне обрадовалась неожиданному звонку. Это же ниточка, связывающая ее с Игорем. Может, продюсер хочет сообщить о том, почему Игорь не мог все это время связаться с ней. Может, он уезжал в какую-нибудь глубинку или, не дай бог, заболел.

— Что случилось? — спросила она с ощутимой ноткой тревоги в голосе.

— Ничего особенного не случилось, радость моя, все океюшки. — Тут Наташа ясно представила его улыбающееся лицо. — У вас еще не пропало желание предстать во всем великолепии перед московской публикой?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что хочу пригласить вас на 10 ноября в столичный град. В этот день во Дворце государственных торжеств состоится концерт, посвященный Дню нашей доблестной милиции. У меня есть возможность включить ваш номер в программу, что я с превеликим удовольствием сделал бы. Концерт, как всегда, будет транслироваться по телевидению, по первому каналу, и я надеюсь на благожелательный ответ. Не стану скрывать, это и в моих интересах — для полного разнообразия программы есть нужда именно в таком неповторимом сопрано.

— Что мне придется петь?

— Конкретный номер обсудим позже. Сейчас мне нужно иметь принципиальное согласие, чтобы вставить вашу славную фамилию в афишу.

— Спасибо, Валерий Яковлевич. Конечно, я согласна. Что за вопрос.

— Это вам спасибо, Наташенька. Об оплате пока не говорю, все решим на месте. Приехать нужно будет за три дня, чтобы провести полноценные репетиции. Сами понимаете статус такого концерта. У вас есть где жить в Москве?

— Нет.

— Значит, закажу гостиницу. Правда, не в пятизвездном отеле, немного скромнее, но с удобствами — с окном. — Это он вспомнил известную актерскую байку. — Так и записываю: Наталья Козельская — одноместный номер. Транспортные расходы будут полностью возмещены...

Шифман еще что-то говорил, однако смысл его слов с трудом доходил до Наташиного сознания. Радость от приглашения соседствовала с ожиданием известий про Игоря. Думала, вот-вот продюсер скажет, мол, Игорь просил передать привет и тоже с нетерпением ждет вашего приезда...

Нет, не сказал. Про Прыжкова даже не заикнулся, как будто они вместе и не работают. Она же спрашивать не стала. Мы — люди гордые. Нас не любят — ну и не надо, обойдемся. Тем более что существует лекарство от любви.

— Я поеду с тобой, — решительно заявил Андрей, когда она сказала о приглашении в Москву.

В последнее время он незаметно сделался Наташиным режиссером. Иван Иванович всегда одобрительно относился к его педагогической хватке, нравилось ему и то, как Андрей помогает Наташе. Тем более что у Кизилова не возникало с ним конфронтации, поскольку они негласно разделили «участки». С официальным педагогом по вокалу Наташа училась управлять оттенками голоса, ставила звук, совершенствовала-

ла интонацию, короче говоря, вырабатывала качества, необходимые для оперной артистки. У Андрея была задача попроще — держать Наташу в курсе современных течений в музыке, занятия которой тоже служили хорошим тренингом. К тому же недавно он свел ее с хорошей группой, готовившейся записывать новый альбом. Именно их пленку она возьмет в Москву, потому что там придется петь «минус один», то есть живую под записанную музыку.

Присутствие режиссера на репетициях желательно. В этом смысле готовность Андрея ехать с ней была оправдана. Только возникнет неловкость, если она повстречается там с Игорем. Он наверняка узнает от Шифмана о Наташином приезде и захочет увидеться. А вдруг не захочет? Или, может, его в то время не будет в Москве? Надо исподволь справиться у Шифмана о планах Игоря. Хотя можно особенно не осторожничать, он все равно в курсе того, что происходило между ними. Если же она приедет с Андреем и Прыжков поведет себя не лучшим образом, то хорошо бы дать понять, что на нем свет клином не сошелся.

Жаль, личные дела нахлопнулись на такое важное событие. Нужно стараться забыть о них, сосредоточиться только на концерте. Возможно, это будет ее звездный час. Шутка ли — его покажут вечером по первой программе телевидения! Если выступит успешно, это будет гигантским шагом вперед. Тогда все мужики будут валяться у ее ног.

Глава 33

НОЯБРЬ 1999-го

Вот уж действительно: на ловца и зверь бежит. Андрей размышлял по поводу приближающейся поездки, когда ему подвернулась газета с обширной статьей, посвященной состоянию столичных гостиниц. Картина получалась мрачная. Там было написа-

но, что после того как весной снесли гостиницу «Москва», летом взорвали высотную «Спорт», готовятся к закрытию «Россия» и еще несколько отелей помельче, гостиничный рынок уменьшился, а цены за проживание, естественно, резко выросли. Номера в Москве и раньше были дорогим удовольствием, а сейчас цены и вовсе зашкаливают: В таких случаях приходится искать выход из положения, а он приезжему люду хорошо известен с давних времен — нужно останавливаться у родственников или знакомых.

Что касается знакомых, то к таковым Андрей может отнести лишь одного меломана, которому, в частности, очень нравилось его пение. На этой почве они и познакомились. Тот, продав хорошую трехкомнатную квартиру в центре Перми, купил на эти деньги двухкомнатную малогабаритную квартирку в спальном районе Москвы, очень далеко от центра и даже от ближайшего метро. Теперь он сам проклинал свой переезд и честно предупреждал бывших земляков о транспортных трудностях, которые обрушатся на них при нахождении у него в гостях.

Тем не менее Андрей позвонил меломану и предупредил о том, что теоретически может нагряться, хотя в первую очередь он предпочел бы остановиться у дядьки, старшего брата отца. Милицейский полковник в отставке, Леонид Юрьевич и его жена жили в просторной квартире на Ленинском проспекте. Дочь сейчас переехала к мужу, сын работал по долгосрочному контракту за границей.

Услышав от племянника вопрос: «Не стесню ли я вас?» — Леонид Юрьевич рассмеялся: «Да у нас тут столько места, что на велосипеде кататься можно».

Можно было не сомневаться, что дядька и тетка отнесутся к нему нормально. Но все же Андрей чувствовал себя у них неловко. Как будто приехал к чужим людям — уж очень редко до этого они виделись, буквально считанные разы. А тут богато обставленная

московская квартира, в доме свой стиль жизни, у немолодых хозяев определенные привычки. Они племяннику слова дурного не говорили, а ему все равно казалось, что он в тягость. Хозяева «жаворонки» — рано ложились и рано вставали. Сквозь дрему Андрей слышал, как Мария Абрамовна хлопотала на кухне, включала стиральную машину. Леонид Юрьевич спустился к почтовому ящику за газетой, а потом сидел в соседней комнате, курил и читал. Потом звонил кому-то по телефону, уточнял часы работы. Андрей рад бы поваляться подольше, однако под боком кипела такая деловая жизнь, что было неловко разлеживаться. Рано лечь у него не получалось. Он долго сидел на репетиции во Дворце государственных торжеств, потом провожал Наташу до гостиницы. Когда возвращался, дядька и тетка уже спали. Андрей старался все делать тихо, чтобы не разбудить их. Дома он мог и музыку поставить, и телевизор включить, уж не говоря о проторенной дороге к холодильнику. Здесь же лишний раз пошевелиться боялся — неудобно. Спасибо, еще почитать можно было. Одно утешало — его существование на птичьих правах должно было продлиться недолго: 11-го, на следующий день после концерта, они с Наташей уезжали в Пермь.

Когда Андрей рассказал дядьке, зачем приехал, тот незлобиво хмыкнул:

— Ишь ты! Мне и то не приходилось бывать на таких концертах.

Тут Андрей почувствовал совсем большую неловкость: дядька, полковник милиции, сейчас в отставке, много лет проработал в ГУВД и ни разу не был на корпоративном праздничном концерте. А не имеющий никакого отношения к милиции племянник приехал, можно сказать, из глуши, и сразу ему все двери открыты. Заслуженный человек лишен такого удо-

вольствия, о котором давно мечтал, а молодому выскочке оно досталось без всяких усилий.

Андрей хотел было замолвить словечко Шифману: наверняка тот может достать парочку пригласительных билетов. То-то будет радость для дядьки и тети Мани, лучше подарка не придумаешь. Однако при первой же встрече Валерий Яковлевич отбил у него всякое желание о чем-либо просить. При виде Сереброва дежурная улыбка сползла с его лица, и он строго отчеканил:

— Андрей, вам раз и навсегда следует запомнить, что здесь, как на всех концертах подобного ранга, есть официальный постановщик. Он один отвечает за все номера. Боже вас упаси вмешиваться с какой-нибудь отсебятиной.

— Но я же занимался с Натальей, могу что-нибудь подсказать.

— Не надо! К чему вносить разногласицу? Если каждый начнет лезть со своими предложениями, можно репетировать до скончания века. Вы работали с Натальей, вы подготовили материал. Прекрасно. Но тут все подчиняется только ему. Чем меньше вы будете мозолить здесь глаза, тем лучше.

Сказал и умчался по своим делам, оставив Андрея в подавленном настроении. Иначе и быть не могло, когда с тобой разговаривают таким тоном. Теперь не то что просить, теперь он не возьмет у Шифмана билеты, даже если тот сам предложит. Но, по сути дела, Валерий Яковлевич прав. Раз уж его милая выпорхнула на эту сцену, не стоит проявлять излишнюю назойливость. Достаточно того, что окажет ей моральную поддержку. Она волнуется, а ведь ей очень важно сохранить спокойствие. Андрей даже не подозревал о том, что, помимо творческого, у Наташи имеются и личные поводы для переживаний. В первый день приезда в Москву она узнала от Шифмана, что Игорь будет участвовать в концерте.

Глава 34

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО

Продолжая выполнять задание Генеральной прокуратуры, лейтенант Урусов ознакомился по милицеевской картотеке с основными жизненными вехами Сергея Дергачева.

Проблем с правосудием у молодого человека хватало. Будучи несовершеннолетним, он привлекался за разбойное нападение, получил условный срок — два года. В восемнадцатилетнем возрасте был приговорен к годичному заключению за воровство, украл у заснувшего в какой-то котельной пьяного деньги, пустяковую сумму, и часы. В армии не служил — инвалид первой группы.

Лейтенант позвонил участковому инспектору Ильгизу. Тот рассказал, что раньше Дергачев пошаливал, шпана шпаной, а однажды его так жестоко избили, что переломали ноги, ребра, а главное — позвоночник. С тех пор бедняга не ходит, сидит в инвалидной коляске.

— Когда это произошло?

— Лет пять назад, даже больше. По-моему, весной девяносто девятого.

— То есть ему было двадцать два. Почему же он в армии не служил, если раньше был здоров?

— Товарищ лейтенант, вы хотите узнать, как он «откосил» от армии? Я этого не знаю. Но вы же понимаете, есть многие способы. Если желаете, я с ним поговорю.

— Нет уж, Ильгиз. Мне самому с ним разговаривать придется.

— Насчет армии?

— Да нет, совсем по другому поводу.

— Крепкий орешек. От него много оскорблений можно наслушаться.

Разговаривать с озлобленным человеком — удовольствие ниже среднего. Но тут уж ничего не попишешь.

Трубку снял сам Дергачев.

— Оперуполномоченный пермского ГУВД лейтенант Урусов. Сергей Тимофеевич, я хотел бы встретиться с вами по одному срочному делу, чтобы задать несколько вопросов.

— Я болен, — отрезал собеседник.

— Понимаю. Постараюсь не тревожить чрезмерно. Нужно выяснить некоторые обстоятельства, поэтому надеюсь на вашу помощь.

— Ну и выясняйте по телефону. Встречаться-то зачем? /

Разве можно при проведении оперативных действий ограничиться звонком?! Милиционеру необходимо видеть глаза собеседника: спокойны они или лихорадочно перескакивают с предмета на предмет, уставились в пол или нагло прищурены. Сплошь и рядом глаза бывают красноречивей слов. Заочно подозреваемый будет разговаривать с опером не так, как видя его перед собой. А заставь его отвечать перед десятком людей, тут любой стушется.

— Я хочу познакомиться с вами лично.

— А я не хочу! Ментов я, что ли, не видел?

Пропустив шпильку мимо ушей, лейтенант миролюбиво ответил:

— Дело-то давнее. Обращаюсь к вам даже не как к свидетелю, а как к помощнику.

— Я болен! — рявкнул собеседник. — Я совсем ходить не могу.

— Знаю. Но если требуется ваша помощь...

— Моя помощь? Ментам?

Дергач разразился мефистофельским смехом. Лучше бы он этого не делал. Лейтенант повысил голос:

— Звоню вам не от нечего делать! Если потребуются ваши показания, найдутся более действенные

способы получить их. Однако обострение отношений с милицией вряд ли будет для вас полезно.

«Черт с ним, пускай заходит, — подумал Сергей. — Что он может мне сделать?! Хуже все равно не будет». Его вдруг разобрало любопытство. С какой стати к нему направляется этот мент? К человеку, который сидит сиднем, ничего не видит, свидетелем быть не может. Разве кто-либо из прежних дружков прокололся. Но он подробностей о новых преступлениях не знает. Лейтенант останется при своем интересе, ему с Дергачем разговаривать — словно с кирпичной стеной.

— Сейчас я даже дверь не могу открыть. Если хотите, заходите попозже, вечером, когда родители будут дома.

Как раз вечером Урусову идти не хотелось. У него дома лазарет: жена заболела, сын простудился. Теща за день с ног сбилась, надеется, что зять придет и поможет. Он рад бы вернуться пораньше, но делать нечего — служба.

Дверь открыл отец Дергачева, невысокий человек с чапаевскими усами, и провел лейтенанта в комнату.

Олег ожидал увидеть располневшего от многолетнего неподвижного сидения человека. Однако взору предстал худощавый шатен со скуластым лицом и спадающими на лоб давно не стриженными курчавыми волосами. В его прищуренном взгляде не было ни малейшего намека на доброжелательность.

— Сергей Тимофеевич, — начал Урусов, — к нам поступили показания задержанного гражданина Вострецова, утверждающего, что в апреле 1999 года он купил у вас паспорт на имя Андрея Всеволодовича Сереброва.

— Чего? Где задержали этого Вострецова?

— В Приморском крае, в городе Находка.

— Мало ли что брякнул какой-то арестованный, которого я знать не знаю, — криво усмехнулся Дергач.

— В его интересах давать правдивые показания.
— Теперь на меня что угодно валить можно.
— Думаю, он знать не знает о вашей болезни.
— А я его знать не знаю и знать не хочу.
— Придется проводить очную ставку.
— Везите его сюда, — сказал инвалид с плохо скрытым злорадством. — Мне на Дальний Восток не добраться. У вас денег выше крыши, купите ему билет. Можете в спальном вагоне.

Урусов не стал дальше развивать эту тему, которая явно злила собеседника, а спросил:

— Вообще-то вы какие-нибудь документы продавали?

— Нет! Сроду не занимался этим!

Поговорив в таком же духе, лейтенанту ничего не оставалось делать, как распрощаться с Дергачевым, а назавтра, позвонив в Москву, дословно передать мало-содержательный разговор Турецкому.

— Как вам показалось: правду говорит?

— Врет самым наглым образом. У меня нет в этом ни малейшего сомнения.

— Тогда поставьте его телефон на «прослушку». И сделайте это, по возможности, быстрее.

Глава 35

НОЯБРЬ 1999-го

После завтрака Игорь Прыжков, по недавно введенной традиции, отправился в имидж-студию на Чистопрудном бульваре, где приводил в порядок свою бороду. Разумеется, усы и прическа тоже не были оставлены без внимания. Однако борода вне конкуренции — стояла на первом месте, являясь постоянным предметом гордости и забот Игоря.

Игорь давно мечтал о бороде. Эта растительность

казалась ему признаком зрелого и храброго мужчины. Лет в четырнадцать-пятнадцать многие его ровесники начали бриться. Игорь завидовал им черной завистью. Пушок на его щеках и подбородке был незаметен, однако он регулярно скоблил его, добившись упорным трудом того, что тот постепенно превратился в рыжеватую курчавую бороденку, очень похожую на мочалку для мытья посуды.

Появление парикмахерских высокого ранга, так называемых имидж-студий, стало для него истинным счастьем. Игорь испытывал непередаваемое наслаждение, когда полулежал в кресле, закрыв глаза, а его бороду подравнивали, расчесывали специальной щеточкой и мыли ароматизирующим укрепляющим шампунем.

Люди, привыкшие упрощенно определять в человеке национальные черты, при знакомстве с певцом Игорем Прыжковым могли прийти в замешательство. Он был жесток к животным, словно испанец; жестикулировал и громко разговаривал, как итальянец; любил пиво, как прирожденный бельгиец; привержен к азартным играм, как китаец. Однако это были впечатления тех, кто знал его накоротке, в быту. Для многочисленных же зрителей Прыжков был типичным воплощением русского человека. Высокий, статный, русоволосый, голубоглазый.

Вчера вечером Прыжков вернулся из кратковременной поездки по так называемому «красному поясу», где его песни проходили на ура. Сначала у него было большое желание отказаться от этого гастрольного тура. Он запросил у организаторов совершенно бешеную сумму, в полной уверенности, что те откажутся платить астрономический гонорар. Однако они неожиданно согласились. Игорю деваться было некуда — пришлось тоже согласиться.

Такие насыщенные гастролы артисты называют че-сами. Видимо, термин произошел от слова «чесать»,

если использовать его как синоним выражения «бежать без оглядки, быстро перемещаться». О, эти легендарные часы! Спасительные периоды в жизни каждого артиста, когда несколько дней работы потом целый год кормят. Разумеется, при этом приходится и слегка халтурить, иначе при такой нагрузке невозможно. Однако провинциальная публика не столь щепетильна. Вместо того чтобы освистать приезжего артиста, зрители все равно устраивают ему овацию. Как сказал однажды Игорь — несколько дней позора, потом год можно жить спокойно. Тут поневоле позавидуешь зарубежным звездам, которые не выступают по Пырловкам, чтобы заработать себе на хлеб. Они зарабатывают кучу денег на пластинках, а в туры выезжают раз в несколько лет.

Наши же артисты во время часов дают по несколько концертов в день, один наслаивается на другой. Однажды Прыжков отрабатывал бог знает какое по счету выступление. Уже все перепуталось, не помнит, какую песню должен исполнять. Тогда он повернулся к оркестру и спросил:

— Ребята, это конец того концерта или уже начало следующего?

В этот раз, помимо хорошего заработка, Игорь получил еще один подарок судьбы — в первый же день познакомился с потрясающей женщиной. Получилось так, что в Краснодаре, проснувшись, Игорь почувствовал головную боль. Природа ее была ясней ясного — накануне он страшно напился. Поднявшись с постели, в сомнамбулическом состоянии бродил по номеру. Остановился у окна, увидел в доме напротив бело-зеленую вывеску аптеки и решил зайти туда, чтобы купить таблетки «антипохмелина». Это средство действовало на него безотказно. Он спустился, а войдя в аптеку, ахнул: за кассой сидела женщина неопишуемой красоты. При виде нее в организме Прыжкова произошли таинственные изменения: он думать забыл про таблет-

ки, да в них больше не было необходимости. Игорь почувствовал себя богатырем, Ильей Муромцем, силу девать некуда. Кассирша узнала известного певца, ну а дальше и делать было нечего. Вечером она уже сидела на его концерте в первом ряду, последующие три ночи провела в его номере, а потом еще приезжала к нему на свои выходные в Новороссийск. Сначала у него появилась там другая женщина, но при появлении краснодарской красавицы новороссийскую он моментально отправил в отставку.

Окружающие знали занудливый характер Игоря, он всегда был чем-нибудь недоволен. Однако эта поездка ему пришлось по душе, и вдобавок радовало то, что он пропустил репетиции концерта для милиции.

Поначалу Игорь вообще отказался участвовать в этом концерте, и его фамилии в афише не было. Он устал после напряженного часа, заработал уйму денег. Зачем ему это копеечное выступление. Но потом он переменял свое решение, потому что концерт будут показывать по первой программе телевидения, а у него в репертуаре появилась убойная песня, которая должна произвести фурор. Прыжков познакомился в Перми с хорошей певицей, прекрасный голос, она и сочиняет песни: пишет музыку, иногда стихи. Игорю понравились почти все ее песни. Одна же из них, «Стремительный полет», так врезалась в память, что неотступно преследовала его. Уж если он с утра до вечера напевал мелодию, можно представить, до чего понравилась ему песня. Наташа спела ее несколько раз, поэтому Прыжков записал слова, запомнил музыку, ребята из его ансамбля уже сделали оркестровку, и сегодня Игорь впервые собирался ее исполнить. Если бы новинку уже слышали на репетициях, сложнее было бы рассчитывать на оглушительный эффект. То есть среди зрителей песня в любом случае должна произвести фурор, а ведь ему главное — впечатление коллег. Поэтому его отъезд пришелся очень кстати.

Учитывая к тому же, что он будет выступать последним, можно говорить о рождении шлягера. Ну а то, что у него нет разрешения на исполнение от автора, не беда. Голосистая красotka так угорела от любви к нему, что будет счастлива услышать по телевизору свою песню из его уст. Он бы даже объявил ее фамилию, да не помнил ее. Представили при знакомстве, как обычно, невнятно, он и забыл. Не объявлять же просто: Наташа. Перебьется, невелика фишка.

По привычке Игорь после плотного обеда прилег на часок вздремнуть, строго-настрога приказав жене, чтобы ни в коем случае не звала его к телефону. Да она и без его напоминаний не стала бы его тревожить. Она разбудила мужа, когда тот велел — незадолго до приезда автобуса с музыкантами. Все уже были в сборе, солиста забирали в последнюю очередь.

Получив в бюро пропусков бумажку, он взбежал на второй этаж, и первой, кого он там увидел, была Наташа Козельская.

Глава 36

НОЯБРЬ 1999-го

Сейчас Костя Халатин со смехом вспоминал о том случае, когда ему впервые в жизни пришлось дать взятку. Это и взяткой-то можно назвать с большой натяжкой: просто ему посоветовали, как замаслить сотрудницу жэка, чтобы та побыстрее выписала ему справку. Сказали, дай ей плитку шоколада. А он — молодой, неопытный. Ох, и намучился тогда с этим подношением.

Во-первых, нужно было выбрать — что купить. Когда глаза разбегаются, это не так-то просто сделать. Костя сам тогда сообразил, что шоколад должен быть не слишком дешевым и не очень дорогим, все в меру.

Потом нужно не промахнуться с названием. Был разгар лета, июль. Если принести шоколад, на обертке которого нарисована ветка мимозы и написано «8 марта», женщина может рассердиться и прогнать его. Потом нужно учесть сорт: горький, белый, пористый...

В общем, Костя тогда изрядно попотел. Однако самые большие мучения начались уже на пути к жэку. А что, если при виде взятки женщина поднимет скандал и вызовет милицию?! Или поднимет его на смех за столь ничтожный подарок?! Поэтому Костя решил дожидаться того момента, когда можно будет вручить подношение наедине. В комнате сидели две сотрудницы. Как назло, вторая долго не выходила, наконец ушла. Костя юркнул в комнату, покраснев, неловко сунул уже растаявшую к тому времени плитку шоколада женщине. Она, как ему показалось, насмешливо поблагодарила его легким кивком и выдала справку.

Как потом выяснилось, помимо перенесенных душевных страданий дача взятки должностному лицу нанесла Косте и материальный урон — подтаявшая плитка шоколада испачкала его новый светлый пиджак. Пришлось раскошелиться на химчистку.

Давно это было, четыре года назад. Куда он делся, тот стеснительный мальчик? Нынче Костя Халатин без всякого смущения вручает нужным людям любую сумму, и ни малейших угрызений совести потом он не чувствует. Да и с какой стати ему отличиться от других! Если вокруг только говорят и пишут о взятках, если чуть ли не официально признано, что в коррупции погрязли чиновничество, милиция, институтские преподаватели и так далее, если премьер-министра, второго человека в стране, называют «Миша два процента» (столько ему отстегивают с каждой сделки), то зачем Костя будет вести себя иначе? Если ему что-то требуется, он это просто купит, как все. Например, сегодня ему понадобилось, чтобы Татьяна Светлаяро-

ва выступала на концерте в честь Дня милиции последней.

Надо сказать, любой концерт выстраивается таким образом, чтобы ближе к концу становилось интереснее. Наверное, это связано с усталостью публики. Если все привлекательные номера уже показаны, зрители разойдутся. А их нужно удерживать. Манком здесь служит номер, который привлекает их в первую очередь. Его ставят последним, и зрители поневоле смотрят в ожидании него всю программу.

Это — упрощенная схема, объясняющая логику организаторов концертов. Она безотказно действует давным-давно, однако в реальной жизни порой дает сбой. Происходит это тогда, когда состав участников программы более или менее ровный. Тут, не имея количественных критериев, трудно определить, кто лучше, кто хуже, поэтому все делается, что называется, на глазок. Опытные организаторы обладают такой интуицией, что знают, в каком порядке нужно выпускать исполнителей на сцену, чтобы общая картина была увлекательной и разнообразной. Это относилось и к сегодняшнему концерту.

Режиссер Сандомирский последним поставил Игоря Прыжкова, а Татьяну — перед ним. Татьяна была раздосадована.

— Я тут парюсь три дня на репетициях, — возмущенно говорила она. — А Прыжкова нет и в помине. В результате я выступаю предпоследней. А этот фон барон явится за час до начала, и ему почет и слава. Добро бы еще петь умел, а то ведь...

Тут, пожалуй, Светлаярова слегка заблуждалась. Не в том отношении, что Игорь плохо поет, а в том, что она делает это не лучше. Как ни крути, рейтинг Прыжкова все-таки повыше, пусть даже совсем незначительно. В глубине души она сама это понимала, просто признавать не хотела. В результате она заста-

вила Костю пойти к режиссеру и поменять ее и Прижкова местами.

Костя никогда не думал, что станет продюсером. После школы он окончил компьютерные курсы, был разработчиком в солидной фирме. Будучи общительным человеком, он обожал всякие шумные сборища и активно призывал начальство по любому поводу отмечать корпоративные события. То юбилей одного отдела, то другого, то всей фирмы. Придумывал и места для проведения праздников — рестораны, загородные пансионаты. Один раз добровольно вызвался помочь устроителям, поехал в цыганский театр и пригласил оттуда певцов. Они так хорошо выступили, так украсили вечер, что после этого Халатина просили приглашать к ним кого-нибудь из знаменитостей. Он и не отказывался.

Татьяна Светлаярова была для него идеалом женщины. Он считал ее неопишуемой красавицей. Когда Светлаярову показывали по телевизору — к сожалению, это происходило реже, чем хотелось бы, — Костя не мог оторваться от экрана — наслаждался. Но ему боязно было подумать о том, чтобы позвонить этой очаровательной женщине, вести низменные разговоры о гонораре за выступление, объяснять, какая машина за ней приедет. Тем не менее однажды он решился на такой отчаянный шаг. Татьяна согласилась выступить у них на фирме.

Все связанные с ней хлопоты Костя взял на себя. Он увязался ехать за ней на машине, хотя водитель прекрасно мог сделать это один. Он взял у директора деньги, чтобы лично гонорар вручить певице. Все время ни на шаг не отходил от почетной гостьи, старался, по возможности, угодить ей.

Светлаяровой понравился этот высокий большезлазый паренек с подкупающей улыбкой. В то время у нее не было продюсера, и она попросила Костю помочь ей в организации очередного концерта. Сна-

чала одного, а когда тот прошел успешно, другого, третьего. Постепенно Костя увлекся этим делом, которое сначала считал какой-то игрой, а потом решил сделать работой. Ему нравилось общаться с разными людьми, ездить в другие города. Раньше он безвылазно сидел в фирме с утра до вечера, и это однообразие тяготило. Динамичная гастрольная жизнь, да еще рядом с Татьяной, тень известности которой касалась и продюсера, засосала его с головой.

Так что накануне концерта к режиссеру Сандомирскому подошел не робкий юнец, каким Костя был раньше, а умудренный полугодовым опытом деятельности в шоу-бизнесе человек. Он даже не стал дожидаться, когда тот окажется в своем кабинете. Улучив момент, перехватил за кулисами, быстро сунул в нагрудный карман его рубашки несколько долларовых купюр:

— Аркадий Михайлович, дорогой, Татьяна Андреевна сейчас готовится к туру по Сибири. Ей, конечно, важно выступить завтра в концерте последним номером. Для Прыжкова это значения не имеет, а для нее это вопрос жизни и смерти. Организаторы пообещали тогда повысить ей гонорар, и мы хотим поделиться с вами частью выданного аванса. Надеюсь, вы окажете такую божескую милость. Для меня это тоже жизненно важно. Если Татьяна Андреевна убедится, что я способен помочь ей даже в таком концерте, она поверит в мое всемогущество. Я так волнуюсь, нынче утром кофе пил без всякого удовольствия.

Режиссер засмеялся и махнул рукой, мол, что тут с вами поделаешь. Косте показалось, что тот согласился. Однако Сандомирский вдруг посерьезнел, выудил деньги из карманчика и вернул их начинающему взяточдателю.

— Вы, конечно, понимаете, что я могу швырнуть эти деньги вам в лицо и устроить дикий скандал, — сказал Аркадий Михайлович. — Чтобы вы не подума-

ли, будто все на свете покупается. И вы даже не догадываетесь, почему я обойдусь с вами в щадящем режиме. Объясню. Бывает, случайно маленькая деталь перевешивает все разумные доводы. Знаете, чем вы меня пленили? Своей грамотностью. Вы сказали не «на концерте», как говорит Подавляющее большинство, а по-настоящему интеллигентно: «в концерте». Это сыграло решающую роль. Идите и передайте это Татьяне.

В это время за кулисами появились музыканты, и Сандомирский пошел с ними на сцену.

В отчаянии из-за того, что не выполнил задание Татьяны, Халатин решил действовать через прыжковского продюсера. Когда появился Шифман, Костя обратился к нему почти с теми же словами, что час назад к режиссеру.

Валерий Яковлевич не стал хвалить Халатина за интеллигентное обращение. Он просто наотрез отказался взять деньги.

Глава 37

ЗАОЧНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Как всегда, на Турецкого навесили несколько дел. Убийство Репиной и, похоже, связанное с ним убийство Прыжкова — самое сумбурное и самое странное. Совершенное на виду у десятков людей и в то же время не оставившее убедительных свидетельских показаний. Если по горячим следам опытные следователи не разобрались с Прыжковым, можно понять всю трудность этого дела сегодня. Что уж говорить о том, как оно усложнилось через пять лет!

Когда у Александра Борисовича нет в чем-то уверенности, он любит размышлять вслух. Не наедине, что папахивает шизофренией. Турецкий часто устраи-

вает совещания, приглашает к себе Грязнова. Подобные обсуждения называются методом мозгового штурма. Когда высказывается много разных мнений, глядишь, промелькнет истина. Вот тут и нужно успеть схватить ее.

Сейчас в его кабинете собрался привычный квартет: Грязнов, Галина Романова, Володя Яковлев и сам Турецкий. Они обсуждали картину прошедших дней. Пытались восстановить ее во всех подробностях.

— Получается, Светлаярова тоже участвовала в той потасовке, — сказал Вячеслав Иванович. — Крутая женщина.

— Она же одна из виновниц происшествия.

— А где в это время была вторая?

— С Козельской он еще раньше поругался. Ей с минуты на минуту нужно было выступать. Значит, должна быть где-то рядом.

— Вернется с гастролей, тогда и узнаем.

— Зачем же ждать? Позвонить можно хоть сейчас, — вызвался Яковлев.

— Угломнитесь, друзья мои, — 'попросил Турецкий. — Раз Козельская не фигурирует в деле, значит, ее рядом в тот момент не было. Она могла сидеть в гримуборной, могла выйти в туалет, в конце концов, могла расплакаться из-за ссоры с Прыжковым и забиться где-нибудь в уголке. Мы должны разобраться с теми, кто был. Вспомним еще раз — Прыжков выбежал с пистолетом. На него набросился Шифман — пытался отобрать оружие. Не удавалось. Тогда на помощь пришел Халатин. Ладно, Прыжков сильный, одному с ним было не справиться. Светлаярова-то зачем в эту кутерьму ввязалась?

— Характер боевой, — предположила Галя Романова.

Вячеслав Иванович, словно очнувшись от раздумий, сказал:

— Я с трудом представляю себе эту картину. А у кого находился пистолет?

— У Прыжкова.

— Это-то ясно. Как он его держал? Внизу, на уровне груди. Или они там по полу катались? Это из следственного материала невозможно понять. Придется опять разговаривать со всеми подозреваемыми.

Александр Борисович повернулся к Яковлеву:

— Володя, узнай, где они.

— Я уже узнал, — скромно ответил тот.

— Далекое пойдешь! — воскликнул Грязнов. —

Предугадывать малейшее желание начальства — первый признак успешной карьеры.

— При чем тут начальство, Вячеслав Иванович? Это же ясно, что с ними нужно поговорить. Стреляли-то из другого пистолета. Я даже удивляюсь, почему Егоров не рассматривал такую версию.

— Давайте не будем обсуждать Егорова, — попросил Турецкий. — Ты лучше скажи, кто где.

— Светлаярова сейчас гастролирует в Сочи.

— Ой, как на море хочется, — мечтательно сказала Галина.

— Правильно, — шутливо поддержал ее Грязнов. — Я тоже считаю, что по телефону такие важные дела не делаются. Все полетим разговаривать со Светлойровой. Двое держат, двое беседуют.

— Дальше, — кивнул Турецкий, когда все отсмеялись.

— Халатин вернулся к своей прежней специальности. Работает в Москве, в компьютерной фирме. Я узнал только его домашний телефон.

— Хватит и этого. Дальше.

Тут Яковлев сделал мхатовскую паузу, приготовив коллег к тому, что сейчас последует сенсационное сообщение. После чего спокойно произнес:

— Шифман переехал на постоянное место жительства в Израиль.

— Как в Израиль?! — Турецкий подскочил на стуле. — Почему Егоров его отпустил?!

— Мы же договорились не обсуждать действия Егорова, — напомнил Вячеслав Иванович.

— Да. Но не до такой же степени. Отпускать главного подозреваемого и свидетеля...

Яковлев заметил:

— Между прочим, Александр Борисович, с Шифманом сейчас поговорить проще всего. Халатина можно застать только вечером, у Светлояровой мобильник отключен. А Шифман постоянно на связи. Я узнал его телефон в ансамбле «Пик надежды», с которым он работал перед отъездом.

— Говори номер. Прямо сейчас и позвоним.

— Саш, ты только сначала поговори по делу, а уж потом выясняй, каким образом он уехал и все в таком роде.

— Ладно, не учи ученого, — проворчал Турецкий, набирая номер. Он включил громкую связь, чтобы разговор слышали все присутствующие. — Здравствуйте. Валерий Яковлевич?.. С вами говорит старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации Александр Борисович Турецкий. Вы сейчас можете разговаривать?

— Вполне.

— Вы дома?

— Нет, как раз я на улице курортного города Нитания, где сейчас живу. Был у приятелей, сейчас иду в сторону центра. Могу сесть на скамейку и разговаривать. Тем более что улица тихая.

— Валерий Яковлевич, мы взяли на дополнительное расследование дело об убийстве певца Игоря Прыжкова. Вы хорошо помните обстоятельства, при которых оно произошло?

— Постольку поскольку. Все-таки пять лет минуло.

— Но кое-что, наверное, помните. Скажите, пожа-

луйста, в момент выстрела в какой позиции находились участники потасовки?

— Понимаю. Я как раз упал и лежал на полу. А раньше, когда Игорь выбежал из гримуборной с пистолетом...

— Как он при этом его держал? На уровне груди, над головой, опустив?

— На уровне груди. Как на дуэли. Он уже целился. Я сразу бросился на Игоря, чтобы помешать ему. Он же человек вздорный, без тормозов. Не дай бог, думаю, сейчас выстрелит. Начал вырывать пистолет, он не давал, и мы оба упали. Лежа Игорь, не знаю, умышленно или случайно, ударил меня ногой в живот. Да так сильно саданул, что я чуть было не задохнулся. Он вскочил, и тут на него набросился Халатин, и Танька Светлаярова подбежала. Слышу, она визжит: «Осторожней! У него пистолет!» И вдруг выстрел. Слышу, кто-то свалился рядом со мной. Смотрю — Прыжков лежит, голова возле моих ног.

— То есть в момент выстрела он находился рядом с вами? — продолжал допытываться Турецкий.

— Ну, конечно.

— А пистолет был у него в руках? То есть выстрел раздался у вас чуть ли не над ухом?

— Вот! — воскликнул Шифман, и слушающие его москвичи представили себе, что при этом он многозначительно поднял палец. — Дело в том, что я рядом с собой никогда не слышал стрельбы. В свое время у меня был сильный туберкулез, поэтому в армию меня не взяли. То есть мне трудно оценить громкость выстрела. Над ухом у меня пистолет или в пятидесяти метрах. Но все же мне показалось, что стреляли не совсем рядом. В небольшом, но отдалении. Такое у меня было впечатление.

— Узнай, где после убийства валялся прыжковский пистолет, — шепотом подсказал Вячеслав Иванович

Турецкому, и тот спросил об этом израильского собеседника.

— Как — где? Рядом и валялся, на полу.

— То есть не было похоже, чтобы кто-то выстрелил и отшвырнул его?

— Нет. Кто сцепился с Игорем, все рядом были.

— Ну что ж, Валерий Яковлевич, вы нам помогли. Скажите, а вот что Прыжков представлял собой как человек: умный, глупый, ограниченный, разносторонний?

— О, он был очень развит. Родители много вложили в его воспитание. Жили они на Кропоткинской, чуть ли не рядом с Кремлем. С шести лет Игоря учили играть то на скрипке, то на пианино. По выходным отец часто водил его в Пушкинский музей или в Третьяковку. По театрам они много ходили, само собой. Игорь был очень начитан. Особенно ему нравился Достоевский. Он любил все эти места в «Подростке», в «Бесах», где Достоевский переживает из-за того, что русская нация обижена, что Россия занимает второстепенное место в истории, не способна к всемирной роли. Хлебом его не корми, а дай поговорить на эту тему. Все изменилось давным-давно, а он все талдычит одно и то же, будто Достоевский это сегодня написал.

— Большое спасибо. Если будут вопросы, мы, с вашего позволения, еще позвоним.

— Бога ради.

— Валерий Яковлевич, а как получилось, что вы уехали в Израиль на ПМЖ?

— А меня никто и не держал. Документы на выезд я подал давно, во всяком случае, до убийства Игоря. Подписку о невыезде у меня не брали. Что ж не уехать-то?

— Оно, конечно, так, — хмыкнул Турецкий. — И еще вопрос. Девушку из Перми, Наталью Козельскую, на концерт кто-нибудь из знакомых сопровождал?

— Да был у нее такой хахаль — Андрей. Он, соб-

ственно говоря, меня с ней и познакомил, в Перми. Вот с ней и в Москву приехал.

— И на том концерте был?

— Был. Я прекрасно помню.

— А фамилию его помните?

— Нет, совершенно не помню.

— Но знали?

— Конечно. Наталья же ему пропуск через меня заказывала как своему режиссеру.

Глава 38

СЕНТЯБРЬ 2004-ГО

Обсуждая замашки и характер закоренелого преступника, про него нередко говорят «в семье не без урода». Мол, вырос и воспитывался человек в приличной семье, а превратился в бандита. Про Сергея Дергачева такое не скажешь. Скорее, к нему относится не менее популярное «яблочко хт яблони недалеко падает». Если выразиться более изысканно, приходится утверждать, что его преступные замашки предопределены генетически. Он из тех, по кому тюрьма, что называется, с пеленок плачет.

Его отец совсем молодым человеком — еще двадцати не исполнилось, а об отцовстве и речи тогда не шло, холостым парнем был Тимофей — попал за воровство на три года в тюрьму. Там этот юноша без определенных занятий получил профессию слесаря-инструментальщика. Вот уж действительно — пустили козла в огород. Обретенным профессиональным навыкам Дергачев нашел применение в воровском деле, став специалистом по взлому сейфов — медвежатником.

Азы мастерства Тимофей начал постигать теоретически под руководством опытного медвежатника, си-

девшего с ним в одной колонии. Тот проникся к Дергачеву симпатией, видимо, почувствовал родственную душу. Устройство сейфов учитель объяснял ему в промзоне — той части колонии, где находится производство, на котором работают заключенные. Взглянуть на металлический ящик можно было лишь в кабинетах у мастеров. А первый экзамен Тимофеем сдавал в крупном пермском гастрономе. Он и его наставник освободились приблизительно в одно время. Однажды они изрядно напоили магазинного грузчика, и тот выболтал, что у Директрисы в кабинете должны храниться немалые ценности — дама продавала дефицитные товары направо и налево, имея с этого хорошие барыши.

Тимофеем оказался на редкость способным учеником — он не допустил ни единой ошибки. Добыча оказалась весьма солидной. Парень получил от руководителя операции половину «заработка», львиную долю суммы сразу отдал в общак.

После этого он взломал еще несколько сейфов. Отсидел же всего за один, да и то с поличным его не брали — сдали сообщники. Ошибся Тимофеем в людях, с которыми работал. Ведь медвежатники обычно выходят «на дело» с группой. Одни стоят «на атаке», рассредоточившись вокруг здания. Другой обезвреживает сигнализацию. Есть и подручный на подхвате. Видать, в ком-то из них ошибся.

После отсидки Тимофеем Дергачев по милости чиновников лишился жилья. Пока он сидел, его фиктивно женили, а потом от имени лжесупруги квартиру продали. Тимофеем приходил к тому чиновнику, начальнику РЭУ, который в махинации участвовал, просил вернуть памятные для него вещи. Тот только посмеялся над ним.

Братва Дергачева в беде не оставила. Чиновника наказали по законам преступного мира — забрали у него дорогую машину. Хотели выделить Тимофею обшачковскую квартиру, да тот женился, и проблема

жилья отпала. Потом он выучился на автослесаря и с тех пор дышал вольным воздухом, с прошлым завязал. Иной раз обращались к нему с просьбой помочь проверить на безопасность какой-нибудь банк. Делалось это просто. Клади в ячейку крупную сумму. Если медвежатник ее вытаскивал, то оставлял ее себе. Но с условием, что расскажет банкирам, как ему это удалось. Тогда они принимали меры безопасности. Тимофей не соглашался на эти предложения. Рассуждал так: если выдам секреты ремесла, то кого-нибудь лишу возможности заработать.

У Сергея, которому понадобились деньги, сейчас была одна надежда, что отец тряхнет стариной. Тимофей Иванович хоть и завязал, а все равно следил за новинками, хобби у него такое. Вот появились сейфы с электронным замком. Он уже выяснил, как снимается панель, как оголяются провода, как считывается шифр. Хочется ему быть в курсе дела. Переносных сейфов, например, в глаза не видел. А такие нынче за границей расплодились. Тимофей Иванович слышал по радио историю про то, как в конце восьмидесятых годов коллектив российских музыкантов впервые попал в Америку. Артистов разместили в пятизвездочном отеле, и они первым делом решили с дороги перекусить. Видят — микроволновая печка. Положили на тарелку бутерброды, сунули туда и закрыли. Подождали три-четыре минуты, а микроволновка — молчок. Решили посмотреть, не испорчена ли она. Пытаются открыть дверцу — не тут-то было. Тогда до них дошло, что они перепутали микроволновку с сейфом.

Пришлось вызывать кого-то из обслуживающего персонала, а тот, видя такое дело, призвал на помощь настоящего взломщика. Только он и мог справиться. Вскрыв сейф, медвежатник обнаружил внутри тарелку с бутербродами... Тимофей Иванович представлял себя на его месте — картина.

Сергей сначала подумывал перехитрить отца. Хотел попросить денег на новую коляску. Якобы существуют классные немецкие коляски с десятками таких функций, какие нашим и не снились. Будто бы у них есть специальные упоры, благодаря которым он мог бы сам выезжать на улицу. Дергачевы живут на первом этаже, но от лестничной площадки до двери подъезда ведут пять ступенек. Поэтому спуститься или подняться без посторонней помощи ему невозможно, да еще и не каждый может справиться с такой тяжестью. А у немецкой коляски выдвигаются специальные шарниры, ими легко управлять, тогда бы он сам мог передвигаться, не утруждая родителей лишними просьбами.

Потом Сергей плюнул на эту выдумку. Ну, раздобудет отец деньги. А что потом? Признаться, что про коляску выдумал. Деньги же ему нужны, чтобы нанять киллера. Да за что Сергей заставил его рисковать, отец убьет его без всякого киллера. Нет уж, нужно сказать правду. Только нужно выбрать момент, когда отец будет в благодушном настроении. Вообще-то такое случается редко. Но тут пермский «Амкар», как по заказу, выиграл в первенстве страны матч у футболистов московского «Торпедо». Тимофей Иванович сиял от радости. Предложил по этому случаю тяпнуть водочки. О таком удачном стечении обстоятельств можно только мечтать.

— Пап, ребята сказали, что им удалось узнать, по чьей вине меня избili.

Дергачев-старший с недоверием покосился на сына. От его хорошего настроения мигом следа не осталось:

— Ну и по чьей?

— Да есть один, Серебров его фамилия.

— С какой стати он на тебя набросился? Только не вздумай говорить, что не знаешь. Чем ты ему насолил?

— Я его знать не знал. Случайно зимой мы у него

отобрали деньги. Он сопротивлялся, подрались, и у него шапка слетела. Из-за этого он горло застудил.

— Чушь какую-то ты городишь. При чем тут горло?

— При том, что он певец. А когда простудился, у него что-то плохое с голосом произошло. Короче говоря, не может петь, как раньше. Вот он на меня злобу и затаил.

— Понятно. Что дальше?

— Ну, чего? — пробормотал Сергей, удивляясь непонятливости отца. — Убрать его хочю.

Тимофей Иванович налил себе стопку водки, сыну больше не предложил. Выпив и закусив стрелкой зеленого лука, спросил:

— Больше ничего не хочешь?

— А что — неправильно? Он меня сделал инвалидом, и это должно сойти ему с рук?! Тебе все по барабану!

— Ни тебе, ни мне от этого не будет легче. Поэтому... — Отец, не договорив, досадливо махнул рукой.

— Ишь какой добрый выискался! — саркастически усмехнулся Сергей. — Можно подумать, что ты никому в жизни не насолил. Не потрошил сейфы.

— Я никого не убивал и других на это не науськивал. Мне один карманник излагал свою философию: «Кошелек я при желании верну, а жизнь вернуть не смогу — не Господь Бог». Так и я. Сейфы чистил, было дело. Но ведь не последнее забирал. — Прищурившись, Тимофей Иванович с подозрением взглянул на сына. — А почему ты об этом заговорил? Хочешь, чтобы я за старое взялся? Достал тебе денег на оплату наемного убийцы? — Сергей понуро молчал, и после паузы отец закончил: — Заруби себе на носу, сын: не бывать этому.

Встал и вышел из комнаты.

На следующий день Сергей рассказал позвонившему ему Генычу про этот разговор.

— Заартачился, значит, Тимофей Иванович, —

констатировал Геныч. — И правильно сделал. Зачем тебе его подставлять?

— Будто сам не понимаешь.

— Хочешь сказать, деньги нужны. Есть ведь и другие способы добыть их.

— Что ты имеешь в виду?

— Спонсора нужно найти.

— Вот спасибо, что сказал, — насмешливо поблагодарил Сергей. — А то совсем из головы вылетело. Надо будет поговорить с Чубайсом или Абрамовичем, пускай раскошелятся.

— Лучше ты с Катькой моей поговори.

— Она-то тут при чем? — удивился Дергач.

— При том, что она тебе нашла спонсора.

Глава 39

НОЯБРЬ 1999-го

Чем меньше времени оставалось до концерта, тем более испуганной чувствовала себя Наташа. Ее волновало не выступление. Она страшилась предстоящей встречи с Прыжковым, которая обязательно состоится. Помимо всего прочего, ей не хотелось, чтобы при этом присутствовал Андрей. Однако он почти неотступно следует за ней, значит, и во Дворце торжеств будет рядом. Как прореагирует на его присутствие Прыжков? Возможно, у него были уважительные причины для четырехмесячного молчания, и теперь он посчитает Наташу коварной обманщицей, не способной на сильные чувства. А со вспыльчивостью Игоря за короткое время их знакомства она успела хорошо познакомиться. Андрею не позавидуешь, да и ей тоже.

Все же она решила пустить дело на самотек, обойтись без всяких уловок. Как пройдет их встреча, так и

пройдет. В конце концов, она перед Игорем ни в чем не виновата.

Получилось именно так, как она представляла. Уже переодевшись в концертное платье, Наташа вместе с Андреем прохаживалась по хорошо освещенному коридору второго этажа, куда выходили двери всех артистических комнат. Ей было интересно и странно видеть вокруг столько знакомых, благодаря телевидению, лиц. Неужели она будет выступать вместе с ними? Прямо не верится. В гримерной Наташа перекинулась несколькими словами с Татьяной Светлойровой. Сначала та держалась несколько высокомерно, но после того как Наташа отпустила комплименты по поводу ее пения, оттаяла.

В это время на лестнице появился Прыжков. Без шапки, в подбитом дорогим мехом кожаном пальто с воротником из нерпы, он поднимался в сопровождении своих музыкантов. Те шествовали, словно свита за королем. Он не сразу заметил Наташу, а увидев, смутился. Удивление, которое ясно читалось на его лице, на какое-то мгновение сменилось испугом, затем дежурной улыбкой.

— Привет! — с деланным радушием сказал он. — Какими судьбами в наши Палестины?

— Да вот, выступаю сегодня.

— В этом концерте?

— Да, а что тут удивительного? Или недостойна?

— Наоборот — давно пора. Я всегда это говорил.

Наташа торопливо познакомила певца с Андреем, представив как своего режиссера. Игорь отрешенно протянул ему руку. Чувствовалось, его что-то беспокоит. Прыжков не стал долго задерживаться в коридоре. Кивнул:

— Еще увидимся. Пойду переодеваться.— И, сопровождаемый Шифманом, ушел в гримуборную. Там, едва закрылась дверь, певец накинулся на него:

— Что тут забыла эта пермячка-соленые уши?

— Она выступает.

— Это ты ее пригласил?

— Конечно.

— А кто тебя просил? Что она поет?

— Она выходит с одной песней — «Серебряный полет».

— Ты с ума сошел! — завопил Прыжков. — Я и только я выступаю сегодня с «Серебряным полетом». Пускай поет что-нибудь другое.

Некоторое время Валерий Яковлевич растерянно хлопал глазами. Придя в себя, он сказал:

— Игорь, по-моему, это ты, а не я сошел с ума. С каких пор в твоём репертуаре появился «Серебряный полет»? Ты что-то путаешь.

— Представь себе, появился. И не тебе диктовать мой репертуар. Я на чесе проверил — идет на ура, зал балдеет. Будет хит из хитов. Просто конфетка.

— Откуда ты знаешь эту песню, я понимаю, — смиренно сказал Шифман. — Но ты договаривался с Козельской об исполнении? Она все-таки автор.

— Да какое ее собачье дело, — произнес Прыжков, снимая пальто. — Договаривался, не договаривался. Пою — и все. Пусть радуется.

Продюсер попытался его урезонить:

— Послушай, Игорь, нам такой черный пиар не нужен. Ты берешь песню без разрешения автора. Ты что — даже фамилию ее не объявишь?

— Почему не объявлю?! Конечно, назову автора. Только петь буду я. Иди и скажи ей об этом. Пусть поет что-нибудь другое.

— Козельская подготовила одну песню и три дня ее репетировала, с оркестром. Не может она петь другую.

— Чихать мне на твою сюси-пуси! Пусть вообще не выступает.

— Ты меня режешь без ножа! — застонал Валерий Яковлевич. — Мне ведь тоже нужно щегольнуть новь-

ем. Я нашел штучный товар. Раздобыл такую певицу: выразительную, сексуальную, эксклюзивную...

— Короче говоря, — перебил его Прыжков, — если она вылезет с этим «Серебряным полетом», то я выступать не буду. Думай, выбирай.

Раскрасневшийся и вспотевший продюсер покорно вышел из артистической. В глубине души все кипело, он был готов растерзать этого Прыжкова. За время сотрудничества, то есть за два года, тот ему истрепал все нервы. Только привыкнет к одним его капризам, как появляются другие. Не случайно все коллеги его терпеть не могут. Есть какие-то группировки, кто-то с кем-то дружит. А этот хмырь всегда один, вокруг него пустыня. Да и кому нужен человек с таким говнистым характером! Скорей бы расплеваться с ним и уехать вообще отсюда. Пока же он вынужден улаживать дела этого вздорного самодура.

— Наташенька, можно вас на минутку? — позвал он стоявшую рядом с Андреем Козельскую и, когда та приблизилась к нему, трагическим тоном зашептал: — Наташенька, как это часто бывает, сегодня произошла очередная накладка. Оказывается, Игорь хотел подготовить вам приятный сюрприз и разучил вашу восхитительную песню «Серебряный полет». Как раз сегодня он собирается ее исполнить. Сами понимаете, дважды петь одну и ту же песню нельзя. Не тот случай...

— Что же теперь делать? — пролепетала Наташа, чувствуя, что вот-вот разревется.

— Ничего. Держать себя в руках, не преувеличивать масштабы трагедии. Вы делаете первые шаги в шоу-бизнесе и должны знать, что подобные накладки тут в порядке вещей. Не одно, так другое. Не понос, так золотуха. Ну, раз так получилось!.. — Валерий Яковлевич беспомощно развел руками, на его лице появилась привычная обезоруживающая улыбка. — Все-таки, как ни крути, у Игоря есть определенное имя. Если он откажется выступать, разразится страшный

скандал, который отразится и на мне, и на вас. Прыжкову он тоже навредит, но ведь этот психопат не думает о последствиях. А нам с вами подумать нужно. Игорь настолько злопамятный человек, что не успокоится, пока не угробит вас как артистку. Поэтому мой вам совет — не связывайтесь с ним, уступите. И обратно — по-своему, он даже бывает благодарным. Потом он устроит десять ваших выступлений, будет всячески рекламировать ваши песни. То есть в дальнейшем нынешний отказ может оказаться гораздо полезней выступления...

— Хорошо, Валерий Яковлевич, — кротко кивнула Наташа. — Я выступать не буду.

Шифман видел, как она отбежала в сторону и уткнулась в грудь поджидавшего ее Андрея. Спина девушки сотрясалась от рыданий.

Посчитав это дело улаженным, продюсер вновь отправился к Прыжкову. Сейчас он скажет, что Наташа отказалась выступать, и тот успокоится. Тогда можно сообщить о главной неприятной новости. Совпадение песен было случайным, этот конфликт явился для Шифмана непредвиденной нагрузкой. А вот то обстоятельство, что Игорю придется выступать перед Светлояровой, предпоследним номером, непрерывно беспокоило его со вчерашнего дня, с того момента, как сам узнал об этом. Представлял, как Игорь взбеленится. Однако Сандомирский в последний момент настоял — что тут можно поделаться. Неужели Танькин продюсер, Костя Халатин, хорошо его забашлял? Костя и ему, Шифману, предлагал деньги в качестве отступного. Но он, разумеется, не взял. Тот момент могли запросто снимать на видеокамеру, Танька уже пару раз на таком деле попадалась. Не хватало еще, чтобы Игорю говорили, будто его продюсера подкупили, и он согласился пропустить Светлоярову последней. Нет уж, по крайней мере в этом он будет чист.

Часть пятая

АВАНС ЗА УБИЙСТВО

Глава 40

СЕНТЯБРЬ 2004-го

Менеджер скромной туристической фирмы «Топ-топ» Эдуард Саблин с унынием думал о перспективах своей работы. Желających ездить за границу становится меньше. Взорвались электрички в Испании, участились теракты в Израиле. А это — его направления. Хозяин «Топ-топа» понимает, что виной всему являются объективные причины, не обвиняет ни в чем Саблина. Он и сам старался выправить положение. Предложил опять тиснуть рекламу в газетах, которую в последний раз давали в начале лета. Теперь, когда сезон катится к финишу, особенно важно напомнить людям о своем существовании.

— Предварительно проверь, у кого тиражи побольше, — посоветовал хозяин, — туда и дадим.

Пошарил Эдуард по Интернету, выписал названия, тиражи. Вдруг в одном месте наткнулся на новый городской бюллетень, в выходных данных указано: «Директор С. Ледовских». Это же наверняка Стаська. Саб-

лин слышал, что тот давно завязал с музыкой и занялся распространением, торгует газетами и журналами. А оттуда до издательской деятельности один шаг. Видимо, подумал: почему он должен толкать чужие газеты, когда выгоднее свою печатать?

Хорошо бы пропустить их рекламу через Стасика, все-таки не чужой человек. Эдуард и живет с ним рядом, и в одной школе они учились, правда, в разных классах, они и выпивали вместе. С таким легче найти общий язык, и сотрудничество их может оказаться взаимовыгодным.

По телефону Станислав врубился не сразу, а узнав Эдуарда, разговаривал доброжелательно, назначил время для встречи. И вот Саблин заходит в кабинет, обставленный дорогой офисной мебелью. Судя по интерьеру, дела у Ледовских в полном порядке.

Сначала поговорили о том о сем, вспомнили школу, общих знакомых. Эдуард рассказал о трудностях своего агентства, о том, что собираются дать рекламу.

— Очень хорошо, — одобрил Станислав. — Наши сотрудники получают за привлечение рекламы десять процентов. И тебе отстегну столько же.

— Десять процентов, — разочарованно протянул Саблин. — Я надеялся на больше.

— Интересно, на сколько?

— На сто.

— Хороший аппетит, — кивнул издатель.

— Нет, я понимаю, так дела не делаются. Я хотел предложить, чтобы ты нашу рекламу напечатал бесплатно. А деньги, которые заплатит агентство, отдал мне.

— Ясный перец. По старой дружбе?

— Опять же не совсем так. Я надеюсь, оказать тебе услугу.

Ледовских начал терять терпение от этого вымогательства. Он сказал:

— Самую большую услугу ты окажешь мне, если сейчас уйдешь и больше не будешь здесь появляться.

— Какой ты все-таки нетерпеливый, — вздохнул Эдуард. — Гонишь меня прочь, не дослушав до конца. Не узнав, чем я могу быть полезен.

— Ну, чем?

— Вот это другой разговор. — Саблин поудобнее устроился в кресле, закурил, после чего спросил: — Скажи, пожалуйста, ты хочешь знать, кто раскурочил тогда твою студию?

— Конечно.

— Могу сказать.

— Хм. — Теперь уже и Станислав закурил, пытаюсь унять свои нервы. — Откуда ты это знаешь?

— Какая разница?

— Да есть. Вдруг я пожелаю устроить этим людям веселую жизнь, а потом выяснится, что ты все выдумал.

— Зачем же мне выдумывать?

— Чтобы деньги получить.

Саблин почувствовал, что деньги уплывают из рук. Действительно, твердых доказательств у него нет. Ни фотографий, ни других свидетелей.

— Ты когда узнал об этом?

— В ту же ночь. Случайно увидел. Сотворил это один человек. Причем ты его прекрасно знаешь.

— Почему же ты молчал так долго?!

— Эдуард, потупился.

— Если бы ты сказал сразу, я бы тебе доверял. А так? Пять лет ты это скрывал, а теперь хочешь продать на кого-то компромат. Сам подумай, зачем я стану покупать кота в мешке?

— Ладно, Стасик, — сказал после томительной паузы Саблин. — Ничего я с тебя брать не стану. Просто скажу. А уж когда ты разберешься и убедишься в моей правоте, тогда окажешь мне материальную помощь.

— Деньги у меня есть, не пожалею.

— В том, что сделал именно этот человек, я даю тебе стопроцентную гарантию. Ты же знаешь, я живу в том доме, где была твоя студия...

Раньше там помещалась обувная мастерская. Это был подвал, куда вела дверь в торце дома. В один прекрасный день мастерская закрылась, и примерно с месяц помещение пустовало, хотя вывеска еще оставалась на месте. А потом и ее сняли — когда в подвал въехала студия звукозаписи. Жильцы дома узнавали обо всем быстро: и что мастерская закрылась, и что студия оборудована. Подробности о ней первым услышал Эдик, который однажды повстречал возле дома Стасика Ледовских. Тот сразу расхвастался, повел его в студию, все показал. Саблину это было не очень интересно. Выслушал для приличия да и забыл.

Прошло несколько дней. Однажды Эдик возвращался на ночь глядя после пьянки с друзьями. Ему не хотелось сразу идти домой. Если мать заметит, что он выпил, заведет бесконечную нотацию, поспать толком не даст. Решив проветриться, Эдик уселся на скамейку возле дома. Там тесно росли подковкой несколько низеньких деревьев, в этом полукруге стояла скамейка. Если сидишь на ней, тебя никто из прохожих не видит.

Стояла безветренная июльская ночь. Хмель у Саблина почти прошел, но он продолжал сидеть, наслаждаясь тишиной и покоем. Неожиданно до него донеслись странные звуки. Он не сразу сообразил, откуда раздаются редкие громкие щелчки. Прислушавшись, понял — из подвала. Странно, неужели там сейчас кто-то работает? Звуки были весьма далеки от музыкальных. Скорее это был грохот какой-то, но такого сумбурного даже в хард-роке не существует.

Эдик решил подойти поближе, разобраться, что там происходит. Он сделал несколько шагов по направлению к входу. Тут дверь приоткрылась, и оттуда выскользнул человек. Там было темно, и Саблин не

мог разобрать его лица. Но когда тот пошел в сторону автобусной остановки, то очутился в месте, освещенном фонарем, и Эдик хорошо рассмотрел его.

Он познакомился с этим парнем 8 марта на вечеринке дома у Наташи Козельской, куда его случайно затащил Стасик Ледовских, который тогда ухлестывал за ее подругой. А у Эдика были шуры-муры с сестрой подруги, так все и получилось. Было еще много народу, но ему запомнился только этот Андрей, потому что они поцапались. Саблин, когда выпил лишнего, начал горланить песни. Андрей над ним смеялся, обозвал его голос козлетоном. «Ты и так-то небось петь не умеешь», — огрызнулся Эдик. У того был сиплый голос. При этих словах Андрей рассвирепел, готов был наброситься на него с кулаками. Насилу их растащили, благодаря девушкам удалось разрядить обстановку.

Вот этого парня Саблин и увидел выходящим ночью из студии. А на следующий день весь дом уже знал, что там произошел жуткий разгром.

— Серебров его фамилия, — сказал Станислав. — Между прочим, это единственный человек, которого я подозревал. Только у меня доказательств не было. Спасибо тебе. И рекламу мы опубликуем на твоих условиях.

Глава 41

ИЮЛЬ 2000-го

После неудавшегося московского дебюта Наташа вернулась в Пермь в невменяемом состоянии. Одна только наглая выходка Прыжкова с исполнением ее песни могла надолго выбить из колеи. Ведь он просто украл у нее «Серебряный полет»! А тут еще его неожиданное убийство. Нет, нужно уйти подальше от этого страшного мира, в котором все измеряется день-

гами; в котором, как говорил один знакомый, всегда соблюдается закон — чем хуже голос у певицы, тем меньше на ней должно быть одежды.

Она была обычным ребенком, правда, с невероятной тягой к исполнению хитов Аллы Борисовны. Одно время девочка надевала на себя балахон, отдаленно напоминавший знаменитое платье Пугачевой, и истязала гостей, которые умилялись и хлопали. Позже, в училище, ее кумиром стал Стиви Уандер, Наташа пыталась найти оптимальное сочетание между модой и истинной популярностью. Теперь она начисто отвергла эстраду, полностью сконцентрировавшись на опере. Ивана Ивановича такое решение ученицы очень обрадовало.

Преподаватель был ярким сторонником классической музыки. За все время ее ученичества у него с Наташей была всего лишь одна творческая размолвка. Это произошло, когда девушка согласилась спеть на концерте-митинге какой-то демократической партии.

С самого начала Кизиллов отнесся к такой затее скептически. Его нравственная позиция лишена малейшего консерватизма. Он стоял горой за обновление общества и с удовольствием поддержал бы вменяемую оппозиционную политическую силу. Однако на поверхность вылезло огромное количество прохиндеев, которые, отталкивая друг друга, без смущения норвили старательно лизнуть задницу кремлевскому руководству. Это очень неприятно. А уж когда Иван Иванович побывал на том концерте, то пришел в ужас. У большинства молодежных групп сквозил незатейливый протест: дайте нам денег, атрибуты красивой жизни и побольше сексуальных утех. Тогда мы успокоимся. «Какого хрена эта клевая тачка не моя? Почему эта офигительная девица спит не со мной, а с тем жирным бурдюком? Почему я такой крутой, замечательный и талантливый, а денег у меня кот наплакал?» Серьезного политического протеста не было.

Не всем выговаривал тогда Кизилев — только любимым, наиболее талантливым ученикам за участие в той постыдной акции. Наташа оправдывалась, говорила, что не агитировала за конкретных кандидатов, а просто просила молодых людей проявить активность, прийти на выборы.

— На моем месте любой согласился бы, — объясняла она Ивану Ивановичу. — Позвонили, сказали, что выступление на площади, с отличной аппаратурой, в компании хороших групп. Обещали помочь раскрутиться.

— Нет, Наташа. Твое выступление носило характер откровенной агитки, — настаивал Кизилев. — Отсюда один шаг до специальных заказчиков для олигархов. Будешь зажигать людей на свадьбе у алюминиевого короля. Я разговаривал со многими зрителями. Почти все уверены, что выступавшим заплатили, поэтому они и согласились на такой позор.

Когда вскоре после того случая Наташу пригласили участвовать в фестивале «Старый новый рок», она отказалась. А теперь с ужасом думала, как она вообще соглашалась выступать в эстрадных концертах с их закулисной грязью. Отныне будет заниматься только оперой и ничем иным.

Летом следующего года она отправилась поступать в московскую консерваторию.

Отъезд Наташи привел Андрея в уныние. Он не представлял жизни без нее, настоятельно предлагал жениться. Она отказывалась, считала, что это рано. Если поступит, ей придется жить в Москве. Будет семья — нужно снимать квартиру, это дорого, больших денег им не наскрести. Чем будет Андрей там заниматься, где устроится на работу? В Перми и газета дает какие-никакие деньги, и уроки есть. Его здесь хорошо знают. А как он, не имея прочных знакомств, будет заниматься репетиторством в Москве при таковой конкуренции?..

— Ты меня не дожدهшься, — уныло мямлил Андрей в ответ.

— Почему ты так думаешь, глупыш?

— Чувствую.

Наташа откинула одеяло и сладко потянулась. Потом набросилась на него с поцелуями:

— А я не чувствую! Зачем ты паникуешь? Ведь все так быстро меняется...

— В худшую сторону, — сказал он по-прежнему печально.

— Не обязательно. Иногда и в лучшую. Вдруг нам повезет, я найду для тебя работу, и ты приедешь. И потом — еще не факт, что я поступлю. Может, я вернусь через месяц.

Это была их последняя совместная ночь перед отъездом, вернее, вечер — когда родители в городе, она не оставалась у Андрея, всегда ночевала дома.

Семья тщательно готовила Наташу к отъезду. Все были на сто процентов уверены в том, что она поступит. Значит, уезжает надолго, нужно многое предусмотреть, чтобы побыстрее могла обустроить в столице свой быт. Делались бесконечные покупки, а когда, казалось, все предусмотрено, вспоминались упущения. Значит, опять нужно бежать по магазинам... У семейства Козельских было напряженное время.

Уезжала Наташа поездом. Помимо родственников на вокзал пришли школьные подруги, однокашники из музыкального училища. Одним из первых явился Иван Иванович — он всегда благословляет своих учеников в дорогу.

Обряд прощального целования проходил в соответствии с неписаной иерархией: сначала подруги, затем друзья, педагог, родственники. К вагону подвел ее Андрей, улыбнулся:

— Ну что, может, открыть тебе на прощание одну страшную тайну? — И тут же покачал головой: — Нет, пожалуй, рано.

— Да уж. Вдруг я тогда не засну.

Наташа тоже могла открыть ему одну тайну и тоже не стала — она была беременна.

Глава 42

СЕНТЯБРЬ 2004-го

Пермь казалась Дергачу очень большим городом. Он был уверен, что рассчитывать здесь на случайную встречу с нужным человеком невозможно, хотя это его убеждение неоднократно опровергалось на практике. Но порой случаются такие замысловатые знакомства, что действительно поверить в их реальность трудно. На первый взгляд, ничего сверхъестественного тут нет, а когда станешь задумываться о его ничтожной вероятности, только диву даешься. Остается разводить руками и приговаривать: вот уж повезло так повезло.

Катька Силуянова, сестра Геныча, не обращала на Сергея особого внимания. Между ними пять лет разницы, она школьница, он взрослый, к тому же внешне ничего особенного собой не представляет: вихрастый блондин с крупными чертами лица. Катьке нравились более утонченные мужчины, и попадаются они не только в кино. Сейчас у нее было много таких знакомых. Сама она высокая, крупная, грудастая, так и пышет здоровьем. От мужиков у нее отбоя нет. Если бы Сергей был здоров, она бы о нем и думать забыла. Поскольку же товарищ брата сидит в инвалидной коляске, а она этому мужчине очень симпатична, то иногда навещала его вместе с Генычем. Приготовит что-нибудь вкусное, посидите ними за столом, послушает их разговоры, кое-что в голове застрянет. Запомнила, в частности, что избиение Дергача организовал некто Андрей Серебров, бывший студент Института культуры. Сергей бы рад его разыскать, чтобы ото-

мстить, да тот сейчас далеко, в Москве. Можно найти людей, которые проучат его, только тем платить нужно, причем немало. У Дергача таких денег нет.

Специально Катька этой проблемой не занималась. У нее нынче и других с лихвой хватает. В этом году она заканчивала институт, вернее, университет, как он сейчас называется. Педагогический университет. Распределения нет, нужно подыскивать работу по специальности. Она — будущий преподаватель истории в средней школе. Это — по диплому. На самом деле она специалист широкого профиля, способна заниматься многими работами, связанными с архивами, книгами, журналами. Сейчас все девчонки и ребята с их курса интересуются, где есть возможность устроиться, обмениваются новостями. Катька тоже спрашивает всех подряд. Поговорила и с приятельницей Настей, которая окончила Институт культуры. Та сказала, что сейчас работает в фирме по распространению газет и журналов, они же стали сами издавать какие-то еженедельные сборники кроссвордов и сканвордов. Дело оказалось прибыльным, будут расширяться, выпускать новые. Пусть Катька сходит и поговорит с их директором.

— Справлюсь ли я с вашей работой?

— Господи! — с актерским пафосом воскликнула Настя. — О чем ты говоришь?! Ведь все сканворды рассчитаны на полных дебилов. Разве нормальный человек станет разгадывать такую чушь собачью! Их даже составляют на компьютере, поэтому одни и те же слова кочуют. С такой работой справится любой придурок. Главное — чтобы в определении было не больше двадцати семи букв, больше в клеточку не помещается, и все. Остальное никого не колышет.

— А что собой представляет директор?

— Ничего особенного. Молодой парень, неженатый. Запиши телефон. Зовут его Станислав Львович Ледовских.

Катя позвонила этому директору, тот назначил ей время, когда можно прийти.

Перед визитом Катя и в парикмахерской побывала, и у маникюрши. Костюм подобрала такой, что закачаешься — итальянский, темно-серый с вишневыми разводами.

Станислав Львович был с ней предельно любезен. При ее появлении встал, и, поздоровавшись за руку, усадил в кресло. Сел на стуле рядом, расспрашивал о ее учебе. У него была очень располагающая улыбка.

Они поговорили несколько минут, когда Станислав Львович, глядя на нее своими масляными глазами, сокрушенно вздохнул:

— Вы знаете, Катя, я перед вами очень виноват. Сам назначил встречу на это время и сам же вынужден сейчас уезжать. Такая собачья работа — срочно вызвали в городскую администрацию. Неудобно получается, причинил вам беспокойство. Если вы не против, я, когда освобожусь, позвоню вам, заеду, и мы где-нибудь посидим. Я подробнее расскажу о специфике будущей работы, возможно, она вас заинтересует. Все равно здесь толком разговаривать невозможно, каждую минуту будут отрывать.

Катя была не столь наивна, как можно подумать по ее простодушному виду, ей не раз приходилось сталкиваться с маленькими мужскими хитростями. Покинув офис, она зашла за угол ближайшего жилого дома и оттуда поглядывала на подъезд фирмы, перед которым в два ряда выстроились машины. Простояла так пятнадцать минут — Ледовских не выходил. За это время сто раз можно было рассказать о специфике работы. Значит, ни в какую администрацию он не поехал, а хочет просто встретиться с ней вечером. Очень хорошо. У нее тоже есть интерес — сейчас приличную работу найти трудно.

Станислав Львович позвонил около восьми часов и через три минуты заехал за ней.

— Поздно освободился, — сказал он, когда Катя села в машину. — Не успел даже заехать домой, деньги взять. Давайте подъедем ко мне. Я переоденусь, оставлю машину, и посидим в каком-нибудь ресторанчике рядом. А то ведь за рулем мне и пить нельзя.

«Потом скажет, что поесть можно у него, без всяких официантов», — подумала Катя.

У Ледовских была хорошая двухкомнатная квартира с хорошо обставленной кухней. Здесь имелось все, о чем только может мечтать современная хозяйка: комбайн, тостер, сушка, миксер, посуда с тефлоновым покрытием.

— Собственно говоря, почему мы не можем посидеть здесь? — спросил он. — У меня столько еды и питья, я обслуживаю вас лучше всякого официанта.

«Как же такой дурак может руководить крупной фирмой?! — подумала Катя. — Она же давно должна прогореть».

У Станислава Львовича помимо большого количества еды оказались и водка, и шампанское. Причем он пил вино, а Катя, которая терпеть не могла шампанское, пригубила водочку.

В какой-то момент Катя сделала вид, что боится капнуть майонезом на свой костюм. К тому времени они были хорошо разогреты, и Станислав Львович игриво предложил ей снять блузку, потом брюки, помог ей это сделать, после чего быстро разделся сам.

Нельзя сказать, что у Кати получилось настоящее приключение. То ли Станислав много выпил, то ли переволновался, но он оказался не в лучшей форме. Кате пришлось пустить в ход все свое умение, чтобы возбудить его. Конечно, она потом страстно шепнула, что ей с ним было на редкость хорошо, и Ледовских поверил, успокоился. Вернувшись из ванной, она юркнула к нему под бочок, игриво потерлась головой о его безволосую грудь.

— От кого ты узнала про нашу фирму? — спросил он.

— Настя Истомина сказала, моя подружка.

— Вы с ней учились в институте?

— Нет. Я педагогический кончала, а она — Институт культуры.

— Даже не говори при мне этих слов, — поморщился Станислав. — У меня с их институтом давние счеты. Один тамошний студент причинил мне много зла. Некто Андрей Серебров.

Катя оседлала директорский живот и, нагнув голову, пристально посмотрела в глаза:

— Я слышала про такого. Что он тебе сделал?

— У меня была студия звукозаписи. Он устроил в ней погром. Я такие большие деньги потерял!

— Надеюсь, ты ему отомстил?

— Не-а. Я узнал об этом только недавно, а его уже и след простыл. Даже не знаю, где он теперь живет.

— В Москве, — сказала Катя.

Глава 43

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ШАРГОРОДСКОГО

— Ну и что мы имеем с гуся? — Сняв очки, Александр Борисович потер переносицу. — опередили они нас — будь здоров. Почему телефон не сразу поставили на «прослушку»?

— Благодаря тому, что лейтенант действовал строго по закону, — объяснил Яковлев. — Обратился в суд за разрешением на оперативную работу. Они же, не осознав всей важности момента, долго тянули.

Турецкий встал и раздраженно зашагал по кабинету. Челноком — три шага в одну сторону, три в другую. Сидящие по ту сторону стола Галина и Володя смотрели на него.

Свое недовольство он выразил скорее для проформы. Очевидно, все деловые разговоры Дергача со знакомыми велись давно, во всяком случае, еще до убийства Репиной. Поэтому сейчас милиционерам оставалось только наблюдать за последствиями, довольствоваться эхом прошедших переговоров. Спасибо, удалось понять, что Сереброва будет искать кто-то из находящихся в Москве людей, которые получили под это дело аванс. Звонивший Дергачу человек сказал, что все нормально. Сергей просил действовать побыстрее. Дословно самая важная фраза из короткого разговора звучала так: «Слупили с меня серьезный задаток, значит, нужно пошевеливаться». Сумма задатка неизвестна, поэтому трудно сказать, намерены они его убить или просто отколошматить до полусмерти.

Яковлев сказал:

— Дергачев коснулся этой темы, когда кто-то позвонил ему из Москвы по незарегистрированномуотовому телефону.

— Интересно, откуда вдруг у инвалида появились серьезные деньги? Дома-то ему вроде некого грабить.

— Может, старые дружки сняли крупный куш и на радостях поддержали страдальца? — предположила Романова.

— Возможно. В общем, Володя, придется тебе опять смотаться в Пермь и выудить у Дергача всю возможную информацию. Обставляй по полной программе: с разрешением на допрос, со свидетелями. Предупреди, что если Сереброва тронут, ему несдобровать. Но и без этого ясно, что вся катавасия не может совершаться, минуя Козельскую. Галочка, ты дозвонилась до нее?

— Нет. Аппарат все время отключен.

— Ну, для этого могут быть разные причины. То спектакль, то репетиция. И не мучайся больше, Галя. Узнай в театре телефон кого-нибудь из руководства — кто-то же наверняка постоянно связывается с Мос-

квой, объясни, откуда ты, и пусть этот человек попробует позвать к телефону оперную диву.

— Пусть попробует не позвать, — вставил Яковлев, делая угрожающий жест кулаком.

— Вот именно. Ну а муж как ко всему этому относится? Знает он этого Андрея или не знает?

— Боюсь, мы своим интересом разрушим здоровую семью.

— Вся беда в том, что наши конкуренты тоже сунутся с этим вопросом к мужу. Уж их-то точно не интересует крепость чужой семьи. Они ребята наглые. Так что, если супруг певицы не слышал про Сереброва, услышит от них.

— Я посмотрела анкету в отделе кадров Большого театра. Там написано, что муж, Валерий Антонович Шаргородский, — полковник авиации в отставке, в настоящее время не работает. Данные годичной давности. Дома его никак не могу застать.

— Всяко бывает в то время, когда жена находится в командировке. Мне рассказывали, порой дело доходит до супружеских измен, — не удержался от иронического тона Турецкий.

— То есть вас не волнует его отсутствие?

— Пока даже не кажется подозрительным. Ведь для этого могут найтись десятки уважительных причин. Поспрашивайте соседей. Возможно, среди них есть близкие знакомые. Может, в доме консьержка. Вдруг он кому-нибудь оставил ключи от квартиры — попросил цветы поливать или вынимать газеты из почтового ящика. Галочка, займись этим. Какая у них разница в возрасте?

— Восемнадцать лет. Ему сорок пять.

— Ну так наверняка уже где-нибудь работает. Молодой мужик, станет он жить на одну пенсию? Да и скучно без дела.

— А мне его отсутствие кажется подозрительным, — упорствовала Романова.

— Да вы, голубушка, просто начитались романов Агаты Кристи. Отсюда и болезненная подозрительность.

— Не просто, а на ночь начиталась, — уточнил Яковлев.

Галина никак не реагировала на подтрунивания коллег.

— Вы можете смеяться сколько угодно, — назидательно сказала она, — но меня отсутствие Шаргородского всерьез беспокоит. Опасные люди," среди которых, наверное, есть и киллер, безрезультатно поговорили по телефону с его женой. Мы тоже надумали обратиться к мужу. Зачем же считать, что преследователи Сереброва настолько глупей нас, что не додумаются до очевидного?! Может, они уже разговаривали или встречались с ним. Поэтому я сегодня вечером, когда проще застать соседей, подъеду к нему домой, попытаюсь что-нибудь узнать. Иначе заснуть не смогу.

Последнюю фразу Галина сказала крайне неосмотрительно: мужчины наперебой посоветовали ей, даже в случае бессонницы, не читать на ночь романов Агаты Кристи. Однако их шутки оказались преждевременными, поскольку ближе к вечеру им неожиданно пришлось собраться еще раз.

Глава 44

СЕНТЯБРЬ 2004-го

Ни волнение, ни неуверенно взятая верхняя нота не помешали опытным членам приемной комиссии почувствовать, какие богатства скрывал голос Натальи. Она поступила в консерваторию и была там на хорошем счету. Ее педагог, известная в прошлом певица Ксения Аржанова утверждала, что Козельская родилась с благоприятным строением голосового ап-

парата. Если вдобавок учесть исключительный тембр и поразительное музыкальное чутье, позволявшее следить за точностью фразировки, становилось понятным, какие заманчивые перспективы открывались перед студенткой.

Ни слова не сказав Андрею о беременности, Наташа сделала аборт. В хорошей клинике операция прошла очень удачно. Столичная круговерть захватила, да и не могла не захватить ее. Общение с Андреем становилось менее регулярным, односторонним — звонил только он. Так ведь ее еще нужно было заставить обитать Наташа в общежитии, пользовалась только мобильным телефоном, который то и дело выключала. Занятия, а вечерами концерты, театры, да мало ли интересного можно найти в столице. Все больше и больше она становилась москвичкой и через месяц-другой с трудом представляла себе жизнь в каком-либо другом городе.

Тут она мало чем отличалась от своих однокурсниц, прибывших из провинции. Все они мечтали прочно осесть в Москве, а самый простой и эффективный путь известно какой — выйти замуж. Поэтому каждое знакомство с мужчиной рассматривалось в первую очередь с этой точки зрения. Если был выбор, на чашу весов добавлялись прочие факторы, например материальная обеспеченность избранника, сегодняшняя или на худой конец дальнейшая, возраст, жилищные условия. Как сказала одна соученица Козельской: «Замуж нужно выходить не по расчету, но с расчетом».

Наташа не стала дожидаться, когда у нее будет выбор. Она обладала незаурядной внешностью, однако не считала это залогом успеха. Сколько дурнушек вокруг благополучно выскакивают замуж, в то время как настоящие красавицы, превращаясь в разборчивых невест, оставались у разбитого корыта. Такая перспектива была не для нее. Поэтому уже во втором семестре Наташа вышла замуж за понравившегося ей

москвича, хотя, по единодушному вердикту подруг, выведенному за ее спиной, могла рассчитывать на вариант и получше.

Чистенький, благовоспитанный Вадим пел в дуэте со своим ровесником Мишей, отец которого продюсировал их группу. У них был хороший контракт, когда Вадим возомнил себя лидером группы и неожиданно потребовал увеличить ему гонорар. С Наташей он ни о чем не советовался, действовал сам по себе, причем действовал весьма коряво. Предъявив ультиматум, он заявил, что в случае отказа не придет на благотворительный концерт. У Вадима и Миши были равные ставки, продюсер посчитал непедагогичным выделять одного из них, тем более что для этого не было оснований. Концерт был сорван, дуэт распался, Вадим стал говорить, что будет готовить сольный проект.

Окончательный крах группы произошел весной, перед началом гастрольного сезона. Теперь легкомысленный Вадим сидел в Москве, постоянно связывался с какими-то дилетантами, тяготеющими к диско или чему-нибудь танцевальному. Ничего путного не получалось, он продолжал свои поиски. Своей вздорностью муж напоминал Наташе погибшего Прыжкова.

Они жили в двухкомнатной малогабаритной квартире Вадима на последнем этаже девятиэтажного дома в «спальном» районе — от метро «Речной вокзал» нужно еще достаточно долго ехать на автобусе. Автобусы ходили редко и, как следствие, всегда были переполнены. В такую дыру и гостей лишний раз было неудобно пригласить. Наташа уже забыла, как радовалась тому, что стала обладательницей московской прописки. Теперь она завидовала людям, живущим рядом с метро и лишенным транспортных страданий. А ведь есть и такие, которые вообще живут в центре города. Вот уж поистине — баловни судьбы! С одним из таких счастливиц она познакомилась на дне рождения консерваторской приятельницы.

Александр Григорьевич был дядей именинницы, младшим братом ее матери. Сорока с небольшим лет, юрист по образованию, он преподавал в юридическом институте, иногда подрабатывал консультациями. Разведенный Александр Григорьевич жил один в хорошей квартире в высотном доме на Кудринской площади, известной до недавнего времени как площадь Восстания. Место завидное — отсюда до консерватории можно пешком пройти.

Казалось бы, Александр Григорьевич далек от мира искусства, на самом же деле хорошо разбирался в литературе, музыке, живописи. Он покупал все бестселлеры, посещал выставки, часто ходил в театры и на концерты. Причем зачастую ему билеты покупать было не надо — у него очень много знакомых артистов, режиссеров, художников. Большинству из них он помогал решать юридические проблемы. Наташа иногда с ним встречалась, и ей было интересно слушать его бесконечные рассказы об известных людях, с которыми приходилось сталкиваться. От кого еще узнаешь, как знаменитый киноартист при разводе делил с женой машину.

Вернувшись вечером домой, Наташа терпела примитивные разговоры Вадима и жалостливо смотрела на него. Что ж это, голубчик, у тебя в голове две извилины? Все разговоры только о джаз-роке или об одежде.

Постепенно молодые супруги все больше отдалялись друг от друга. Наташа это делала под влиянием Александра Григорьевича, к которому она однажды тихо и безболезненно переехала, не особенно, впрочем, огорчив Вадима, который понял, что семейная жизнь ему порядком надоела.

Теперь Наташа по утрам выходила из дома, переходила Кудринскую площадь и шла по Большой Никитской до консерватории. Жизнь была легкой и безоблачной, все складывалось как нельзя лучше. У Алек-

сандра Григорьевича были связи даже в Большом театре, и он пообещал жене устроить ее туда после окончания консерватории — по знакомству, в обход униженного кастинга.

Правда, в быту Наташу кое-что раздражало. У Александра Григорьевича выработались определенные многолетние привычки, от которых он упрямо не желал отказываться. Это относилось и к еде, и к одежде, и к домашним делам. Ел он определенные блюда в определенное время. Сама Наташа именно такие блюда не любила, но была вынуждена готовить. Одевался несколько старомодно и на все увещания изменить свой гардероб отвечал категорическим отказом. Ей все-таки хотелось иметь более изысканного мужа. Уж если он почти на двадцать лет старше, пусть хотя бы одевается или стрижется поприличнее, то есть помоднее.

Однако муж проявлял упрямство, порой переходившее в агрессивность, и это удручало Наташу, которая понимала, что такой образ жизни выдержит от силы года два-три, после чего придется искать какой-то выход из положения. Будучи в Перми, она обязательно встречалась с Андреем. Тот очень переживал из-за Наташиных браков. Не потому что они неудачны, а потому что сам мечтал жениться на ней. Однако Наташа никогда не строила на его счет далеко идущих планов и старалась рассеять серебрявские иллюзии. Правда, при случаях от близости с ним не отказывалась.

Андрей успокаивал Наташу, говорил, что раз уж она родилась под счастливой звездой, то все в жизни у нее будет складываться удачно, не стоит впадать в уныние. И Наташа часто вспоминала его слова, когда ситуация разрешилась самым что ни на есть фантастически счастливым для нее образом.

Это произошло уже после того, как она летом 2003 года — не без содействия мужа — была принята

на работу в Большой театр. Наташа стала замечать, что Александр Григорьевич находится не в своей тарелке, его явно что-то тяготило. Она подумала, что у мужа какие-нибудь проблемы со здоровьем, тот это отрицал и в конце концов рассказал о том, что дочь от первого брака уговаривает его переехать в Германию. Лет двенадцать назад она вместе с матерью эмигрировала в Америку, с тех пор Александр Григорьевич ее не видел, только изредка разговаривал по телефону. Бывшая жена не разрешала ей приглашать отца в гости, дочь же отказывалась ехать в Россию. Сейчас Юля поступила учиться в берлинскую киношколу, на операторское отделение. Она уговаривала отца переехать в Германию, тогда они смогут жить вместе. Отказаться от такого предложения было свыше сил Александра Григорьевича. Тем более что он прекрасно понимал, насколько недолговечны их отношения с Наташей. Они развелись к взаимному удовольствию.

Развод и сопутствующие бюрократические процедуры изрядно потрепали Наталье нервы, из-за чего она похудела. В свою очередь, приобретенная стройность привела к новому витку нервозности, теперь уже на работе. Дело в том, что главный инструмент оперного певца — диафрагма — очень чувствительна к давлению на нее мышц желудка. Эту профессиональную истину вдалбливал еще в училище Иван Иванович. Чем больше желудок и прочнее мышцы, тем сильнее давление на диафрагму и, как следствие, голос у певицы звонче, громче. Скукожившийся желудок Натальи создал серьезную проблему. Пришлось ей пожертвовать стройностью стана, сесть на активную белковую диету. Все быстро встало на свои места: теперь и театральное начальство, и оперные эстеты были довольны легкостью ее голоса.

Наталья была счастлива. Подумать только, она — солистка Большого театра, имеющая роскошную квартиру в центре Москвы. Вот только от Андрея это нужно

скрыть, иначе он придет к выводу, что любимая женщина с нетерпением ждет его у себя. Это же не соответствовало действительности. Наташа решила найти без всякой спешки солидного богатого мужа. Ей не хотелось ни в чем себя ограничивать.

У художника их театра проходила персональная выставка, и он пригласил артистов на вернисаж. Это было в галерее рядом с метро «Беляево». Там Наташа познакомилась с Валерием Антоновичем Шаргородским.

Высокий стройный человек с мужественным лицом, он был на пять лет старше Александра Григорьевича, а выглядел на столько же моложе его. Шумливый, громкоголосый балагур разговаривал без остановки. Через несколько минут после знакомства Наташа уже знала, что Шаргородский — полковник в отставке, живет в небезызвестном Звездном городке. На выставку он пришел с другом, тоже бывшим летчиком, чью книгу иллюстрировал виновник торжества. Когда пришла пора расходиться, Валерий Антонович увязался за Наташей. К тому времени она уже знала, что Шаргородский разведен, у него есть двадцатилетняя дочь, которая работает в российско-греческой фирме, а сам он занимается автомобильным бизнесом. Валерий Антонович предложил довезти Наташу до дома. Она села в его джип и ахнула — это был комфортабельный дом на колесах, раньше ей на таком чуде техники ездить не приходилось.

Она не сказала Андрею ни о разводе, ни о быстром новом замужестве. Все равно положение Наташи для него не изменилось. Как была замужней, так и осталась. Зовут мужа Александр Григорьевич или Валерий Антонович, для Андрея значения не имеет, а вот бурная личная жизнь Наташи наверняка его расстроит. Она прекрасно понимает, как сильно Андрюша влюблен в нее. Пусть уж лучше меньше знает, меньше будет переживать.

Переживания переживаниями, а вот навязываться Андрей стал меньше. Теперь его Наташа столичная гранд-дама, солистка ведущего театра страны, он же по-прежнему провинциальный неудачник.

В Перми слишком много напоминало о его бедах, поэтому Андрей решил переехать в Москву. Хотя бы на время, дальше видно будет. Благо, на первых порах кусок хлеба ему обеспечен: один знакомый согласился взять его в свою газету писать еженедельные обзоры музыкальных событий. При этом в особенные дебри вдаваться не нужно, вполне достаточно ограничиться общими словами, дать информацию о событии. Когда освоится в столице, походит по разным концертным площадкам, можно будет делать более подробные обозрения или даже писать рецензии.

Андрею на первых порах этого было достаточно. Деньги не ахти какие, зато прорва свободного времени, которое можно посвятить ознакомлению с особенностями столичной музыкальной жизни. В Москве сотни концертных залов, помимо них есть многочисленные ночные клубы, где тоже проходят оригинальные выступления. В одном из таких клубов он и повстречал свою землячку Янину Муромцеву, которую помнил по музыкальному училищу.

Янина не поступила в Гнесинское училище и собиралась уезжать в Пермь. Оказалось, она пишет очень хорошие песни. Андрей взял растерявшуюся девушку под свое крыло, решил помочь ее «раскрутке»: Янина по-настоящему была талантлива.

Андрей безмерно скучал по Наташе, с которой не виделся почти все лето. Сначала она уезжала с театром на гастроли в Сибирь, потом проводила отпуск в Италии. В Москву вернулась в конце августа.

Когда они встретились, ее поразила произошедшая с Андреем перемена. Был он весь дерганый, неухо-

женный, с первого взгляда чувствовалось, его гнетут какие-то заботы. У Наташи защемило сердце: так жалко на него смотреть. Очень несправедливо обошлась с ним судьба.

Андрей сказал, что в сентябре хозяева его квартиры, как и было договорено с самого начала, возвращаются в Москву. Нужно подыскивать новое жилище.

Квартира Валерия Антоновича в Звездном городке пустовала. Почему бы Андрею какое-то время не пожить там? Правда, просить разрешения у мужа бесполезно. Зная его характер, Наташа понимала, что тот не согласится. Не станет приводить убедительные доводы, а просто не согласится. Он даже не любит, когда приходят гости. А уж о том, чтобы в его квартире жили посторонние, и речи быть не может. Но ведь его можно даже не предупредить или, по крайней мере, не говорить всю правду. Скажет, что разрешила пожить подруге с женихом, у которых было безвыходное положение. С этим Валерий Антонович еще как-нибудь смирится.

Ключи от квартиры в Звездном у Наташи были. Она отвезла туда Андрея, улучив момент, когда муж уехал в командировку в Тольятти. Как разжалобить Валерия Антоновича, она прекрасно знала. В день возвращения тот плотно поужинал и с вождением смотрел на жену. Если его лишить супружеской ласки, он сойдет с ума. Поэтому можно не опасаться ссоры.

— Валерочка, — подойдя сзади, Наташа обняла разомлевшего мужа за шею и потерлась носом о его ухо, — я совершила тут семейное преступление.

Шаргородский, думая, что сейчас услышит об очередной дорогой покупке, и заранее готовый смилостивиться, спросил:

— Тяжкое?

— Это тебе судить. Понимаешь, мне позвонила одна девушка из нашего музучилища, Янина Муромцева, очень талантливая певица. Она снимала кварти-

ру, а хозяйева неожиданно ее турнули. Сказали, что-то у них там изменилось, пусть выметается. Она буквально оказалась на улице.

— Хочешь, чтобы она пожила у нас? — промурлыкал Валерий Антонович.

— Это, конечно, невозможно, — притворно ужаснулась Наташа. — Я поступила гадко и без твоего ведома разрешила им переселиться в твою квартиру в Звездном.

— Им?

— Ну, у нее есть жених, он же ее продюсер. Он тоже из Перми, я его знаю.

Пришлось рассказать про несчастную судьбу талантливому певца, который в Москве подрабатывает журналистикой и организует концерты.

— Это на несколько дней, они надеются снять квартиру в Москве. У них уже что-то есть на примете.

— Ну, ничего страшного, — сказал Валерий Антонович, целуя ее. Если пожурить, то она способна вспылить, а сегодня ему никак не обойтись без ее ласки. — Только почему ты не позвонила мне?

— Звонила, но у тебя был отключен мобильник. А все делалось в такой спешке.

Глава 45

ДТП НА КАВАЛЕРИЙСКОЙ УЛИЦЕ

В хорошую погоду, то есть когда не было дождя, снега или ураганного ветра, мать вывозила Сергея во двор, нужно же больному подышать свежим воздухом. Это только так говорится — двор. На самом деле двора возле их дома не было. Улица расположена близко, между ней и подъездами имеется небольшой участок, посередине которого проложена асфальтовая дорожка. На ней, по обеим сторонам, стоят несколько скамеек,

есть и ограниченная кирпичным бордюриком клумба, но жители забыли, когда видели на ней последний раз цветы.

Прогулка совершалась по давно устоявшемуся ритуалу. Вывезя коляску, Матрена Васильевна оставляла сына на тянувшихся вдоль фасада дома асфальтовых дорожках, а сама отправлялась в поход по близлежащим магазинам. Их вокруг открылось очень много, особенно коммерческих, нужно во все заглянуть, посмотреть, где какие продукты стоят дешевле. Сергей тем временем передвигается возле дома. Иногда поболтает с кем-нибудь из соседей. Не встретит знакомых — просто снует вдоль дома, туда и обратно. Это разминка для рук, ему нравится, что есть хоть такая возможность подвигаться, кого-то увидеть. Вернется мать из магазинов — занесет покупки домой, потом спустится за сыном. Иногда еще устроит себе легкую передышку — постоит рядом с ним. Она ведь тоже света белого не видит, крутится с раннего утра и до позднего вечера: плита, аптека, магазин, стирка, уборка...

Однако, вернувшись в этот раз, Матрена Васильевна не увидела сына возле дома. Разумеется, тот мог отъехать к соседнему, такое случалось. Кто-нибудь из знакомых шел на автобусную остановку, Сергей увлекся разговором и потянулся следом, сейчас вернется.

Растерянно потоптавшись несколько минут на одном месте, Матрена Васильевна прошла к соседнему, Г-образному, дому. Та сторона, куда выходили подъезды, напоминала настоящий двор. Тут было тихо и уютно, на каждом шагу стояли удобные деревянные скамейки со спинками, по всему периметру тянулась ограда из металлической сетки. Однако Сергея здесь не оказалось, и три молодые мамы, прогуливавшие своих детей, инвалида в коляске не видели.

Матрена Васильевна провела большую часть жизни в тревожном состоянии. Когда сын был здоров, она

постоянно боялась, что он явится домой пьяный или избитый. Хорошо еще, если сам явится. Могут и милиционеры привести. Но могут и не привести, а оставить его на ночь в каталажке, что тоже не прибавляло матери спокойствия. Нужно учесть, что и муж в молодости тоже был хорошим башибузуком.

Когда Сергей стал инвалидом, тревога вообще не покидала ее. Это стало для нее нормой. Так бывает, когда долго болеющий человек настолько привыкает к своему новому состоянию, что считает его нормальным — лишь бы хуже не стало. Матрена Васильевна испытывала тревоги разной степени — от легкой, непрекращающейся, до отчаянно разрастающейся по разным причинам. Сейчас она была очень взволнована отсутствием сына. Материнское чутье подсказывало Матрене Васильевне, что ничего хорошего эта непривычность ей не сулит.

Она завернула на тыльную сторону своего дома — заросшую чахлыми кустами, тщетно скрывающими ряды металлических гаражей. Здесь было совершенно безлюдно. Пройдя по заскорузлой дорожке вдоль всего дома, чертыхаясь из-за бившей по ноге тяжелой сумки с продуктами, Матрена Васильевна повернула налево и тут увидела на улице, возле проезжей части, толпу людей, окруживших грузовик-цементовоз с медленно вращавшейся полосатой «мельницей». Значит, что-то случилось, и сын отправился поглазеть на происшествие.

Матрена Васильевна торопливо подошла к тому месту и увидела лежавшую возле правого колеса грузовика коляску, возле которой хлопотали люди. Сергей, упираясь обеими руками в асфальт и морщась от боли, нечленораздельно мычал. Прохожие подняли его, надели шапку, уже вызвали «скорую помощь», а также милицию. Матрена Васильевна обхватила голову Сергея, прижала к груди. Все поняли, что эта изможденная женщина мать инвалида, хотели приободрить. Какой-то старичок пытался внушить ей, что бывают случаи, когда минус на минус дает плюс. «Я лично

знал одного парализованного, — с жаром говорил он явную выдумку, — который нечаянно свалился с кровати и после этого снова стал двигаться».

Слова доносились до Матрены Васильевны глухо и тихо, будто сквозь толстую стену. Она была в невменяемом состоянии.

Первыми на место происшествия приехали гаишники.

Водитель цементовоза, мужчина средних лет, темпераментно оправдывался перед милиционером, обращаясь сразу и к нему, и к окружившим их обоих прохожим:

— Да я ползком крался, словно черепаха. Километров тридцать от силы. Нешто это скорость? Да и куда спешить — я же не от погони спасался! Коляску на краю тротуара видел. Мне даже сперва показалось, кто-то ее держал. Во всяком случае, люди рядом стояли. А когда я с ней поравнялся, она вдруг — фырк! — и прямо под колеса. Но я все-таки успел затормозить. Если бы я быстрее ехал, черта лысого мне тогда остановиться. Попробуй останови такую махину, когда у тебя скорость за шестьдесят...

В это время приехала «скорая». Сергея увезли в больницу, туда же, так и не успев занести покупки домой, поехала убитая горем мать. Он был без сознания, его сразу отправили в реанимацию. Потом врач успокаивал Матрену Васильевну, сказал, что через несколько дней сын обязательно придет в себя. Все будет, как и прежде.

Глава 46

ПОХОЖДЕНИЯ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА

— М-да, час от часу не легче, — сказал Турецкий, выслушав пересказанный ему Володей отчет о срочном звонке пермского лейтенанта милиции Урусо-

ва. — Интересно, случайно или не случайно? Мог Дергач отправиться на ту сторону улицы по собственному желанию или кто-то нарочно толкнул его под машину?

— Слишком уж кровожадный вариант. — Представив эту картину, Галина даже поежилась. — Да и кому он способен помешать?

— Теоретически мог. Давайте думать кому. Во-первых, кто-то же сделал его инвалидом. Но, возможно, задача тогда осталась не выполненной до конца, если, скажем, собирались убить.

— За эти пять лет сто раз могли сделать.

— Возможно. Поэтому такая версия вряд ли будет стоять во главе угла. Во-вторых, Дергач был завязан с какими-то неожиданными деньгами. Передал кому-то в Москву аванс, чтобы расправились с Серебровым. От кого-то он эти деньги получил. Кто дал их ему? Может, после того как Дергач отправил их в Москву, он стал для того человека нежелательным свидетелем. Это нужно проверить в первую очередь.

— Может быть, все-таки просто несчастный случай, — предположил Яковлев.

— Не исключено. Эти две версии равноценны. Насчет серебровской мести маловероятно. А те две очень даже реальны. Что сказали врачи?

— Выживет. Но поговорить с ним можно будет не скоро.

— Что значит — не скоро?

— Недели через две.

— Полмесяца, — присвистнул Турецкий. — Круто. Вот ведь какая закавыка получается. Давай, Володя, наводи лыжи, дерзай.

— Что? — не понял тот.

— Лети в Пермь. Тебе и так предстояла эта поездка, а сейчас и подавно. Выясни, кто там отвалил ему этот аванс. Он все-таки был малоподвижен. Определи круг людей, которые навещали Дергача в последнее время.

— Может, мне тоже поехать? — спросила Галина.

— Рано. Если слишком много подозреваемых придется проверять, тогда другое дело. Тогда и я поеду. А так... Там есть Урусов, есть другие оперативники. Уверен, они во всем разберутся. А вот с исчезнувшим Шаргородским, кроме тебя, разобраться никому не под силу. Ты, кажется, намеревалась заскочить к нему домой прямо сегодня?

— Обязательно подъеду.

— Не надо. Нам ведь только нужно узнать, где сейчас Шаргородский, что с ним. Я попрошу съездить Дениса. И он сразу тебе обо всем сообщит.

Турецкий знал, что пресс-центр ГУВД просил Галину спешно подготовить для них материалы по одному из недавно завершенных дел. Поэтому ей сегодня пришлось явиться на работу ни свет ни заря. А владелец «Глории» совсем не загружен и охотно возьмется выполнять любой заказ.

Это была легкая, но противная работа. На массивных дверях установлен кодовый замок. Как назло, долгое время никто не входил, не выходил. Наконец, появился старичок, впустивший Дениса Грязнова в подъезд. Консьержки в таком солидном доме не оказалось.

— У нас все наоборот, — прошамкал старик. — До перестройки здесь сидела вахтерша, что для того времени — редкость. Сейчас же, когда обзаводятся дежурными, у нашего домкома на них не хватает денег.

Грязнов поднялся на седьмой этаж. На дверях каждой квартиры имеется узкое горизонтальное отверстие, прикрытое изнутри латунной пластиной с надписью «Для писем и газет». Значит, если хозяева отсутствуют, насчет корреспонденции можно никого не предупреждать. Дверца ящика оставляется открытой, и газеты беспрепятственно падают внутрь. Остается надеяться на требующие поливки цветы. А если хозяева увлекаются кактусами, которые подолгу могут

обходиться без воды?.. На всякий случай Денис позвонил в квартиру Шаргородского, вдруг там есть проходящая домработница. Никто не отозвался. Приглушенные голоса доносились из соседней квартиры, и он позвонил Туда. Дверь открыла девушка студенческого возраста. Она сказала, что у нее с соседями шапочное знакомство.

— Кажется, они контактируют с профессором Орленевым, зайдите к ним.

Профессорская квартира была на этом же этаже. Пожилая низенькая толстушка в халате, узнав, что интересуется Грязнова, ответила:

— Наташа сейчас с театром на длительных гастролях, а Валерий Антонович улетел на неделю в Прагу. Он даже оставил нам ключи от своей квартиры, чтобы я заходила кормить их попугаев. При других условиях можно было перенести птиц к себе, но наш кот быстро с ними разделается.

— Когда он вернется?

— Кажется, в понедельник.

— Номер его мобильного вы знаете?

• - Нет.

— А где работает Шаргородский?

— В какой-то автомобильной фирме возле метро «Ботанический сад». Если вы хотите узнать более точно, поднимитесь на восемнадцатый этаж, к Фальковским. Анатолий Викторович недавно покупал там новую машину, он объяснит, где это.

На восемнадцатом этаже любезный Фальковский нарисовал подробную схему, как Денису добраться до нужного места.

Выйдя от Фальковских, Денис нерешительно топтался в просторном холле. Сегодня пятница, сейчас половина восьмого. В подобного рода фирмах сплошь и рядом ненормированный рабочий день, иногда люди сидят там допоздна. Жаль, он не спросил у Фальковского, когда Валерий Антонович обычно возвращается

домой. Хотя тот может и не знать, скорее близкие соседи могут быть в курсе дела.

Грязнов спустился на седьмой этаж и опять позвонил Орленевым. Дверь открыла та же женщина. Извинившись за беспокойство, Денис спросил:

— В какое время обычно Валерий Антонович возвращается с работы?

— По-моему, поздно. Не так, конечно, как Наташенька из театра, но все же не рано. В районе девяти.

«Подъеду-ка туда прямо сейчас, — решил Грязнов, еще после концерта в ночном клубе, где разыскивал Янину, смирившийся с тем, что этому делу сопутствуют поздние вылазки. — Если повезет, тогда можно будет не ехать в субботу».

Как всегда, вечером в сторону области скапливались утомительные пробки. Ехать Денису пришлось чуть ли не час. Наконец, он остановился у нового двухэтажного здания из стекла и бетона, причем в нижней половине преобладало стекло. Ближе к тротуару светилась выносная вывеска с логотипом «Шкоды». Холл мягко освещался утопленными в потолок светильниками. В глубине, словно рыбы в аквариуме, отсвечивали полировкой новенькие автомобили. На втором этаже ярко освещены два угловых окна.

На стук Грязнова сидевший за конторкой охранник в форме оторвал от журнала голову, его лицо выражало недоумение. В ответ Денис постарался мимически изобразить просьбу о том, чтобы ему открыли дверь. Видимо, грязновская жестикуляция оказалась удачной. Сидевший за конторкой обернулся ко второму охраннику, развалившемуся в кресле перед укрепленным на кронштейне телевизором, и что-то крикнул ему. Тот встал и без особого энтузиазма подошел к двери. Чертыхаясь, он снял с ручек металлическую скобу и спросил:

— Чего надо?

— Я сотрудник частного детективного агентства «Глория», работающего по заказу МУРа. Мне необходимо выяснить номер мобильного телефона вашего сотрудника Шаргородского.

Денис старался придать своему голосу как можно больше солидности. Однако охранник прореагировал на его слова с полным равнодушием. При снятии скобы он проявил больше эмоций.

— Шаргородский? А что Шаргородский? Рабочий день кончился.

— Понятно. Но, может, на вахте у вас записаны контактные телефоны сотрудников?

— На кой они нам сдались?

— Ну, чего там? — глухо донесся голос второго охранника.

— Нужен телефон Шаргородского.

— Нам-то откуда знать!

— Может, вы дадите мне телефон вашего директора? — предложил Грязнов компромиссный вариант.

— Слушай, детектив, — сдерживая нарастающее раздражение, прошипел охранник. — У нас тут рядом недавно застрелили редактора американского журнала. Так что ты полегче на поворотах. Неровен час спровадим тебя куда следует.

Лишенную всякой логики речь Денис пропустил мимо ушей. Он посмотрел вокруг и обратил внимание, что неподалеку от входа поблескивает новенький джип «чероки». Вряд ли молодые охранники горазды приобретать такие навороченные драндулеты.

— Скажите, пожалуйста, — смиренным голосом произнес он, — на втором этаже, вижу, горит свет. Значит, там кто-то есть.

— Ну! — предельно кратко подтвердил охранник.

— Может, этот человек знает телефон Валерия Антоновича.

— Может, и знает.

— Спросите, пожалуйста, у него.

— Подождите.

Накинув, на этот раз без проблем, скобу на ручки, охранник отошел к своему коллеге и что-то со смешком сказал ему. Тот, прыснув, потюкал по клавишам телефона. После короткого разговора он милостиво кивнул первому, который вернулся к дверям, где проделал злополучную операцию со скобой.

— У вас паспорт есть?

— Есть.

— Ну, проходите.

Паспорт Денис оставил на вахте, получив вместо него бейджик с надписью «Гость №29».

— Идемте, я вас провожу.

Они поднялись на второй этаж. По пути Денис узнал, что будет принят генеральным директором фирмы, зовут его Роман Аркадьевич.

Охранник без стука открыл дверь и пропустил Дениса в большой кабинет. Из-за стола поднялся мужчина среднего возраста в безупречном сером костюме и черной водолазке. У него было такое красное лицо, будто только что вышел из сауны. Он долго тряс гостю руку, слащаво улыбался и наконец сказал:

— А ведь я тоже хотел стать сыщиком.

Директор был изрядно пьян.

Охранник удалился, бесшумно закрыв за собой дверь.

Когда Денис сел на предложенный стул, директор слегка нагнулся и то ли достал из ящика, то ли поднял с пола бутылку коньяка «Хеннесси», в котором осталось на доньшке:

— По граммулечке за знакомство?

— К сожалению, я за рулем.

— Тогда нельзя. — Он вернул бутылку на место. — Что вас привело?

— Роман Аркадьевич, мне всего лишь нужно узнать номер мобильного телефона вашего сотрудника Шаргородского.

— Ноу проблем! — залихватски воскликнул директор и, хитро улыбнувшись, добавил: — Только с одним условием?

— С каким же?

— Вы скажете мне, для чего он вам понадобился.

— Да бога ради, большого секрета тут нет. Мы сейчас расследуем одно дело, и нам срочно нужно поговорить с женой Валерия Антоновича. Но она сейчас находится на гастролях в Канаде, не можем с ней связаться. Поэтому мы думали, Шаргородский нам поможет.

Услышав это, Роман Аркадьевич встал, дал детективу лист бумаги и остро отточенный карандаш.

— Пишите! — сказал он после небольшого раздумья.

Денис ожидал, что директор продиктует ему телефон Шаргородского, однако неожиданно услышал:

— Первое: с учетом часовых поясов рассчитать время, когда существует наибольшая вероятность того, что у Натальи Козельской включен мобильник.

Грязнов сидел с карандашом в руках, как стенографист, а директор, не глядя на него, расхаживал по кабинету и диктовал:

— Второе: если не удастся связаться непосредственно с Козельской, узнать в Большом театре телефон руководителя делегации и позвонить ему, попросив позвать Козельскую к аппарату. Записали?

— Роман Аркадьевич, — сказал опешивший Денис, — мы так и делали. Но и с руководителем связаться не можем.

— Тогда плохо, — вздохнул директор.

После неудачи своего следовательского плана он сразу стушевался, сев в свое кресло, разыскал в толстой записной книжке телефон Шаргородского и продиктовал его Денису.

— Вы обратную дорогу найдете или попросить, чтобы вас проводили?

— Найду.

Они попрощались. Уже с порога Денис ободряюще сказал поникшему директору:

— А вообще-то, Роман Аркадьевич, из вас получился бы отличный сыщик.

Глава 47

ПОД КАШТАНАМИ ПРАГИ

У Валерия Антоновича Шаргородского было двойственное отношение к мобильным телефонам. С одной стороны, ему нравилось быть постоянно связанным с людьми, не попадать пусть даже на короткое время в полосу отчуждения, знать, что в любой момент ему могут сообщить важную новость, могут о чем-то спросить, посоветоваться. А то ведь раньше как бывало: пока он полчаса едет от дома до работы, сотрудники без его ведома сделают какую-нибудь глупость, которую потом приходится расхлебывать несколько дней. Уже одно это оправдывает существование мобильных. А если учесть, что и он может звонить куда угодно, то и говорить нечего — высший пилотаж.

Да, плюсов у сотовой связи существенно больше, чем минусов. Техника на грани фантастики. Вот он сейчас находится в Праге, жена в Канаде, иногда они переговариваются. И не нужно, как раньше, назначать для звонков определенное время и потом быть привязанным к аппарату.

Однако и минусы имеются. Звонки порой бывают весьма назойливыми, раздаются невпопад. Известное дело, что в некоторых случаях телефоны нужно отключать, да ведь забываешь. Хорошо у жены в театре — там перед началом спектакля напоминают. Если бы везде так! Иначе доходит до курьезов. Как-то он забыл отключить телефон на кладбище во время по-

хорон товарища, и мобильник заверещал в самый неподходящий момент — когда гроб опускали в могилу.

Нынче Шаргородский тоже забыл отключить телефон и пожалел об этом. А ведь с таким нетерпением ждал события, которое предстояло сегодня. Мечтал о нем чуть ли не с детства, с тех пор когда впервые прочитал «Похождения бравого солдата Швейка». Книга чешского сатирика настолько понравилась ему, что многие фрагменты знал наизусть, часто цитировал ее. А впервые оказавшись в Праге, он очень хотел побывать в трактире «У чаши», куда регулярно хаживал Швейк и где его арестовал агент тайной полиции. Валерий Антонович все уши прожужжал своим пражским друзьям о своем желании. Однако в будние дни люди сильно заняты, а сегодня суббота, и вот коллега Иржи ведет его в легендарное питейное заведение.

Они уже подошли к дверям «У чаши». Валерий Антонович перенесся почти на сто лет назад, готовился через минуту-другую увидеть Швейка и трактирщика Паливеца, как вдруг в кармане куртки раздался мелодичный звонок, и пришлось вернуться в сегодняшний день. Подумал, Наташа. У них сейчас утро, время, когда ей удобно звонить. Ан нет — мужской голос.

— Валерий Антонович? Это вас беспокоят из московского управления угро. Следователь по особо важным делам Никитин. Валерий Антонович, мы сейчас разыскиваем жителя Перми Андрея Всеволодовича Серебров. Говорят, он знаком с вашей супругой, но мы не смогли с ней связаться. Вы случайно не знаете, где находится Серебров?

— Я вообще знать не знаю такого.

— Даже так. Это хороший знакомый вашей жены. Они учились в музыкальном училище.

— Ничем не могу помочь.

— А когда вы возвращаетесь в Москву?

— Через два дня.

— Мы позже вам позвоним, может, вспомните.

Вслед за Иржи Валерий Антонович переступил порог хорошо знакомого ему по описаниям Гашека трактира, сейчас его называют кафе. Он был так раздосадован нелепым звонком, что забыл отключить аппарат, и телефон заверещал снова. Услышав женский голос, Шаргородский вскрикнул:

— Наташа!

— Нет. С вами говорит оперуполномоченный Генеральной прокуратуры Романова. Валерий Антонович, мы срочно разыскиваем соученика вашей супруги по пермскому музыкальному училищу Андрея Сереброва, но никак не можем связаться с Натальей Александровной. Может, вы в курсе дела, по какому адресу он проживает в Москве?

— Вы вообще знаете, где я сейчас нахожусь? — сердито спросил Шаргородский.

— В Праге.

— И наверное, я сюда не по грибы приехал, а занят важными делами. Я же только что сказал вашему коллеге, что не знаю никакого Сереброва!

— Простите, Валерий Антонович, я не совсем понимаю, о каком коллеге идет речь. Звонить поручено было только мне.

— Не знаю уж, кому что поручено. Сами координуйте свои действия. Так или иначе, звонил следователь по особо важным делам из московского управления утро Никитин.

— Хорошо, с этим мы разберемся. Скажите, пожалуйста, когда вы возвращаетесь в Москву?

— В понедельник. А что? Хотите меня встретить? — язвительно поинтересовался Шаргородский.

— Может случиться и такое. Если речь будет идти о вашей безопасности. На всякий случай запишите мой телефон.

— Вот насчет этого будьте уверены. Меня встречает

целая делегация с нашей работы. На трех машинах приедут.

— Тогда я спокойна, — ответила собеседница.

Теперь Валерий Антонович был окончательно выбит из колеи. Он пил пиво и ел шпикачки без всякого удовольствия.

Глава 48

ШАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ

Поудобней устроившись на колченогом стуле, Яковлев сказал с проникновенными нотками в голосе:

— Поймите нас правильно, Тимофей Иванович. Не случись с Сергеем беды, мы все равно пришли бы сюда.

— Причем совсем не факт, что он стал бы отвечать на наши вопросы, — добавил лейтенант Урусов.

— Закрывать глаза на неведомо откуда полученные деньги — значит, довести дело до беды, — продолжал Володя. — Скорей всего, речь идет о крупной сумме. Новое убийство, а там, глядишь, отмщение, суд, суровое наказание. Лучше прекратить дело в зародыше, тогда в итоге всем придется значительно легче.

Они сидели в скромно обставленной комнате дергачевской квартиры. У Тимофея Ивановича был растерянный и отрешенный вид. Он машинально поглаживал свои усы, отчего те приняли форму подковки. Матрена Васильевна только что вернулась из больницы и робко предложила оперативникам чаю. Те согласились. Застольный разговор смягчает напряжение, это проверенный способ, для того чтобы вызвать человека на откровенность. Недостаточный, но необходимый.

Сработал он и на этот раз. Тимофей Иванович с пониманием отнесся к словам милиционеров. Он сам говорил сыну нечто подобное, предупреждал, да, ви-

димо, тот не послушал его совета. Раздобыл где-то денег.

— Как на духу скажу, не знаю, от кого получил. Первый раз слышу об этом.

— Но ведь круг его общения сейчас весьма ограничен.

— Да, заходит к нему мало кто. А кто звонит по телефону, трудно уследить. Меня днем не бывает, да и мать может не знать.

— Сначала остановимся на тех, кто сюда заходил. Даже неопытные люди стараются не говорить о деньгах по телефону. Кто появлялся у Сергея, скажем, за последний месяц?

— Те же, кто и всегда. Его постоянно навещают Генка Силуянов и Виталька Шумский. Пару раз забежала Катька, младшая сестра Геныча. При мне больше никто не заходил.

Матрена Васильевна вспомнила, что недавно, как всегда, днем приходила парикмахерша Света.

— Сергею трудно добираться до парикмахерской. Поэтому мастерица приходит домой.

— Всегда одна и та же?

— Сначала ходила одна. Она с год назад уволилась, тогда мы договорились с другой.

— Кто назначает время стрижки?

— Мы звоним ей и спрашиваем, когда она может прийти. Света два дня работает, два отдыхает. Приходит только в свой выходные.

— Звоните домой или на работу?

— Можем и туда, и туда.

— То есть знаете все ее телефоны. Скажите нам их, пожалуйста.

Номера телефонов парикмахерши оказались под рукой, а вот с Генычем и Виталием пришлось попотеть, хотя Дергачевы знали, что их телефоны есть в выдавшей виды записной книжке. В ней с правой стороны ступенькой вырезаны отделения для букв, но алфавитная закономерность прослеживалась слабо.

Одни записаны по фамилиям, другие — по именам, третьи вообще случайно — на какой странице в спешке открыли книжку, там и оставили. Почерки — отдельная статья, иной раз трудно разобрать толком и буквы, и цифры. Что-то накорябано плохо заточенным карандашом, что-то — шариковой ручкой с засохшей пастой. Но, в конце концов, оба телефона обнаружили.

Парикмахершу Светлану застали на работе. Оперативники попросили девушку не уходить, дожидаться их появления.

Шумского дома не оказалось, трубку никто не снял. Продолжив поиски, обнаружили телефон Силуянова. Тут уж повезло — Геннадий сидел дома. Он, кстати, и про Виталия сказал: тот работает электриком на кондитерской фабрике, сегодня вышел в ночную смену. Значит, до восьми утра безвылазно будет там.

— Мы выясняем некоторые обстоятельства, связанные с Сергеем Дергачевым. Хотелось бы поговорить с вами как с его близким другом и сделать это, по возможности, быстро. Я специально прилетел из Москвы.

— Что от меня нужно?

— Если вы не против, мы прямо в ближайшее время заехали бы к вам домой.

— Пожалуйста. — Геныч продиктовал адрес. Яковлев повторял вслух. А лейтенант записывал.

Даже привыкшему к московским масштабам оперативнику Пермь показалась очень большим, разбросанным городом, и он с тоской подумал о том, что, если эти адреса находятся в разных концах, придется для экономии времени разделить с Урусовым и ехать порознь. Однако лейтенант успокоил его, сказав, что оба находятся сравнительно близко, практически на одной прямой.

— И туда, и туда вообще можно пешком дойти. Я проведу огородами.

Прежде чем отправиться в парикмахерскую, оперативники попросили Матрену Васильевну показать место, где упала коляска. Она помнила это точно. Там

как раз есть пешеходная зебра, переход регулируемый. Оперативники понаблюдали за световым режимом. На зеленый светофор переключался редко. Стало быть, днем в этом месте скапливается много пешеходов. Нет ничего удивительного в том, что рядом с коляской кто-то стоял, как утверждал водитель цементовоза. К тому же тротуар в этом месте имеет наклон в сторону проезжей части, низкий бордюр выщерблен. Коляску могли случайно задеть, отчего она скатилась. Да и сам Сергей мог соскользнуть вперед. Непонятно только, зачем ему было нужно сюда подъезжать. Хотел перебраться на другую сторону? А что там привлекательного? Там много ларьков, продаются пиво, водка. Может, у него кончились сигареты.

— Сергей самостоятельно часто переезжал на ту сторону улицы? — поинтересовался Яковлев.

Матрена Васильевна вздохнула:

— Ему года два назад кто-то сказал, что некоторые инвалиды возле светофоров собирают милостыню. Катят мимо машин, и оттуда им подают. Сережа так тоже стал делать. Но я его умоляла прекратить, перед соседями совестно. Он обещал.

— Ну, мог он на ту сторону переехать, просто пивка выпить.

— Не припомню такого.

Поблагодарив за прием, оперативники распрощались с этой маленькой худенькой женщиной, которой пришлось так много хлебнуть горя в жизни.

Глава 49

БЫВШИЙ ПРОДЮСЕР

В понедельник утром Косте Халатину позвонили на работу и попросили зайти на Петровку, 38, ответить как свидетеля на вопросы, касающиеся гибели певца Прыжкова.

— Это же было пять лет назад, — удивился он.

— Верно. Но сейчас дело возвращено на дополнительное расследование. На поверхность всплыли новые факты.

Костя, честно говоря, уже и старые начал подзабывать. Он вообще старается забыть нравы того мира, в котором пребывал, к счастью, короткое время. Ринулся в него очертя голову, словно мотылек на огонь. Анализируя позже, понял, что виной всему была первая в жизни влюбленность — в Светлоярову. Уж до того женщина ему нравилась, так сильно проникла в его душу, что невозможно передать словами. Считал ее подлинным совершенством. Да постепенно туман развеялся.

Пожалуй, со времени совместной работы прозрение и началось. Только не сам все заметил, знакомые раскрыли глаза. Не нарочно — случайно. То один что-нибудь расскажет про Татьяну, то другой. Слухи в шоу-бизнесе витают непрерывно, про всех артистов рассказывают что-нибудь пикантное. Сейчас слухи вдобавок подкрепляются публикациями «желтой» прессы. И в устных, и в печатных сплетнях, как правило, ничего хорошего. Даже верить не хочется. Костя тоже сначала И не верил. Выгораживал Татьяну, когда мог. Если ему кто-нибудь нравился, всячески расхваливал, как, например, Сандомирского. Рассказывал, что тот отказался от денег, а в результате выполнил его просьбу бесплатно — поставил Светлоярову в том концерте последним номером. Ему никто особо не возражал, только один коллега, услышав его славословия, от смеха едва не свалился со стула:

— Это Михайлыч-то бескорыстный?! Да ему Танька за это половые услуги оказала. Чуть ли не у всех на виду.

Костя был готов растерзать гнусного пошляка, глаза кровью налились. Насилу сдержался, и то пото-

му, что рядом стояли люди, даже сыграл на публику безразличие:

— Что за ерунда! Все были сутками заняты. Когда им было ублажать друг дружку.

— Выкроили время. Она ему устроила облегченный сервис — как Моника Левински Клинтону.

Костя к тому времени кое-что знал о нравах эстрадников. Это у Клинтонна одна Моника, а здесь таких Моник — хоть лопатой гребь.

С тех пор Халатин смотрел на сошедшую с небес богиню более трезвым взглядом и вскоре перестал чему-либо удивляться. Особенно расширился его кругозор, когда поехал со Светлояровой на конкурс эстрадной песни.

Вообще-то, по правилам, члены жюри и участники должны жить в разных гостиницах, чтобы не было подковерного, далекого от творческих факторов влияния. Но в мало приспособленном для проведения музыкальных соревнований Таганроге поселили в одной. О, что там творилось! Можно подумать, семейных людей вообще не существует. В жюри — семь мужиков. Светлоярова, видать, отменно провела подготовительную работу и заняла первое место. Только Костю ее лауреатство мало волновало, он уже собрался уходить. А под занавес узнал такой случай, что не уходить — бежать пришлось без оглядки.

И вот как странно получается: делаешь что-нибудь тайком, в тиши, в глуши. А все равно это каким-то образом вырывается наружу и становится известно всем и каждому. Наверное, Татьяна чего-то недоучла, а может, это была чистая случайность. Так либо иначе эстрадникам было хорошо известно, как она избавилась от ребенка, отцом которого был то ли певец Гоша Метельский, то ли усиленно опекающий ее известный партийный бонза. Сыну было всего ничего, несколько месяцев. Такая обуза для артистки что в сердце нож. Пришла она в ставропольский кожвендиспасер, заня-

ла очередь. Потом вдруг говорит соседке с улыбочкой: «За мальчиком моим не присмотрите? Я только в ларек за соком сбегаю». И, конечно, обратно не явилась. Пацан в коляске сладко сопит, стали его перепеленывать и нашли записку: «Муж меня бросил. Прошу временно забрать сына, его зовут Никита».

Кукушкины дети — обычная история. Официального мужа у Татьяны и в помине не было. Правда, говорили, через несколько лет Светлоярова спохватилась и ринулась искать малыша. Только того подкидыша уже усыновили.

Самое страшное, от всех этих оглушительных известий Костя, слывший ярым сторонником здорового образа жизни, постепенно начал выпивать. Сначала, когда его стыдили, что он чурается хорошей компании, Халатин мог пригубить для приличия винца. Обычно состав участников подобных сборищ был случаен, разные поездки — разные люди. У Кости и без выпивки хорошее настроение, поэтому его трезвый образ жизни не бросался в глаза. Позже, когда голову раздирали мрачные мысли, он старался смыть их водкой.

Привычка к выпивке становилась пагубной. Вырвавшийся из-под родительского присмотра Халатин уже и натошак пропускал одну-две рюмочки. На горизонте маячил призрак алкоголизма. Благо, Костя сумел взять себя в руки и, поварившись с годик в эстрадном котле, вернулся к работе по прежней специальности, с удовольствием окунулся в разработку новых компьютерных программ. У него было стойкое ощущение загулявшего мужа, который из-за мимолетного увлечения бросил законную жену, нахлебался с новой вертихвосткой неприятностей, а теперь вернулся в семью, где наконец-то по-настоящему смог оценить преимущества этой тихой заводи. О коварной разлучнице, заманившей его в свои сети, в данном случае о шоу-бизнесе, вспоминал с нескрываемым отвращением.

Этим-то и неприятно было неожиданное приглашение к следователю. Значит, опять придется вспоминать всех этих пронырливых певцов и музыкантов. Однако вопрос, который задал ему Турецкий в присутствии Яковлевой, оказался чисто технического свойства. Костю просили вспомнить, с какой стороны раздался тот роковой выстрел, прозвучавший 10 ноября 1999 года.

Некоторые фрагменты той картины прочно запечатлелись в его памяти. Разве можно забыть, как разъяренный человек бежит с пистолетом! Одно неосторожное движение — и ты труп. Костя тогда натерпелся страху. Тем более что чувствовал себя виноватым перед Прыжковым: действовал у него за спиной, пытался навредить ему, подкупал режиссера. Хорошо еще, сбоку к Игорю подскочил Шифман и неловко начал хватать того за руку. Тогда и Халатин, проявив хорошую реакцию, ринулся на вооруженного певца. Шифман ниже Прыжкова, поэтому тот вытянул руку с пистолетом вверх. Костя рассудил, что в таком положении выстрелить можно лишь в потолок. Поэтому он не пытался отобрать пистолет, а просто вцепился мертвой хваткой в руку бузотера. Однако не на шутку разошедшийся Прыжков всячески сопротивлялся. Правым плечом он с такой силой оттолкнул Шифмана, что тот свалился. Тут же после этого локтем левой руки сильно ударил Халатина. От мощного удара в челюсть у Кости потемнело в глазах. Он отступил на шаг, и в это время прогремел выстрел. Откуда стреляли, Костя затруднялся сказать.

— У меня у самого тогда в ушах звенело, — признался он. — К тому же я не знаю, какая громкость у выстрела. Помню только, меня удивило: вроде бы только что пистолет был над головой, дулом вверх, и вдруг пуля попадает в самое сердце. Я решил, что в пылу схватки Прыжков как-то нерасчетливо перевернул его. Все произошло не то что быстро — мгновенно,

никто ничего не разобрал. Но, припоминая тот момент, я склонен думать, что выстрелили откуда-то сбоку. Такое у меня создалось впечатление.

Его слова лишний раз подтвердили догадку следователей о выстреле со стороны.

Глава 50

ОБЫЧНАЯ ИСТЕРИКА

До закрытия парикмахерской оставались считанные минуты. В женском зале была одна клиентка — у маникюрши. Светлана — невысокая крепенькая блондинка, уже освободилась. Джинсы на ней так обтягивали зад, что, казалось, при малейшем движении лопнут.

По предложению Яковлева, они втроем прошли в комнату, где обычно отдыхали сотрудницы.

— Сейчас милиция расследует одно дело, связанное с неизвестным инвалидом Дергачевым, — объяснил девушке Владимир и спросил: — Вы брали у него на днях деньги?

Светлана смутилась — она решила, что речь идет о плате за стрижку. В парикмахерской больше половины достается хозяйке, остальное мастерице. При обслуживании же на дому все доставалось ей одной. Поэтому Светлана испугалась, что речь сведется к неплате налогов. В ходе разговора недоразумение быстро выяснилось. Девушка клятвенно заверила оперативников в том, что никаких денег от Дергачева не получала и, стало быть, никому не передавала. Милиционеры успокоили ее, сказав, что сообщать о приработке хозяйке не собираются.

Оперативники покинули парикмахерскую с легким ощущением, что бойкая девушка способна им соврать.

Пока шли плохо освещенными закоулками к си-

луяновскому дому, Урусов рассказывал о себе. Как поступил в школу милиции, как потом работал участковым инспектором, как женился, какой у него замечательный сын.

Наконец они подошли к блочному дому-башне. Щели между блокам[^] были замазаны черным варом. Казалось, чья-то гигантская рука обвела каждый блок рамкой, словно желая подчеркнуть его индивидуальную роль в деле массового жилищного строительства.

У Силуяновых была точно такая же двухкомнатная квартира, как и у Дергачевых. Там живут трое, Сергей с родителями, и здесь трое — мать, Катька и Геныч. У него, как у единственного мужчины, имелась своя комната, дальняя. Там же находится письменный стол, за которым днем занималась Катька. Когда оперативники пришли, ее не было дома.

— Нам известно, что ваш приятель Сергей Дергачев раздобыл где-то деньги на не совсем благое дело. Он хочет расправиться со своим давним обидчиком, по чьей инициативе сделался инвалидом. Строго говоря, степень вины Дергачева в данном случае невелика. Слышали ли вы что-нибудь об этом?

По виду Геныча было заметно, что он поставлен в трудное положение. Он прекрасно понимал, что, если ничего не скажет, оперативники с тем же вопросом поедут на работу к Витальке. На фабрику тому позвонить невозможно, и получится дурацкая ситуация. Он промолчит, а Виталька может сказать. Оперативники могут и разделиться, они же не знают, что с Виталькой сейчас нельзя встретиться. Один из оперативников поедет на фабрику, а второй останется с Генычем, следить, чтобы он не позвонил. Короче говоря, менты поставили его в безвыходное положение. Но Сереге, похоже, вреда от этого не будет.

— Это Катькин начальник расщедрился, сестры моей. У него тоже с тем человеком какие-то счеты. Самого его я не знаю.

— Где работает ваша сестра?

— В какой-то фирме, точно не знаю. Торгуют газетами, книгами. Еще они выпускают брошюры с кроссвордами.

— Она сейчас на работе?

— Девятый час. Вряд ли.

— Вы ее телефон знаете?

— Конечно.

— Позвоните на всякий случай, вдруг она еще там, — попросил Яковлев.

— Что сказать-то?

— Я сам поговорю с ней.

Геныч набрал номер и некоторое время слушал длинные гудки.

— Никто не подходит.

— Ладно, подождем. Когда ваша сестра приходит?

— По-разному. Может, с подругами куда пошла.

Геныч не знал телефоны никого из Катиных сотрудниц, не помнил и фамилию ее начальника. Оперативникам оставалось набраться терпения и ждать прихода девушки. Им повезло — она появилась примерно через полчаса.

По постному выражению лица брата Катя сразу догадалась, что эти молодые люди — незваные гости. Но поскольку те выглядели довольно прилично, не испугалась. Лишь слегка оробела, когда один из них, приветливо поздоровавшись, сказал:

— Мы из милиции, интересуемся делом, связанным с Сергеем Дергачевым, и нам требуется ваша помощь. Скажите, пожалуйста, как зовут вашего начальника?

Почуввав недоброе, Катя пролепетала:

— Станислав Львович.

— Фамилия?

— Ледовских.

— Насколько нам известно, он оказал Дергачеву определенную финансовую поддержку, для того чтобы

Сергей с помощью каких-то московских знакомых, как говорят, разобрался со своим давним врагом. Поэтому нам нужно срочно поговорить со Станиславом Львовичем.

Какое-то мгновение Катя с расширившимися от ужаса глазами смотрела на оперативников, потом вскочила со стула и ринулась в соседнюю комнату, откуда послышалось оглушительное рыдание. Из кухни вышла не сказавшая за весь вечер ни слова мать. Она и Геныч растерянно смотрели на визитеров.

— Успокойте ее, — кивнул Урусов.

Мать шустро юркнула в комнату, туда же зашел и Геныч. Яковлев попросил его не закрывать дверь.

~ — Только устроилась на работу... — всхлипывала Катя, — и сразу доносить на начальника... Меня в два счета вышвырнут.

Решительно подойдя к лежавшей на кровати девушке, Яковлев сказал:

— Катя, я могу гарантировать, что все сказанное вами сейчас никоим образом не отразится на работе. Слово офицера. Его отношения с милицией — не игрушки. Если Ледовских сильно виноват, у вас будет другой начальник. Если он останется на месте, то мы его так припугнем, что не вы его, а он вас будет бояться пуще огня.

— Катюша, ты, может быть, сама начальницей станешь, — сказала мать, подойдя к ней и ласково поглаживая по голове.

Первая сказанная матерью за вечер фраза возымела благотворное действие. Катя уселась на кровать, вытерла платком слезы, размазав тушь по лицу, после чего спросила:

— Что мне нужно сделать?

— Расскажите, пожалуйста, как вы узнали про то, что Ледовских дал деньги на разборку с Серебровым.

— У нас со Станиславом Львовичем хорошие отношения. — Катя еще раз всхлинула, но потом уже

говорила спокойно. — Однажды я сказала ему вскользь, что моя подруга закончила Институт культуры. А он ответил, что у него с этим институтом давние счеты, мол, там учился человек по фамилии Серебров, который причинил ему большие неприятности — разгромил его студию звукозаписи. Раньше я слышала эту фамилию от Сергея — Серебров кого-то подговорил, чтобы его избили. Теперь он хочет разыскать того, чтобы отомстить. Но Серебров живет в Москве, и людям нужно заплатить деньги. Тогда они ему руки-ноги переломают. Я и рассказала об этом Станиславу Львовичу. Сказала, что у Сергея таких денег нет. А он попросил меня познакомить с Сергеем. Я и познакомила.

— Ясно. Какую сумму он выделил на эту операцию и кому передавались деньги в Москве, вы знаете?

— Нет. Я только познакомила Станислава Львовича и Сергея. А уж о чем они договаривались, не знаю.

— Родители Дергачева говорят, что за прошедший месяц к сыну заходили вы, ваш брат и Виталий Шумский, — вступил в разговор лейтенант. — А где познакомились Сергей и Ледовских?

— На улице. Станислав Львович почему-то не хотел заходить в квартиру. Поэтому мы подошли к Сергею, когда тот гулял.

— Значит, ваша роль в этом деле пассивна, — сделал вывод Яковлев. — Нужно разговаривать с Ледовских. Где он сейчас находится?

— Этого я не знаю.

— Он молодой человек?

— Двадцать семь лет. И неженатый. Мало ли куда он может пойти.

— Это точно. В двадцать семь лет он директор фирмы. Значит, крутой. Наверняка у него есть мобильный телефон.

— Да. Он всегда с ним ходит, только дома выключает, — подтвердила Катя.

— Вы знаете номера и домашнего, и мобильного?
Знаю.

— Не хотелось бы случайно спугнуть, — произнес Яковлев и задумался. После паузы он спросил: — У вас принято так, что сотрудник вечером звонит директору и о чем-то его спрашивает?

— Можно, — тихо ответила Катя. По тому, как она это сказала, оперативники поняли, что ее и Ледовских связывают не только служебные отношения.

— Давайте сделаем так, — предложил Яковлев. — Вы позвоните ему сейчас на мобильный. Если откликнется, скажите, что у вас болит зуб и вы завтра пойдете к врачу, поэтому задержитесь. Но не это главное. Главное — нужно спросить, где он сейчас находится да когда будет дома.

— Вы сразу дайте нам его телефоны, — попросил Урусов. Катя продиктовала, после чего набрала номер мобильного.

— Отключен, — сказала она.

— Значит, есть вероятность того, что Ледовских дома, — сказал Яковлев. — Вам, Катя, это даже на руку: директор и не узнает, что мы с вами разговаривали. Он где живет?

— На Краснополянской улице.

Володя вопросительно посмотрел на Урусова.

— Отсюда далековато, — сказал лейтенант. — Нужно позвонить в управление, может, найдется свободная машина.

Машина была, и Урусов долго обсуждал с диспетчером ориентир, где можно встретиться. Чтобы не плутать водителю по дворам, договорились ждать его на Сибирской улице, возле кукольного театра. Кате пришлось ехать с ними, так как она не помнила ни номера дома, ни номера квартиры. Могла только показать.

Когда они подъехали к нужному дому, в одном из окон квартиры Ледовских горел свет. Не выходя из машины, Володя набрал номер телефона:

— Станислав Львович, с вами говорит оперуполномоченный московского уголовного розыска Яковлев... Вы не пугайтесь раньше времени, я ведь даже еще не сказал, зачем приехал. Да, в Перми. Больше того — сейчас я и оперуполномоченный городского ГУВД лейтенант Урусов находимся возле вашего подъезда. Мы поднимемся, а вы уж, будьте любезны, откройте нам... И документы покажем. В принципе, мы можем пригласить вас повесткой. Но тогда получится допрос, а мы хотим просто побеседовать.

Глава 51

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В другое время Шаргородский с его стальными нервами через минуту начисто забыл бы про подобные звонки. Однако перед отъездом из Москвы он, впервые в жизни, затеял такую финансовую авантюру, что вскоре сам пожалел. Из-за этого Валерий Антонович последние дни находился в угнетенном состоянии.

Правы, тысячи раз правы французы со своей ставшей уже хрестоматийной поговоркой насчет того, что в каждом несчастье нужно искать женщину. Женский след отпечатался и на ситуации, безмерно тяготившей сейчас Валерия Антоновича, слывшего ранее эталоном честности и порядочности.

Осенью Наташа дала ему ясно понять, что ей хочется иметь к зиме норковую шубку. Нет, она не требовала, не просила, не клянчила. Однако стоило ей увидеть по телевизору такое меховое чудо, как жена начинала вздыхать: «Ой, да почему же эта кикимора щеголяет в норковой шубке, а я до сих пор вынуждена ходить в дубленке». Слово «кикимора» с одинаковым успехом могло относиться к любой артистке вплоть до Марлен Дитрих и Николь Кидман.

Свои жалостливые сентенции она произносила, не глядя на находившегося рядом Валерия Антоновича. Это были якобы раздумья вслух, своего рода произвольное озвучивание мыслительного процесса. Однако любящий муж, словно локатор, улавливавший даже малейшие желания Натальи, не мог не намотать себе на ус заветного.

Шаргородский был состоятельным человеком, однако большой тягой к накопительству не отличался. Он покупал все необходимое, а порой даже лишнее, остальные же деньги, как истинный бизнесмен, куда-нибудь вкладывал. За время знакомства с Натальей он уже осыпал ее бриллиантами и прочими цацками. Так получилось, что свободных денег на дорогой подарок в ближайшее время не предвиделось.

Так же как и французская поговорка про женщину и несчастье, нашим людям хорошо известна расхожая шутка о том, что если нельзя, но очень хочется, то можно. Несколько лет назад Шаргородского, как бывшего летчика, избрали председателем областной федерации спортивного планеризма. Валерий Антонович не придавал большого значения этой общественной деятельности, да и трех штатных сотрудников, вернее, сотрудниц работой не обременял. Те, правда, сами каким-то образом находили себе занятие, дисциплинированно докладывая о всех делах шефу. Помимо организации редких соревнований, что являлось основной работой федерации, приходилось выполнять и другие, порой весьма экзотические функции. В частности, недавно председателю пришлось принять двести тысяч рублей от устроителя одной из лотерей. Деньги были вручены Шаргородскому, что называется, на законных основаниях: эта сумма составляла десять процентов от прибыли коммерсанта, и по существующим правилам тот должен был потратить их на развитие какого-нибудь вида спорта. Лотерейщик выбрал планеризм. При встрече объяснил Шаргородскому,

что в свое время безмерно увлекался полетами на планерах, каждый год обязательно ездил в излюбленное место фанатов такого экстрима — крымский Коктебель, потом из-за сильной травмы был вынужден прекратить это занятие. Однако любовь к воздухоплаванию по-прежнему жива в его душе, поэтому он решил отдать деньги соответствующей федерации — купайте экипировку, ездите на соревнования.

Шаргородский тоже обожал планеризм, которым фанатично увлекался в юности. Только с годами в его жизни появились и другие интересы.

Встретившись с коммерсантом в частной обстановке, Валерий Антонович предложил ему так называемый откат. За то, чтобы устроитель лотереи не интересовался дальнейшей судьбой вносимых денег, председатель федерации предложил вернуть ему половину суммы и пакет документов для отчета перед проверяющими организациями.

Их разговор происходил как раз накануне его командировки в Чехию, и теперь Валерий Антонович опасался, что лотерейщик обратился в милицию, обвинив его в коммерческом подкупе. Тогда, по предложению коммерсанта, они встретились в маленьком китайском ресторане в районе Таганской площади. Раньше Шаргородский в нем не бывал, а у коммерсанта среди обслуги, заметил, сплошные знакомые. По просьбе завсегда перерывы вполне могли записать на диктофон или на видео. Поэтому звонки незнакомых людей казались сейчас весьма подозрительными, тем более что одна женщина представилась оперуполномоченным уголовного розыска. Она, правда, интересовалась неким Наташиным земляком, но это может оказаться элементарной уловкой. На самом деле ей нужно было ненароком узнать, когда он возвращается в Москву, чтобы сразу по прилете арестовать его.

Нужно ли добавлять к этому, что последние два

дня пребывания в столь любимой им Праге были совершенно испорчены, так же, впрочем, как и ночи, — Шаргородскому плохо спалось. Он беспрерывно пытался придумать оптимальный план выхода из создавшейся ситуации. Можно сделать вид, что потерял билет, можно сказать больным или погостить у чешского коллеги в деревне, тем более что тот настоятельно приглашал. Но все это как мертвому припарки. Ну, будет отсрочка на несколько дней, а дальше что? Позвонить лотерейщику и обратить все в шутку? Опасно: наверняка сейчас их телефоны прослушиваются. Еще хуже будет — решат, что он испугался. Лучше сделать вид, что он вообще забыл о том разговоре. Мало ли что способен брякнуть подвыпивший человек.

Валерий Антонович воспользовался страусовой политикой — после второго загадочного звонка отключил телефон. Не придумав больше ничего оригинального, он обреченно отправился в Москву, с ощущением приговоренного, поднимающегося на эшафот.

Из-за нелетной погоды — в Москве была первая в новом зимнем сезоне метель — самолет прибыл с почти часовым опозданием. Благополучно миновав паспортный контроль, Шаргородский постарался как можно незаметней прошмыгнуть по «зеленому коридору», что тоже, к его удивлению, удалось. Еще до отъезда он попросил одного из водителей фирмы сегодня его встретить. Договорились состыковаться в центре зала, под табло с расписанием прибытия самолетов. Сейчас Валерия Антоновича встревожило еще одно обстоятельство — если те люди «вычислили» его в Праге, с такой же легкостью они установят, что в аэропорту его встречает один водитель. Еще чего доброго устроят ему ловушку. Сами же намекнули на безопасность. Поэтому в зале прилетов Валерий Антонович вильнул в другую сторону и, выйдя из здания аэровокзала, взял, не торгуясь, первое попавшееся под

руку такси. «Скажу потом, что разминулись», — заранее придумал он отговорку.

Пасмурный день — в четыре часа уже смеркалось — и огромная пробка на Ленинградском шоссе не способствовали душевному подъему. Настроение как было противным, так и осталось. Даже когда Шаргородский добрался до дома, на душе по-прежнему скребли кошки. Подойдя к двери своей квартиры, он поставил сумку на пол и достал ключи. Валерий Антонович на один оборот повернул ключ нижнего замка, когда с лестницы к нему метнулась мужская фигура. Тут же он почувствовал, как сильные руки схватили его за голову, и потерял сознание...

Глава 52

ДОБРОВОЛЬНОЕ ПОЖЕРТВОВАНИЕ

У Дергачевых и Силуяновых были похожие квартиры, обставленные дешевой мебелью — непременный сервант с хрусталем, ковер над диваном, экран стоявшего на тумбочке телевизора накрыт белой салфеткой. Интерьер квартиры Ледовских выглядел значительно изысканнее. Молодой состоятельный холостяк мог позволить себе роскошь оснастить свой быт всевозможными новинками, начиная от микроволновки и кончая шкафом-купе. Над кроватью к стене прикреплено огромное круглое зеркало без рамы. Если бы Станислав посмотрел сейчас в это зеркало, ему стало бы тошно. Он увидел бы бледное, покрытое испариной испуганное лицо. По телефону Ледовских говорил решительно, даже высказал сомнение насчет их принадлежности к органам правопорядка. Однако стоило молодым уверенным людям появиться в его квартире, как спесь мигом улетучилась. Он и про документы-то вспомнил, потому что те сами предъявили

удостоверения. Правда, с таким же успехом они могли их не показывать: от страха Станислав плохо соображал, что читает. Сунул нос в «корочки» и тут же забыл должности пришедших, их имена. Осталась только убежденность в их подлинности. Но он-то как раз ничего не имел против, если бы те оказались фальшивыми.

— Протокол мы вести не будем, — сразу предупредил Яковлев. — Если разговор окажется бесплодным, то кому он нужен? А если вы ответите на наши вопросы, то мы занесем ваши слова в записную книжку. В общих чертах нам известно, что в свое время Серебров разгромил вашу студию звукозаписи и вы считаете его своим врагом. Вы даже выделили деньги для каких-то москвичей, которые теперь должны с ним расправиться. Нас интересует, где в Москве живет Серебров и кто те наемные мстители?

По примеру Турецкого, Володя Яковлев обращался со всеми допрашиваемыми подчеркнуто вежливо, на «вы». Когда он только начал служить, у него порой прорывалось высокомерное амикошонство, но, услышав ответы вроде «Я с вами гусей не пас» или «Мы на брудершафт не пили», зарекся от подобной манеры. Володя знал, что многие милиционеры без зазрения совести «тыкают» задержанным, независимо от их возраста, и теперь сразу хотел продемонстрировать провинциальному оперу правила хорошего милицейского тона. Ему почему-то казалось, что тот способен нагрубить Ледовских, хотя Сергей не грешил такими замашками.

— Да. Я действительно зол на Сереброва, который разгромил мою студию, — подтвердил Станислав. — Я здорово потратился, и все пошло псу под хвост.

— Когда это произошло?

— В июле 1999 года.

— А почему вы решили отомстить своему обидчику только сейчас?

— Я недавно узнал, чьих рук это дело, — сказал Ледовских и замолчал.

— Продолжайте, — подстегнул его Урусов. — От кого узнали, насколько эта информация безошибочна?

— Об этом мне сообщил наш общий знакомый Эдуард Саблин. Он живет в том доме, где была студия. Как-то он возвращался поздно и случайно увидел выходящего оттуда Андрея. Но тогда мне ничего не сказал, а сейчас, когда ему понадобились деньги, решил продать эту информацию.

По ходу беседы Яковлев любил уточнять свои выводы:

— Значит, сначала вы потратились на информацию, а потом решили пожертвовать деньги на устранение Сереброва. Правильно я вас понял?

— Мне за это что-нибудь будет? — вместо ответа пролепетал Станислав.

— Подстрекательство, грозит срок. Но вы пока об этом не думайте. Лучше скажите пару слов о Саблине. Почему вы ему сразу поверили? Не мог ли он ошибиться или, более того, возвести на человека напраслину, чтобы заработать денег?

— Честно говоря, я и сам подозревал Сереброва. Андрей дружит с Наташей Козельской, а мы без ее разрешения включили в свой альбом песню, которую она исполнила. Наташа могла пожаловаться Андрею, и тот разозлился на меня. Что касается Саблина, думаю, ошибиться он не мог, поскольку хорошо запомнил Сереброва по одной вечеринке, на которой они повздорили. Это было как раз дома у Козельской. В то время я не расставался с магнитофоном и даже записал их ссору.

— Интересно. У вас сохранилась эта кассета? — спросил Яковлев с интонацией охотника, боящегося спугнуть заманчивую добычу.

— Где-то есть.

— Значит, так, Станислав Львович, — решительно

сказал москвич. — Если вы по-настоящему согласны помочь нам, вы сейчас же найдете кассету с записью той ругани.

Ледовских с готовностью бросился к шкафу, где бессистемно хранились старые аудиокассеты. Он осматривал их и складывал на полу, сортируя по какому-то лишь ему известному принципу. Некоторые вставлял в магнитофон, начинал слушать, потом с разочарованным видом вынимал. Оперативники терпеливо следили за ходом поисков.

Наконец озабоченное лицо Ледовских прояснилось.

— Вот, — подтвердил он.

Погоняв кассету несколько раз туда-обратно, Станислав Львович поставил запись на нужное место. Качество звучания было хорошим.

— Пусть бесится ветер жестокий
В тумане житейских морей —
Белеет мой парус,
Такой одинокий
На фоне стальных кораблей!.. —

горланил явно подвыпивший парень, безбожно перевирая известную мелодию.

— Дисканты, тише, умоляю! — со смехом прервал его сидевший рядом ровесник.

Певший осекся и обиженно произнес:

— С какой стати вдруг тише? У нас, кажется, свобода слова.

— Слова, но не громкости. Уж если так петь, то нужно очень тихо и, желательно, без свидетелей.

— То есть? Или тебе не нравится мой сочный баритон? Может, сам продемонстрируешь, как нужно петь? Нет? Тогда помалкивай, мой сиплый друг.

Послышался стук упавшего стула, женский визг и утихомиривавшие голоса:

— Ну, ладно, хватит... Нашли место... Выпили на

копейку, а шума на рубль... Чего он тогда возникает...
А ты тоже хорош...

На этом запись обрывалась.

Ледовских объяснил:

— Дальше было неинтересно, и я выключил маг.

Яковлев попросил у него сделать копию. Он знал, что Турецкий увлекается новым видом судебной экспертизы — фоноскопией, позволяющей установить человека по устной речи, зафиксированной на магнитной ленте. Нужно будет сравнить серебрянский голос с тем, который есть на записи телефонных разговоров Репиной.

Получив нужную кассету, Владимир продолжил расспросы:

— Станислав Львович, кто эти люди, которым вы «заказали» Сереброва? Пока убийство не произошло, все поправимо. К тому же будут приняты во внимание добровольное признание и ваша серьезная помощь следствию.

— Я бы рад помочь, но этих людей не знаю. С ними договаривался Дергачев.

— У него-то какой интерес в этом деле?

— Сергей считает, что Серебров подговорил каких-то людей избить его, после чего он и стал инвалидом. Естественно, он хочет ему отомстить. Я случайно узнал об этом от нашей сотрудницы, брат которой дружит с Сергеем.

— То есть интересы ваши совпадают. У вас есть деньги, но нет в Москве людей, способных взяться за такую грязную работу. А у Дергачева такие люди есть, но нет денег, чтобы им заплатить, — опять проявил свою прозорливость Яковлев. — И вы финансируете это предприятие?

- Да .

— Каков был механизм передачи денег? Я имею в виду, аванса.

— Я отдал их нашей сотруднице Екатерине Силу-

яновой, а уже та — непосредственно Дергачеву. Сергей сказал, что за ними зайдет какой-то проводник с московского поезда. У тех людей через него постоянная связь с Пермью, он регулярно передает что-то им и от них.

— То есть деньги переданы с оказией через какого-то проводника. — Яковлев вопросительно посмотрел на Урусова.

— Придется искать проводника, — ответил тот на безмолвный вопрос. — Не думаю, что их на московском рейсе очень много.

— Так-то оно так, но нет же никаких примет. Дергачев-старший говорил, что никто из незнакомых за последний месяц не заходил.

— Значит, проводник подошел к Дергачеву, когда тот находился на улице. Надо будет поспрашивать у жильцов. Может, кто-нибудь его случайно видел. Тот вполне мог даже в форме зайти. Он ведь не делал ничего противозаконного.

— Какой аванс они потребовали? — спросил Яковлев у Станислава Львовича, а услышав сумму, даже присвистнул: — И вы еще сомневаетесь, что это убийство?!

Часть шестая

ПО СЛЕДУ ПОХИТИТЕЛЕЙ

Глава 53

ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ПЛЕН

Когда Шаргородского сводили по лестнице, ему залепили рот широким скотчем телесного цвета, а в машине на голову набросили плотный, судя по запаху, брезентовый мешок. Его усадили на заднем сиденье между двумя мужчинами, и машина тронулась. Куда они едут? Что это? Кто это? Возможно, что-то связанное с лотерейщиком, которому он предложил откат. Захотят отобрать все деньги, будут шантажировать? Или причиной послужил скромный автомобильный бизнес фирмы, в которой он работал?

Шаргородский заставил себя отвлечься от дурных мыслей и сосредоточился на дороге. Пытался понять, в какую сторону его везут. По числу поворотов — когда машина поворачивала налево, его прижимало к сидящему справа молчуну, при правом повороте — к левому соседу, по усиленному шуму на Садовом кольце, предположил, что его везут в северном направлении. А вот выехали на Ленинградское, Дмитровское или

Алтуфьевское шоссе — сказать трудно. Остановились примерно через час, значит, пределы города не покинули. Уже хорошо.

В квартире с его головы стянули мешок, и Валерий Антонович увидел, что находится в компании пятерых мужчин. Разглядел он их плохо, поскольку электрического света не зажигали — ограничились пламенем одной свечи, стоявшей в пустой консервной банке. Шаргородскому разрешили сходить в туалет, предложили чая — он отказался — и уложили спать, предварительно связав ему руки и ноги. Как ни странно, Валерий Антонович быстро заснул.

Проснувшись, Шаргородский увидел, что находится в предельно скудно обставленной комнате. Кроме софы без спинок, на которой он спал, здесь стояли два стула, сложенная раскладушка и деревянный сундук, обитый медью. В старину такой был бросовой вещью, а нынче можно считать антиквариатом.

Окна были затянуты плотными шторами, но дневной свет пробивался сквозь них. Судя по всему, дом из новых, этаж высокий — шум машин доносится снизу.

Руки и ноги у Шаргородского были по-прежнему связаны. Голова тяжелая, видимо, его усыпили какой-то химической гадостью. Хотелось в туалет. Из-за закрытой двери доносились приглушенные мужские голоса.

— Можно кого-нибудь? — громко крикнул Валерий Антонович.

Через минуту в комнате появился молодой парень в джинсах и свитере грубой вязки. Несмотря на молодость, у парня был полон рот золотых зубов.

— Здравствуйте, — сказал он. — Оклемались уже?

— Кто-нибудь может объяснить мне, что происходит? — спросил Валерий Антонович.

— Я не могу, — сразу расставил точки над «и» па-

рень. — Нам велели просто охранять вас здесь. Мы даже не знаем, за что вас похитили.

Это обыденно сказанное «похитили» привело Шаргородского в уныние. Вот уж чего он не представлял себе в жизни, так это оказаться в роли похищенного.

— Если вам нужно в туалет, руки я развяжу, — сказал парень. — А ноги не положено, так оставлю. И не вздумайте развязать самостоятельно. Хуже будет.

Говорилось все это настолько беззлобным тоном, что было трудно поверить в серьезность его угроз.

Со связанными ногами Валерий Антонович передвигался очень медленно. Выйдя в коридор, понял, что находится в однокомнатной квартире. Окно в кухне было задернуто такими же коричневыми портьерами, что и в комнате. За столом сидел крупный белобрысый парень, он вежливо кивнул Шаргородскому. На столе набитая окурками пепельница, колода карт и пистолет.

Дверь туалета золотозубый закрыть не разрешил. Стоял в коридоре и внимательно наблюдал за действиями Валерия Антоновича. Потом проводил его в комнату.

— Вы чаю хотите? — крикнул из кухни крупный.

— Попозже, — отозвался Шаргородский.

— Если желаете, можете прилечь, можете посидеть. Как хотите. Только руки я вам опять свяжу, — сказал золотозубый. — А когда поесть захотите, то тихонько крикните. Но не вздумайте орать слишком громко с просьбой о помощи. Тогда мы вам рот заклеим. Так велено.

— И долго мне придется находиться здесь?

— Мне-то откуда знать? Приедет Дмитрий Федорович, он все и расскажет.

— А когда он приедет?

Золотозубый возмутился:

— Слушайте, вы же совершенно взрослый человек.

А ведете себя, как настоящий маленький ребенок. Столько вопросов задаете, что даже слышать странно. Когда приедет, тогда и приедет.

Пристыженный Шаргородский самостоятельно кое-как улегся на софу и принялся раздумывать над возможными причинами, из-за которых оказался в плену.

Потом его конвоиры еще несколько раз упоминали загадочного Дмитрия Федоровича, причем иногда называли его Федором Дмитриевичем, из чего Шаргородский сделал вывод, что имя вымышленное.

Условный Дмитрий Федорович явился часа через три после пробуждения пленника. Это был человек средних лет с предельно невыразительной внешностью.

Дмитрий Федорович приказал своим сатрапам развязать похищенному руки, и, взяв стул, сел рядом с ним. Потом предложил Валерию Антоновичу закурить.

— Спасибо, не курю.

— А я, с вашего позволения, подымлю.

Закурив сигарету «Империл» — даже некурящий Шаргородский знал, какая это дорогая марка, — Дмитрий Федорович сказал:

— Мы уже обращались к вам с просьбой сказать о местонахождении Сереброва. Вы не в курсе дела. По вашему тону я понял, что вы говорите правду. Но ваша супруга наверняка знает какие-нибудь его координаты, старые или новые, не может не знать. В музыкальном училище они занимались у одного преподавателя. После окончания он на первых порах помогал организовывать ее выступления, был ее продюсером. Сейчас Серебров где-то в Москве. Наверняка они пере званиваются.

— А зачем вы вообще разыскиваете этого человека? Кто вы такие?

— Начну с ответа на второй вопрос. Условно гово-

ря, мы частное детективное агентство. Получили такой заказ — разыскать этого человека. Зачем? В принципе, это вас не касается. По большому счету, это и нас не касается. Но в данном случае никакого секрета нет. Могу сказать, что он не безгрешен, наломал много дров, милиция и суд по нему тоже плачут. Однако Наталья Александровна не дает о нем никаких данных. Вот скоро она возвращается в Москву, мы ей и скажем: «Или, голубушка, скажите, где Серебров, или вашему мужу хуже будет».

— Давайте позвоним ей прямо сейчас.

— Да звонили уже, звонили. Отключила она телефон. Вы же в Праге свой отключили, она то же самое сделала в Канаде. Видно, у вас это семейное — чуть что, перерубать связь с внешним миром. Вы, конечно, можете звонить ей в любое время, хоть сейчас. Там сейчас около трех ночи, легче застать человека на месте. Но это бесполезно. Вернется в Москву, сами позвоните ей и строго-настрого прикажете сказать правду. Пока же вам придется набраться терпения и ждать. Поверьте, мы не собираемся делать вам ничего плохого. Знаю, что вы бывший летчик. А ведь я и сам в авиации служил, под Питером. Славное было время.

У Валерия Антоновича мелькнула мысль, что они разыскивают парня с подругой, которых Наташа поселила на несколько дней у него в Звездном. Но ничего говорить об этом не стал. Во-первых, это всего лишь предположение. Во-вторых, жильцов там давно нет. В-третьих, жене он доверял, ее круг общения составляли приличные люди. А вот Дмитрий Федорович и его компания доверия не внушают. Если человек от них прячется, значит, ему нужно помочь.

Шаргородский хладнокровно прикинул, что жена возвращается в пятницу вечером, похитители сразу ей позвонят и узнают все их интересующее. Значит, в субботу утром его освободят.

ПОЙМАННЫЙ ГОЛОС

Вернувшись вечером в гостиницу, уставший и проголодавшийся Яковлев первым делом позвонил в Москву. Даже с учетом двухчасовой разницы во времени, можно считать, было поздно. Большинство москвичей уже спали. Но у следователей во время интенсивной работы свои отношения со временем. Они привыкли к тому, что их часто будят среди ночи, да и сами запросто могут так поступить. Это у нормальных людей ночной звонок вызывает тревогу и учащенное сердцебиение. У сыщиков другие критерии. Ведь Турецкий ждет не дождется такого сообщения, значит, счастлив будет узнать новость. И точно — когда Александр Борисович услышал про кассету с записью голоса Сереброва, он возликовал.

— Володя, милый, это же для меня царский подарок! Под Новый год я эту кассету на елку повешу. Когда ты возвращаешься в Москву? Завтра?

— Ну что вы, Александр Борисович! У меня на очереди теперь другая цель — нужно разыскать проводника, взявшего у инвалида деньги.

— Тогда передай эту кассету с оказией, — Взмолился Турецкий. — У нас сегодня понедельник?

— У вас, может, понедельник. А у нас уже почти два часа как вторник.

— Никогда не поверю, чтобы кто-нибудь из ГУВД или прокуратуры в обычный вторник не летел в Москву. На худой конец обратись в правительство области.

Пришлось ни свет ни заря тревожить Урусова. Дотошный Олег без труда нашел оказию — утренним рейсом в Москву улетал сотрудник областной прокуратуры. Лейтенант передал ему кассету, которая в тот же день оказалась в руках Александра Борисовича.

Развитие телефонной техники рано или поздно не

могло не привести к появлению нового вида экспертизы — фоноскопии. Она возникла тогда, когда специальными исследованиями было установлено, что голос человека столь же индивидуален, как неповторимы отпечатки пальцев. Эта индивидуальность зависит от строения органов, которые участвуют в речевом процессе. Они не могут быть одинаковы уже от рождения. К тому же на них обязательно влияют патологические изменения и отклонения от нормальной деятельности, вызванные повреждениями или тому подобными причинами.

Голос человека, сформировавшийся к двадцатилетнему возрасту, на протяжении всей жизни обладает комплексом конкретных признаков, которые присущи ему и только ему. Они-то и используются в следственной практике для его отождествления.

По словам Ивана Ивановича Кирилова, после избиения и сильной простуды у Сереброва была сильно повреждена гортань, из-за этого он и перестал петь. Восьмимартовская перепалка с Саблиным произошла после того трагического происшествия. Значит, можно будет легко сопоставить эту запись с той, которая сделана Репиной.

Когда Турецкий назначил фоноскопию, к нему в кабинет пришел за материалами эксперт Мдивани, тучный, страдающий одышкой человек. В это время Александр Борисович потянулся за сигаретой, за что получил очередную выволочку. Зная все факторы, оказывающие вредное влияние на голос, Ираклий Платонович сам не курил и на чем свет стоит ругал курильщиков, уговаривая их отказаться от столь пагубной привычки. Свои воспитательные беседы он при каждом удобном случае проводил и с Александром Борисовичем. Однажды они вместе шли от Петровки до метро «Пушкинская». Мдивани привычно ругал следователя сначала за пристрастие к табаку, потом неожиданно обрушился на другой его недостаток —

быстро ходить. Сам он ходил медленно, задыхался, каждые десять минут останавливался. В конце концов Турецкий спросил его: «Слушай, почему ты все время отстаешь? Кто из нас курит?»

Отдавая материалы на фоноскопию, Турецкий сто раз повторил Ираклию Платоновичу, что его интересует одно — тот же самый ли человек разговаривал с Репиной, который повздорил на вечеринке с Саблиным? Помимо кассет Мдивани были переданы распечатки всех разговоров, там Александр Борисович подчеркнул красным фломастером все серебрявские реплики.

— Что ты так волнуешься! Ничего я не перепутаю, — успокаивал его Мдивани.

Волновался же Турецкий по понятной причине: он нашел подозреваемого, для определения которого была поневоле выстроена сложнейшая логическая ловушка. Если сейчас один из важных гипотетических выводов не впишется в эту конструкцию, она рухнет. Тогда половина проделанной работы окажется напрасной. А учитывая, что попутно с репинским пришлось расследовать и давнее убийство Прыжкова, работа за эти дни проделана огромная.

Подобное чувство посещало Александра Борисовича не раз, это случалось при каждом сложном деле и напоминало состояние человека, решающего математическую задачу со многими неизвестными. Уже заменены они конкретными величинами, и ты подсчитываешь в соответствии с формулой результат. Если итог неутешительный, то есть в расчетах попалась ошибка, для ее обнаружения приходится проверять все предыдущие действия, а в этом есть обидная унижительность. Тогда снова и снова ты ругаешь себя за невнимательность, а уж если допущена элементарная промашка, да еще в самом начале следствия, из-за которой пришлось свернуть не на ту дорогу, тут уж

начнешь заниматься самоедством, будешь корить себя дни и ночи напролет, изводя порой и окружающих.

Послышался телефонный звонок, и, сняв трубку, Турецкий услышал:

— Александр Борисович, это Мдивани. Я проверил: переговоры с Репиной на всех трех фрагментах вел тот самый человек, который поссорился на вечеринке. Тут нет ни малейших сомнений. Это — Серебров.

Глава 55

КРУГЛОЛИЦЫЙ УСАЧ

Сначала оперативники ходили по квартирам первого этажа. Все же отсюда легче увидеть, что происходит во дворе. Почти каждая хозяйка много времени проводит на кухне и время от времени смотрит в окно. Да и со второго этажа все хорошо видно. Именно здесь одна женщина сказала Яковлеву, что дней пять-шесть назад видела, как Дергач фланировал в своей коляске вдоль дома, а к нему подходил какой-то человек, и они разговаривали. Описание внешности она дала самое что ни на есть туманное: в темно-синей куртке, в вязаной шапочке, круглолицый, кажется, есть усики.

В доме три подъезда. И Яковлев, и Урусов сыграли в благородство: каждый хотел взять на себя проверку двух, оставив партнеру один. В конце концов договорились разделить нагрузку поровну. Сначала проверить квартиры первых двух этажей в крайних подъездах, потом встретиться у среднего, а там уже видно будет. Может, к тому времени с проводником все прояснится.

Нет, не прояснилось. Кроме той женщины, никто ничего не видел.

Дергачевы жили в среднем подъезде. Значит,

нужно проверить одну квартиру на первом этаже, окна которой выходят на эту сторону, и две на втором. Урусов сразу поднялся туда. Один из жильцов подтвердил, что видел возле коляски Дергача незнакомца. С усиками, в такой шапочке, в каких ходят лыжники. И еще один человек сказал примерно то же самое. Одежда не примета, на-нее можно не обращать внимания, тем более что на работу проводники выходят в форме.

Оперативники еще раньше пришли к выводу, что речь скорей всего идет о проводнике фирменного поезда «Кама». Не может же пойти в город человек с проходящего поезда. Сам Дергачев не доберется до вокзала. Значит, к нему приходил кто-то из пермской бригады.

По зимнему расписанию «Кама» отправляется в Москву ежедневно без трех минут двенадцать, то есть в полдень. Двадцать один час в пути, на следующий день вечером уезжает, около суток в пути. Значит, как минимум, имеются три поездные бригады. Нужно узнать у вокзального начальства, сколько там круглолицых и усатых. Если Дергач передал деньги во вторник, как раз может оказаться, что сейчас этот проводник в пути и сегодня вернется в Пермь. Но поскольку данные очень приблизительны, проверять нужно всех. Возможно, придется звонить в Москву, чтобы проверили и ту бригаду, которая отправится на «Каме» сегодня вечером.

На вокзале выяснилось, что бригад четыре — с учетом выходного. До отправления фирменного поезда оставалось меньше часа. Инспектор по кадрам попросила зайти к ней в кабинет начальника бригады.

— Кстати, он тоже и круглолицый, и с усами, — предупредила она.

— И его заодно спросим, — сказал Яковлев. — В этом ничего криминального нет. Проводник не знает, для чего нужны деньги, которые он передает. Он даже

не обязан знать отправителей или получателей. Оказия — она оказия и есть.

Начальник бригады раздраженно ответил, что инвалида Дергачева он не знает и вообще крайне редко позволяет использовать себя в роли посыльного. В принципе, им это запрещено. Может что-нибудь передать, но только если попросят очень хорошие знакомые. Есть у него в бригаде двое усатых. У одного такое удлиненное лицо, что за версту видно. Поэтому с ним разговаривать — только время напрасно терять. Со вторым — его тоже можно было назвать круглолицым с огромной долей условности — поговорили, но к инвалиду в коляске он не заходил.

— Иметь бы детектор лжи, — мечтательно произнес лейтенант. — Без него нам туго придется. Кому охота признаваться, что передавал большие деньги.

Яковлев согласился:

— Нужно ужесточить вопрос. Если вдобавок этот проводник толкнул коляску под цементовоз, сразу предупреждать, что инвалид выжил, скоро придет в себя и тогда все равно укажет виновника происшествия.

Сегодня оставалось проверить прибывающий поезд. Если там не найдут, тогда нужно, чтобы московские оперативники прошлись по «Каме», которая уезжает вечером.

Они наскоро пообедали в привокзальном кафе, после чего Урусов поехал в управление, а Володя отправился в милицию. Он надеялся, что Дергачев пришел в сознание и сможет разговаривать, однако этого не случилось. Тогда Яковлев тоже пошел в управление. Оттуда он позвонил Турецкому, доложил о ходе следствия и заодно морально подготовил коллег к тому, что вечером, возможно, им придется отправиться на Казанский вокзал.

Предусмотрительный Урусов позвонил на вокзал — узнать, не опаздывает ли «Кама». Благо, поезд

ехал по расписанию, бригадир был уже предупрежден о том, что в Перми вся мужская часть бригады должна явиться в кабинет начальника вокзала. Яковлев не стал детализировать, мол, чтобы пришли только усачи. Тут же начнется лишняя паника. Хотя если приглашают только мужчин, ежу ясно, что кто-то из них проштрафился.

Прежде чем разговаривать с бригадиром поезда, Володя посмотрел в отделе кадров анкеты проводников этого поезда, человек пять носили усы. Они тоже явились в числе других в кабинет директора.

Яковлев обратился ко всем сразу:

— Дней пять-шесть назад возле дома номер двадцать четыре по Кавалерийской улице кто-то из проводников получил от инвалида-колясочника деньги, чтобы передать их в Москву. Как теперь выяснилось, инвалид был введен в заблуждение. Деньги у него выудили большими хитростями. Теперь он передумал и хочет забрать деньги обратно. Поскольку это все его сбережения, мы, сотрудники милиции, хотим помочь ему. Сам он плохо себя чувствует и сегодня не может прийти на опознание. Сможет явиться лишь через несколько дней. Поэтому, чтобы не терять времени, мы хотели узнать, не получал ли деньги от инвалида кто-нибудь из вас?

Наступило минутное затишье, которое нарушил скрипучий голос:

— Положим, я брал у какого-то инвалида деньги. Что из этого?

— Так я и думал! — в сердцах сказал бригадир. — Вечно с тобой, Куницын, что-нибудь случается!

— А что тут особенного? — начал оправдываться тот. — Я уже и не помню, когда со мной что-нибудь случалось.

Поблагодарив всех, оперативники отпустили проводников, оставшись с Куницыным. Выяснилось, что

деньги он получил в тот день, когда коляска Дергача опрокинулась от удара колеса цементовоза.

— Почему вы встретились на улице, а не дома? Все-таки передача крупной суммы денег...

— Когда я накануне позвонил ему, то сразу сказал, что могу зайти где-то между десятью и половиной одиннадцатого. А оттуда сразу поеду на вокзал. Сергей сказал, что обычно он в это время гуляет. Если погода позволит, то его коляска будет стоять возле подъезда. Если он не выйдет, то я зайду в квартиру.

— Кому вы передали деньги в Москве? — спросил Яковлев.

— Борису Синькову. Это мой старый знакомый по Перми, сейчас в Москве работает охранником.

— Он подошел к поезду или вы завезли деньги ему домой?

— К вагону пришел. Мы еще раньше договорились, что подойдет к прибытию.

Урусов спросил:

— А если бы вдруг по каким-то причинам Синьков не явился, вам известны его московские координаты адрес, телефон?

— Конечно. Знаю и домашний телефон, и рабочий.

Глава 56

ПОТЕРЯ СОЮЗНИКА

В пятницу утром Андрей поехал на Большую Бронную в агентство по охране авторских прав. Там он разыскал отдел, занимающийся регистрацией музыкальных произведений, где по возможности складно изложил историю с тремя песнями Янины, которые Репина приписала себе.

— Я никак не пойму, чего вы добиваетесь, — холодно ответила инспекторша.

— Неужели непонятно? Хочу, чтобы агентство указало настоящего автора этих песен.

— То есть вы хотите, чтобы я без всяких доказательств зачеркнула одну фамилию и поставила другую?

— А какие доказательства нужно представить?

— Источником авторских прав является факт публикации вашего авторского произведения. Это, так сказать, исконный и главный источник прав автора. Если вы покажете мне, что эти песни опубликованы раньше под другой фамилией, это будет убедительный аргумент.

— Публикаций не было. Но Муромцева исполняла свои песни публично, на выступлениях в клубах. Разве сам акт творчества не является более весомым источником прав автора?

— Его не всегда можно доказать в рамках стандартной юридической процедуры.

— Даже если есть свидетели?

— Не смешите меня. Разве мы можем припилить устные свидетельства к официальной бумажке, на которой указана автор Репина, даже если слышали эти песни от Муромцевой собственными ушами.

— Вы напомнили мне старый анекдот. — Андрей нервничал и пытался сам себя успокоить. — Встречая иностранную делегацию, Брежнев начинает читать по бумажке приветственную речь: «Дорогая госпожа Индира Ганди...» Референт испуганно дергает его за рукав и шепчет: «Леонид Ильич, это — Маргарет Тэтчер». Тот говорит: «Сам вижу, что Тэтчер. Но ведь тут написано Ганди».

— Аналогия неуместна, — с каменным лицом ответила женщина. — Я понимаю вашу язвительность. Больше того, я допускаю, что вы правы на все сто процентов. Подобные случаи в нашей практике встречаются сплошь и рядом.

— Если случаются, значит, аналогия уместна.

— Нет. Законодательства большинства стран придерживаются принципа, что авторство определяется

по факту публикации. Можно, скажем, предъявить договор с издателем, где черным по белому прописано имя автора. Устные же подтверждения — слишком эфемерная вещь. Но сейчас дело не только в этом. Не кажется ли вам, — она строго посмотрела на Андрея, — что такая возня не просто далека от этических норм, а попахивает кощунством? Певица трагически погибла. А мы вдруг станем вымарывать ее имя.

— А когда, по-вашему, можно начинать восстанавливать справедливость?

Инспекторша растерялась:

— Ну, я не знаю. Ведь считается, что душа покойника, кажется, покидает наш мир на сороковой день. Но... Даже если Репина была бы жива, изменить регистрацию можно только с ее согласия. Никакие свидетельства посетителей клубных вечеринок для нас не аргумент.

— Скажите, что будет, если настоящий автор обратится в суд? Ведь можно произвести музыкальную экспертизу. Муромцевой присущ свой оригинальный стиль. И как композитору, и как поэту. Его ни с чем не спутаешь. Репина же раньше никогда вообще не сочиняла. И вдруг сразу три песни, одна лучше другой, все станут шлягерами. Какие могут быть сомнения насчет плагиата?

— По приговору суда мы, безусловно, изменим регистрацию и передадим «копирайт» другому. Дерзайте, добивайтесь.

Вечером Андрей позвонил Янине и подробно пересказал ей свой разговор с инспекторшей.

— Ситуация запутанная. Тебе нужно подавать иск в суд, — решительно заявил он.

Муромцева запротестовала:

— Не хватало еще мне судиться с мертвецом! Инспекторша по всем статьям права насчет кощунства. Тут и крыть нечем. Если бы Репина была жива, еще куда ни шло. Хотя тоже противно и, наверное, бесполезно. Но сейчас я об этом и слышать не хочу.

— Неужели ты способна допустить, чтобы созданные тобой произведения кочевали под чужим именем?! Сушая нелепость. Причем это же не какие-нибудь однодневки. Их могут включать в песенники, они будут звучать годами. И никто не узнает, что они украдены у тебя.

— Ну и пусть, — хмыкнула Янина. — Подумаешь, украли три песни. Не Обеднею. Я за месяц десять новых сочиню, еще лучше. А стану таскаться по судам, превращусь в заурядную жалобщицу. Буду ходить по инстанциям и качать права. Больно мне это нужно. И не уговаривай, Артур.

Он так давно не разговаривал с ней, что даже сам забыл, каким именем представлялся. Сейчас оно прозвучало для Андрея почему-то оскорбительно.

— То есть ты готова сдать без боя всему этому кошмару: плагиату, «фабричным» малолеткам, всякой шушере!

— Лучше я уйду в андеграунд. Песни будут. В каком контексте, в каком виде — другой вопрос. Но марасть руки о всякую шушеру я не намерена!

Андрей был неприятно поражен словами Янины — он очень рассчитывал на нее. Ведь ему необходимо иметь союзника. Он столько лет борется с жульничеством в одиночку! Борется с наглостью и воровством. Считает своим долгом наказывать мошенников от эстрады. Он разгромил студию Ледовских, когда тот принялся наживать на песнях Наташи. Он уничтожил страшного Прыжкова, когда тот нагло отобрал Наташину песню. Потом прикрывался чужим именем. Он разделался с Репиной за откровенное воровство. Слишком жестоко? Но ведь иначе нельзя, не получается. Тут нет половинчатого решения. Если погрозить преступнику пальчиком и с укоризной промолвить: «Ты, Петя, не прав», это все равно что оставить ситуацию неизменной.

Увы, люди шоу-бизнеса перестали понимать обычный язык, а деньги начисто лишили их моральных

устоев. Не моргнув глазом, хапают, что где плохо лежит. Казалось бы, ребенку ясно: присвоить чужую вещь — плохо, гнусно. Провинившемуся грозит наказание, это издавна принято во всех странах. Украсть чужую музыку или стихотворение — значит стать вором. Почему же люди зачастую смотрят на такие проделки сквозь пальцы? Бог с ними, с посторонними, но как могут молчать пострадавшие?! Ограбленная Янина отказалась стать его единомышленницей. Наташу тоже при всем желании нельзя считать союзницей. А ведь когда-то они жить не могли друг без друга. Надеялся, так на веки вечные. Каждую ее обиду он воспринимал как личное оскорбление. Безжалостно, с чрезмерной жестокостью расправлялся с обидчиками. Где она теперь, его Наташа? Один муж, другой, все его мечты пошли прахом. Бандиты лишили его голоса, любимой работы, счастья. Разве он когда-нибудь предполагал, что превратится в хладнокровного мстителя?! Однако христианские постулаты насчет безропотно подставленной другой щеки ему вовсе не по нутру.

Обо всем этом Андрей, не переставая, размышлял в полупустом автобусе по пути в Звездный городок. Войдя в квартиру, он, усталый, голодный и продрогший, ничком рухнул на диван. Его знобило. Свернувшись калачиком, Андрей обхватил колени руками и долго лежал в таком положении неподвижно, в отчаянии спрашивая себя, как ему поступать дальше, и сам себе с горечью признавался, что не знает.

Глава 57

ЯНВАРЬ 1999-го

Несколько месяцев назад у них сложилась тесная компания из четырех человек, негласным лидером которой стал Серега Дергачев. У него такой характер, что он может только командовать. Подчиняться кому-

то — это для него что в сердце острый нож. Сереге дашь любой совет, пусть даже самый толковый, обязательно сделает наоборот. Он и от армии из-за этого отбоярился. Не только, как остальные, боялся, что в Чечню пошлют, а противно выслушивать чужие приказы. У него настроение заниматься одним, а какой-то хмырь будет заставлять делать другое. Да он сразу взбеленится, и что тогда? Сидеть на гауптвахте? Идти под трибунал? Нет уж, лучше раскошелиться на медицинские справки, себе спокойней будет. Все дружки тоже «косили» от армии. Максим Курточкин так тот вообще ребенка завел. Женился на деревенской чушке, ребята над ним смеялись, зато потом в ус не дул. Пока они добывали справки — купить их целая проблема, да прятались от милицейских облав, те ходили по квартирам с представителем военкомата, Максим преспокойно ходил по улицам. Это только так говорится — ходил. На самом деле Курточкин в основном разъезжал. У него есть старая «пятерка». Машина отцовская, но тот практически отдал ее сыну.

«Пятерка» была для дергачевцев большим подспорьем. Узнали как-то, например, что в одной деревне открылся магазин, разместившийся в старом автобусе. Колеса сняли, окна заделали, дверь есть. Стоит на отшибе. Кроме этого, в центре деревни еще пяток магазинов. То есть сюда покупатели заглядывают редко, продавщица кукует в одиночестве. Чего уж тут рассусоливать! Номера машины заляпали грязью, продавщице нож к животу — гони деньги, быстро. Взяли, сели в машину и укатили.

В городе она тоже сослужила хорошую службу. Да только сплоховал недавно Максим, разбил ее. Глупо получилось. Он утром приехал в автосервис и оставил там «пятерку» до вечера. Механик занят был, а нужно поменять масло, тормозные колодки, «штаны» глушителя. Максим сказал, что зайдет за ней вечером, и отправился к жившему неподалеку приятелю. Тот

видит, Курточкин пришел без машины, и, разумеется, предложил выпить. Не просто предложил, а без лишних слов выставил на стол бутылку и закуску. Сначала Максим решил тяпнуть одну рюмочку, мол, до вечера далеко, хмель рассеется. А выпив одну, разошелся, забыл, что ему сегодня забирать машину, и крепко надрался. Ему бы уехать домой своим ходом, а «пятерку» забрать на следующий день, так нет же: на автобусе ехать далеко и некомфортно, к тому же боязно оставлять машину на ночь. У него в багажнике целый склад инструментов, вдруг стащат. Короче говоря, машину взял, а по пути домой, куда очень спешил, сбил молодую женщину, врезался в какую-то стену. Машина уже не подлежит восстановлению. У женщины переломаны ноги. В общем, судить будут Максима, ему теперь не до их компании, сидит дома тише воды, ниже травы.

Сегодня Дергач и Борька Синьков закатились к Витьке Жалейкину. Собравшись втроем, они, как всегда, говорили о деньгах. За новогодние праздники хорошо поистратились, требуется подпитка. История с Максимом выбила их из колеи, даже в новогоднюю ночь сидели без дела, а ведь проще простого было обчистить парочку квартир. Витька начал ныть о легальных доходах.

— Нужно купить по дешевке земельный участок. А потом перепродать его. Земля сейчас быстро дорожает. Это очень выгодно.

Борька к такой затее отнесся скептически:

— По дешевке — не по дешевке, а все равно нужно иметь приличные деньги, чтобы купить. А главное — это столько документов оформлять, столько бумажек подписывать — в пору удавиться от такой бодяги.

— Если хорошенько поискать, можно совсем дешево купить, причем даже с домиком. Сейчас в деревнях столько заброшенных домов, — продолжал гнуть свое Витька.

Он потом еще предлагал разные варианты бизнеса, но Борька все браковал, обзывал его мечтателем и балаболкой. Дергач тоже вяло отмахивался.

Протесты собутыльников привели к тому, что Виктор обобщил свое недовольство и перенес его на страну в целом.

— Вот в Америке бизнес из ничего делают, — темпераментно тараторил он. — Один чудак стал публично сжигать мусор и сделался миллионером. Теперь его показывают по телевизору, называют «человек-костер». Другой несколько лет подряд сидел на улице с ветками в руках и пугал туристов. Тоже сделался миллионером, это «человек-куст». А у нас... — не договарив, Жалейкин досадливо махнул рукой.

Сергей слушал его трепотню и в глубине души посмеивался. Вот сейчас кончится водка, нужно пополнить запасы. Тогда все разговоры о бизнесе прекратятся.

Так и случилось. Водка и закуска кончились одновременно, причем на удивление быстро.

— Есть еще что выпить?

— Откуда? Я на мели.

— Неужто? — наигранно удивился Борис. — Даже земельный участок не на что купить?

— Придется искать средства к существованию по старинке. — Дергач поднялся с табуретки. — Айда прошвырнемся.

— Холодно, неохота, — отмахнулся Виктор.

— Это у тебя холодно и голодно вдобавок. А на улице может быть жарко.

— Конечно, пойдем, — поддержал Дергача Борис. — Что мы будем сидеть в комнате, как сычи. Скукота.

Вышли из дома, морозец был преизрядный. Они вразвалочку шли по тротуару с таким разухабистым видом, что редкие прохожие шарахались от них. В конце улицы, возле парковой ограды, не сговариваясь,

свернули к большому пустырю. Знали, что здесь проложена дорожка, которой пользуются, чтобы сократить путь от автобусной остановки до микрорайона многоэтажек. Днем она вообще не пустует, но и с наступлением темноты некоторые горячие головы тоже здесь пробегают.

Никого не встретив, троица прошла до ближайшего жилого дома, потом повернула обратно. Шли, поеживаясь от холода, как вдруг увидели приближающуюся высокую мужскую фигуру. Молодой человек был одет в длинное пальто, шея плотно обмотана красным шарфом. В правой руке он держал маленькую, почти кубической формы сумочку, которую называют барсеткой.

— На ловца и фраер бежит, — приглядевшись, с затаенной радостью произнес Дергач.

Когда быстро шагавший молодой человек поравнялся с ним, Дергач руками уперся ему в грудь:

— Стой, друг! Дальше нельзя.

— Ну-ка, убери руки.

— Нельзя, повторяю. Мы же при исполнении. Нам велено предупреждать.

— Что стряслось?

— Угроза теракта, район оцеплен, велено обходить другой дорогой.

— Ерунда какая-то. Тут нет другой дороги.

— Нет так будет, сейчас проложим, — ерничал Дергач. — По снежку, по первопутку. Только сумочку дай мне, а то тебе тяжело идти с такой тяжестью. Мы-то привычные, нам все нипочем.

Он потянулся за барсеткой, молодой человек оттолкнул его.

— Ага. Значит, по-хорошему разговаривать не хочешь. Хамить начинаешь. А ведь за это по головке не погладят.

Размахнувшись, Дергач с такой силой ударил правой рукой молодого человека по голове, что тот сва-

лился. С него слетела шапка — дубленая кепка с отворотами. Застонав, он посмотрел на грабителей и, когда нагнувшийся Сергей потянулся за сумкой, обеими ногами ударил его в живот. Удар получился слабым, через куртку такой вообще еле почувствуешь. Однако оттого, что парень сопротивляется, пытается проявить характер, Дергач буквально рассвирепел. Он набросился на беднягу с кулаками и, матерясь, безостановочно начал молотить его по лицу. У того из носа пошла кровь, парень попытался подняться. Дергач сильно ударил его ногой по груди, потом несколько раз кулаками по голове.

Виктор поднял барсетку:

— Хватит, пошли отсюда.

Борис тоже поторопил Дергача. Наконец тот согласился:

— Бежим.

И быстро пошел первым, изредка оглядываясь на лежавшего парня. Миновав пустырь, остановились возле занесенной снегом голубятни и изучили содержимое сумочки. Улов был не ахти, но все же: помимо документов две тысячи рублей. Аккуратная пачечка сотенных бумажек лежала в конверте. Видимо, человек их от кого-то получил или, наоборот, кому-то нес возвращать долг. Ну да ладно, обойдется, не такие уж большие деньги. В следующий раз не будет ходить где попало.

Друзья тут же решили устроить пир. Зашли в первый попавшийся магазин и накупили невероятное количество еды и питья. Все были нервно возбуждены. Виктор даже не заметил, что их обслуживала знакомая продавщица. Да и какая знакомая: он иногда заходит в этот магазин, мало ли кто там обслуживает. А девчонке запомнился этот парень — у него такие симпатичные ямочки на щеках.

Глава 58

ОКТАБРЬ 2004-го

В отличие от Дергача, не желающего выполнять чьи-либо указания, Борис Синьков спокойно относился к тому факту, что на его жизнь влияет разнообразное начальство. Более того, он находил в этом определенные преимущества: не нужно напрягаться, можно меньше трепать нервы. Что тебе скажут, то и делаешь. Пусть у них голова болит. Просто нужно относиться к начальству таким образом, чтобы тебе давали приятные задания. Правда, они тоже иной раз до добра не доводят.

В свое время Борис, будучи учеником слесаря, получил от наставника задание — ремонтировать снегоходы «Буран». За это ему причиталась треть от стоимости выполненных работ. Однако Борис проявил самостоятельность — никакого ремонта не производил, а просто продавал владельцам запчасти. Вдобавок он вносил в квитанции не только стоимость запчастей, но и стоимость якобы выполненных работ. Осудили его по статье «хищение» и приговорили к полутора годам исправительных работ с удержанием 20 процентов заработка в доход государства. Больше всего Синьков переживал из-за того, что подвел наставника, которого за такого воспитанника шпыняли все кому не лень.

Свое хорошее отношение к начальству Борис особенно не демонстрировал, но и не скрывал нарочито, а при случае даже подчеркивал. Ты к ним относишься по-человечески — и они с тобой будут обращаться по-человечески. Как аукнется, так и откликнется. Он даже с Дергачем не пререкался, когда они орудовали вместе, хотя какой из Сереги начальник. А перебравшись в Москву, где после окончания курсов стал работать охранником, являл собой хрестоматийный об-

разец подчиненного — такой он был безотказный и дисциплинированный. Причем особенно его никто не муштровал, собственным умом дошел. Сначала Синьков работал в универсаме, а потом перешел в фирму, где платили существенно больше. К тому же из-за хороших отношений с начальством у него быстро наметился карьерный рост. Способствовал этому один полутрагический случай.

У фирмы имелись казенные машины, которые по выходным простаивали вхолостую. Иногда сотрудники могли попросить их для личных нужд: кого-то встретить в аэропорту или на вокзале, проводить, перевезти вещи на дачу. Естественно, разрешение давал генеральный директор. Однажды летом Борис тоже попросил машину — нужно было пустить девушке пыль в глаза. Взял обычную «Ладу», девятой модели. У фирмы есть и иномарки, две «ауди», но сотрудникам дают только «Ладу». Борис на совесть покатался все воскресенье — Клязьминское водохранилище, Коломенское, кафе на Маяковке, а когда в понедельник утром ехал на работу и почти прибыл, до нужного поворота оставалось с полкилометра, на шоссе Энтузиастов в него на полном ходу врезалась «Нива», стукнула его, когда он пережидал перед светофором красный свет. Разгневанный Борис выскочил из машины и подбежал к виновнику, чтобы накостылять тому, но с ужасом увидел за рулем начальника охраны Захара Захаровича — своего непосредственного шефа.

В это время рядом с ними появился гаишник. Чистое наваждение! Когда надо, их не дождешься часами. А тут, как назло, он возник моментально. И нужно было видеть, с какой самоотверженностью Борис брал вину за столкновение на себя. Инспектор ГАИ, у которого сначала и тени сомнения не было в том, кто виноват, только диву давался. Синьков нес околесицу насчет того, что он дал задний ход, не включил ава-

рийные огни, ошибся при переключении передачи, слишком сильно надавил на газ...

Короче говоря, всю вину за происшествие взвалил на себя. Разумеется, подобная самоотверженность влетела ему в копеечку, ремонтировал машину за свой счет. Зато начальник охраны по достоинству оценил преданность подчиненного. Борис стал его любимчиком. Тот при случае ему и лишние деньги выписывал, и устраивал льготный режим. Несколько раз брал с собой в загородную сауну. А там, за рюмкой, каких только откровений не наслушаешься! Узнал Борис, что добродушный на вид Захар Захарович охотно подрабатывает, выполняя заказы специфического свойства, а именно выколачивает деньги из должников. Например, некий тип обидел известного писателя: одолжил крупную сумму денег и долго не отдавал. Захар Захарович вышел на виновника. Первый раз побеседовал с ним по душам. Должник плакался, что просадил все деньги в казино. Мирный разговор не возымел последствий. Тогда Захар Захарович поговорил по-другому, да так, что тот уже рад продать и коллекцию картин, и квартиру, лишь бы ноги унести.

Видя его возможности, Синьков как-то днем зашел в кабинет к начальнику охраны и обратился к нему с предложением — по просьбе земляка разыскать и наказать Сереброва.

— Что он учудил? — поинтересовался Захар Захарович.

— Лет пять назад он, наверное, не один, а с кем-то, так избил моего товарища, что тот навсегда остался инвалидом. Ходить не может, передвигается в коляске.

— Просто так — взял и избил? Ни с того ни с сего?

— Вообще-то Сергей отобрал у него деньги. Но деньги небольшие. Можно было разобраться и не так кровавадно. А потом этот Серебров круто обошелся еще с одним человеком: разгромил у него студию звукозаписи.

— Тоже, наверное, были какие-то причины?

— Не знаю. Это выяснилось недавно, и бывший хозяин студии выделил деньги на то, чтобы ему отомстить.

Захар Захарович пожал плечами:

— По-моему, из пушки по воробьям. Ну, избил, ну, раскурочил студию. Что его теперь за это — убить?

— Не знаю, — замялся Борис. — Может, просто хорошенько отдубасить, чтобы в следующий раз неповадно было.

— Следующего раза, похоже, не будет. Вряд ли он тронет инвалида, а от студии уже ничего не осталось.

— Но если они просят...

— Заказывают, значит, — уточнил начальник охраны. Взяв со стола пластиковую бутылку минеральной воды, попил из горлышка. Вытерев губы тыльной стороной ладони, сказал: — Ладно, несчастный случай мы организуем. Пускай присылают аванс, а там видно будет. Кто платит, тот и заказывает музыку. По деньгам пойдем, с каким исходом задание дадено. Тогда и примемся за работу.

Глава 59

ВЛАСТЕЛИНЫ ХОЛОДА

С утра Романова находилась в пресс-центре ГУВД — ее просили помочь отредактировать для телевидения материал о деле, которое она досконально знала, — и теперь чувствовала себя неудобно перед Александром Борисовичем: говорила, что задержится на час, а проторчала там два с лишним. Поэтому в главке, не заходя в свой кабинет, сразу помчалась к шефу и у него сразу забыла про свое волнение: Турецкий был спокоен и деловит, на задержку не обратил внимания. Он понимал, что сегодняшний день явля-

ется кульминационным В деле Сереброва, поэтому нельзя трепать нервы по пустякам. Сразу взял быка за рога, спросив:

— Кем работает этот Синьков?

— По словам Куницына, охранником.

— Может, он знает, чем фирма занимается?

— Он не знает. Это уж я узнала по номеру телефона. Называется «Холод лимитед».

— Молодец, Галочка. Значит, холодильное оборудование. — Александр Борисович подумал, закурил. — В принципе, ясно одно — на работе задерживать его нежелательно. Может, этот пермяк, кроме своих коллег, никого в Москве больше не знает и гонится за Серебровым именно с ними.

— Скорей всего. Одному рыскать тяжеловато, — поддакнула Романова. — Да и не принято нынче действовать в одиночку.

— Но Серебров-то, похоже, действовал один.

— Он то самое исключение, которое подтверждает правило. Иговорит о том, что он непрофессионал.

— Тем более нежелательно, чтобы кто-то заметил наш интерес к Синькову. Заметят — цепочка может оборваться. Поэтому, Галочка, не откладывая в долгий ящик, звякни генеральному директору этого «Холод лимитед», пусть закажут тебе пропуск как обычному посетителю. По телефону скажи, мол, хочешь зайти к ним по поводу заказа партии новых холодильников для... — чтобы не напрягать фантазию, Александр Борисович взглянул в окно, — для буфета театра «Эрмитаж». А уж наедине с ним объяснишь, что к чему. Если Синьков сегодня на работе, узнаешь, когда он освобождается. В любом случае — звякнешь мне. Как только понадобится, я подъеду с ребятами.

В который раз Москва поразила Романову своими несусветными контрастами. Едешь по современному городу — глаза отдыхают, находишься сравнительно недалеко от центра — отреставрированные дома, бу-

тики, рестораны, вывески; потом сворачиваешь и сразу оказываешься среди промышленной грязи, словно оставшейся здесь с позапрошлого века.

Электродный проезд, в котором располагался офис «Холод лимитед», отходил перпендикулярно от шоссе Энтузиастов, возле одноименной станции метро. Пришлось проехать с полкилометра среди ржавых гаражей и помоек, прежде чем машина остановилось у аккумуляторной, только что отреставрированной трехэтажной постройки.

Внизу сидели три охранника: в черной форме, над нагрудным кармашком и на рукаве желтыми буквами вышито «ЗесигКу». По именам при Романовой они друг к другу не обращались, поэтому неизвестно, есть ли среди них Борис.

Поднимаясь на второй этаж, Галина любовалась интерьером. Им бы в МУРе такой! Все вычищено и вылизано. Полы выложены мраморной плиткой, скрытые светильники, разноцветные стены, картины. Островок цивилизации среди мусора, мимо которого сюда нужно добираться.

Вышколенная молоденькая секретарша с внешностью фотомодели извинилась перед представительницей театра «Эрмитаж» за то, что ей придется немножечко подождать — у Алексея Владимировича сейчас переговоры с голландскими партнерами. Пока же она может предложить гостье чашечку кофе. Это было очень кстати. А главное, получилось удачно по времени: стоило Галине сделать последний глоток, как долговязые голландцы ушли.

Кабинет генерального директора был под стать всему остальному: огромный, уставлен дорогой офисной мебелью, кондиционер, жалюзи.

Узнав о подлинной цели визита оперуполномоченной, директор, постриженный ежиком безулыбчивый молодой человек в очках, спокойно спросил:

— Что-нибудь серьезное?

— Врядли. Не исключено даже, что оговор. Однако проверить необходимо.

— Вы заметили, в наше здание проходят через турникет. Поэтому всех сотрудников фотографируют для пропуска цифровой камерой. Зайдете в отдел кадров, там Тамара Васильевна покажет на компьютере цветные снимки.

По просьбе директора энергичная кадровичка, невероятно низенькая даже на своих шпильках, зашла за Романовой и провела ее в свой кабинет.

На мониторе появилось изображение Синькова: заурядное востроносенькое лицо, короткие прямые волосы расчесаны на пробор, подбородок упирается в круглый ворот свитера грубой вязки. Внешность трудно назвать запоминающейся. На всякий случай Галина попросила сделать распечатку снимка.

Сегодня Синьков был на работе. Охранники дежурят сутками. Освободится он только завтра, в девять утра. А Козельская возвращается в Москву сегодня вечером.

Когда Галина позвонила Турецкому, он, выслушав ее подробный отчет, сказал:

— Придется разговаривать с этим Синьковым на работе, я сейчас приеду. Кстати, ты читала сегодня в «Ночных ведомостях» заметку про Светлоярову?

— Нет. А что там?

— У этой певички оказался слишком длинный язык.

Глава 60

В ПОГОНЕ ЗА ПОПУЛЯРНОСТЬЮ

Татьяна Светлоярова считала величайшим завоеванием цивилизации электронную почту. Он^ завела в Интернете свой почтовый ящик, на который возла-

гала большие надежды. По телефону ей могут не дозвониться, телеграмма может не застать ее, а «емеля», так называют в обиходе электронную почту, передается моментально. В ящик же она может заглянуть в любом городе. Правда, чем дальше от Москвы, тем это сложнее сделать. В маленьких городках сложнее обнаружить компьютер, подключенный к Всемирной паутине. Однако Татьяна проявляла чудеса изворотливости. У нее уже было чутье на Интернет, где им можно воспользоваться. Поэтому шла к директорам предприятий, в туристические фирмы, в городскую администрацию. А там уж поплачется в жилетку, или, если за компьютером мужчина, очарует его своей улыбкой — ей же буквально на минутку, только посмотреть, не прибыло ли сообщение, и — пожалуйста...

Все чаще и чаще просмотр почтового ящика расстраивал Татьяну — к ней обращались очень мало. Для этого она и грузила всех адресом: вдруг подвернутся выгодные выступления, пусть ей сразу сообщат. Однако после гибели Прыжкова от Татьяны отвернулись не только зрители, но и продюсеры. Хотя в чем она виновата? Не убивала же Игоря! И Халатин, тогдашний ее продюсер, тоже не убивал. Их можно считать пострадавшими — Прыжков угрожал им настоящим пистолетом, это он был готов пристрелить их.

Как это нередко случается, люди слышали звон, да не знали, где он: увязывали гибель своего кумира с именем Светляровой, из-за этого популярность певицы быстро таяла, что донельзя омрачало душу артистки.

За последние недели ей прибыло всего одно послание из Москвы, вовсе не такое, о каком втайне мечтала певица: некий следователь просил Татьяну связаться с ним по прибытии в Москву, чтобы помочь разобраться в интересующем уголовный розыск деле. Светлярова решила, что кто-нибудь из организаторов

попался на «левых» концертах и она понадобилась как свидетельница. Вернувшись в Москву в воскресенье, в понедельник утром Татьяна спокойно позвонила по оставленному телефону и на приглашение следователя согласилась заехать во второй половине дня на Петровку, 38.

Перед Турецким предстала холеная, уверенная в себе женщина. Она с интересом поглядывала на следователя, словно говоря: интересно, какой сюрприз ты мне приготовил, голубчик, чем порадуешь? Александр Борисович прекрасно знал, что вся эта напускная бравада может моментально слететь от первого неприятного вопроса.

Когда следователь начал расспрашивать певицу о событиях того концерта пятилетней давности, Турецкому показалось, что Светлоярова разочарована. Ей хотелось помуссировать более свежие факты из жизни шоу-бизнеса, а повторять в сотый раз говоренное радости мало.

— В том концерте должна была участвовать молодая певица из Перми — Наталья Козельская. Вы видели ее?

— Которая сейчас поет в Большом?.. Видела мельком. Она сама представилась, сказала какие-то добрые слова о моем творчестве. Но я не обратила на нее особого внимания. Сколько случайных встреч и знакомств бывает на концертах!

— Козельская приезжала в Москву со своим товарищем по музыкальному училищу. Он выполнял при ней функции продюсера. Вы видели этого человека?

— Не помню. Все-таки прошло пять лет. Я и Козельскую-то запомнила только потому, что мы разговаривали. А уж с кем она приезжала, этого я знать не знала.

Поговорив некоторое время со Светлояровой и ничего нового не узнав, Александр Борисович, извинившись за беспокойство и поблагодарив певицу, от-

пустил ее восвояси. Он не предполагал, что из их короткой беседы Татьяна попытается извлечь какую-то пользу.

Помимо телевидения, известность дает и пресса. В свое время Светлая была частой героиней начинающей культивироваться в нашей стране светской хроники. Оно и понятно — участвовала в больших концертах, после их окончания охотно оставалась на банкеты, куда стекались знаменитые московские тусовщики, вроде набивших всем оскомину Ксюши Собчак или музыканта Макаревича. Татьяна не отворачивалась от объективов снующих там папарацци — тоже новое явление российской поп-культуры. Сейчас же у нее нет ни концертов, ни презентаций, на которых можно людей посмотреть, себя показать. И тут она вспомнила про знакомого журналиста Гришу из газеты «Ночные ведомости».

Это была популярная «желтая» газета, ставшая пионером всякой скандальной светской хроники. Те пикантные случаи, которые раньше обсуждались людьми при встречах, «Ночные ведомости» стали описывать со всякими подробностями, вплоть до физиологических. Новости о гях, проститутках, педофилах и маньяках броско подавались прямо на первой полосе. Гриша рассказывал, что, когда им стали прививать новую манеру подачи материалов, объяснять, какие сенсации требуются газете, главный редактор сформулировал девиз, которым с тех пор руководствовались сотрудники «ночнушки»: «Больше крови и спермы!»

С Гришей у Светляровой были хорошие отношения. В поисках сенсаций он рыскал по всем пресс-конференциям и презентациям, шастал за кулисами. Татьяна при случае рассказывала ему какие-нибудь скабрзные истории о своих коллегах, естественно, прося при этом не ссылаться на нее. Раньше бы за подобные сенсации порядочный человек Грише руки не подал. А по нынешним временам он был в чести и

славе, на хорошем счету в газете. Теперь уже не просто корреспондент, а стал заведующим отделом информации. Неужели он ей не поможет! Пусть будет даже черный пиар, лишь бы имя мелькнуло в популярной газете, лишь бы помнили.

Гриша отплатил добром за добро: все, о чем рассказала ему по телефону Светлоярова, он использовал для газетной публикации.

— «Дело пятилетней давности об убийстве эстрадного певца Игоря Прыжкова, — читал Александр Борисович Романовой, — вновь оказалось в центре внимания правоохранительных органов. Вчера в МУР была вызвана для дачи свидетельских показаний известная певица Татьяна Светлоярова. В свое время именно эта популярная исполнительница послужила косвенной причиной скандала, разгоревшегося 10 ноября 1999 года за кулисами Дворца государственных торжеств, когда во время праздничного концерта, посвященного Дню милиции, Прыжков был застрелен. Следствие так и не обнаружило виновника рокового выстрела, и дело было прекращено. Теперь оно возвращено для доследования. Сыщики интересовались у Светлояровой поведением молодой участницы того концерта пермячки Н. Козельской, ныне являющейся солисткой оперы Большого театра. Как сообщил нам информированный источник из руководства МУРа, в поле зрения силовиков попал новый подозреваемый — знакомый Козельской по музыкальному училищу, исполнявший в то время функции ее продюсера». Ну не идиотка ли! — на этот раз вслух высказал Турецкий свое мнение о Светлояровой.

— Серебров может прочитать.

— Да черт с ним — он и без того прячется. Меня волнует, что прочитают его преследователи. Не будь этой заметки, они могли засветиться в аэропорту или возле дома Козельской. Теперь постараются связаться с ней по-другому.

— Будут ей звонить.

— Возможен и такой вариант. Хотя догадаются, что ее телефон будет прослушиваться.

Романова попыталась успокоить шефа:

— Александр Борисович, ведь мы в любом случае поговорим с Козельской раньше — встретим ее в аэропорту.

— Теоретически так. Если у них нет сообщника среди пассажиров. И потом: мы пока не знаем, где находится Серебров, где находятся преследователи. Может, все они сейчас в Перми. Короче говоря, надо немедленно вырвать у этого Синькова максимум информации. Жди меня. Как ехать в этот Электродный проезд?

Глава 61

ПРЕРВАНЫЙ СЛЕД

Вслед за секретаршей директора они подошли к свободной комнате. На дверях поблескивала стеклянная табличка «Переговорная». Открыв дверь ключом, секретарша зажгла в комнате без окон свет, заученно предложила гостям кофе и, когда те отказались, ушла.

Здесь была совершенно невыносимая духота. В другом месте с этим можно было бы смириться. Но когда находишься в организации, являющейся, можно сказать, монополистом холода, жара вызывает легкое раздражение. Попытки включить кондиционер оказались бесплодными — испорчен.

Посредине комнаты стоял круглый деревянный стол, вокруг него — несколько массивных стульев. Стулья выстроились и вдоль одной из стен. Но для нынешней встречи было достаточно трех. В «переговорах» участвовали Романова, только что приехавший

- Турецкий и Синьков. Борис ежеминутно поправлял

пятерней спадавшие на лоб волосы. Его высоко поднятые брови придавали лицу испуганное выражение. Он напоминал не выучившего урок школьника, который с большой долей вероятности ожидает вызова к доске.

— В Перми показания дали Ледовских и проводник Куницын, — сказал ему Александр Борисович. — В своих признаниях оба были весьма откровенны. Поэтому мы вышли на вас и, стало быть, знаем, что происходило до того времени, когда вам были вручены деньги — тысяча пятьсот долларов.

— Тысяча четыреста, — поправил Борис осипшим от волнения голосом.

— Странно. Ледовских утверждал, что через Силуянову передал Дергачеву полторы тысячи. В данном случае какой смысл ему обманывать? К тому же непонятно, откуда появиться такой странной цифре — тысяча четыреста. Что это за тариф? Обычно подобные суммы кратны пятистам. Значит, сто долларов прилипли к рукам Силуяновой, Дергачева или Куницына. Насколько я разбираюсь в психологии, молодая женщина вряд ли способна совершить столь дурацкий поступок.

Галина едва заметно улыбнулась Турецкому, словно благодаря его от имени всех молодых женщин за высокую оценку их интеллектуальных и моральных качеств.

— Куницын это вряд ли сделает, — пробубнил Борис. — А вот за Дергачем не заржавеет. Разве можно доверять ему деньги!

— Кстати, вам известно, что он сейчас находится в больнице?

— Первый раз слышу.

Турецкий рассказал ему, при каких обстоятельствах дергачевскую коляску опрокинул цементовоз.

— Тогда точно он, — уверенно произнес Синьков. — Заныкал «бенджаминку», а на другой стороне

улицы, к примеру, есть пункт обмена. Вот он туда и намылился.

Борис пустился в пространные рассуждения, связанные с воровскими замашками Дергача. Он обозлился на него за деньги, украденные, по сути дела, у его шефа. Кроме того, ему хотелось подольше поговорить на эту тему, чтобы не переходить к другой, которая, чувствовал, будет неприятной. Однако тут от него мало что зависело. Александр Борисович решительно прервал синьковские словоизлияния, спросив:

— Для чего Ледовских передал вам деньги?

— Человека одного проучить велено, — со вздохом ответил Борис и, видя, что следователи ждут от него более развернутого ответа, продолжил: — Когда-то Ледовских организовал студию звукозаписи, купил дорогое оборудование. А этот человек его студию разгромил. Еще раньше этот же человек с какими-то друзьями так избил Дергача, что тот стал инвалидом.

— Что за человек?

— Зовут его Андрей Серебров. Я про него почти ничего не знаю.

Галина спросила:

— А Ледовских вы хорошо знаете?

— Нет, только слышал о нем.

— Но с Дергачевым, надо полагать, знакомы давно?

— Лет с восемнадцати.

— То есть почти десять лет. Как вы считаете, этот Серебров случайно избил его или имелись какие-либо причины?

Мысли Синькова забились в голове, словно птицы в клетке. Если скажет, что случайно, а потом менты поймут Сереброва и выяснится, что это была месть за грабеж и избиение, да вдобавок к тому он при этом присутствовал, его тоже по головке не поглядят. Во всяком случае, Дергач его выгораживать не станет, он готов всех утопить. Тогда зачем ему выгораживать Се-

регу?! Инвалиду вряд ли светит какое-то наказание, он уже и без него сильно пострадал. Лучше уж сказать правду.

— Сначала Дергач избил этого Сереброва, а уж потом тот его.

— При каких обстоятельствах избил, когда?

— Это было в январе девяносто девятого. Столкнулись они на пустыре. Серебров раньше учился на певца, а после той драки у него пропал голос.

— Пропал голос... — задумчиво, словно эхо, повторил Турецкий. — У певца пропал голос. Это же вся жизнь под откос пошла. Наверное, студию Ледовских он разгромил тоже не случайно.

— Александр Борисович, Ледовских говорил оперативникам, будто бы Серебров обиделся на него за то, что он не хотел записывать его сингл в новый альбом, — напомнила Галина.

— Мало ли что Ледовских скажет. Тот уже и сам бы не захотел записываться. Ну, это мы потом выясним. — Александр Борисович опять повернулся к Синькову: — Значит, вы получили деньги, чтобы расправиться с Серебровым. И что дальше?

— Ничего. — Борис растерянно заморгал. — Я его еще не нашел.

— А полученные деньги кому дали?

Вот начальника своего он ментам не выдаст. Захар Захарович такой ловкач, что из любого положения все равно выкрутится, а ему несдобровать. Придется бежать из Москвы, да и то вряд ли поможет — достанут. А что будет, если скажет, будто эти деньги еще у него? Если вдруг попросят показать? Дома у него примерно такая сумма найдется, правда, в рублях. Мог обменять, часть мог потратить или кому-то одолжить. Не обязан же он держать доллары нетронутыми. Тем более что, по идее, они предназначаются ему.

— Зачем отдавать? Они лежат у меня.

— То есть вы хотите сказать, что вы сами разыщете

Сереброва и сами совершите, так сказать, акт возмездия?

— Конечно.

Турецкий перешел на официальный тон:

— Борис Игнатьевич, это очень сомнительное утверждение. Обычно подобные дела в одиночку не делаются. Как можно обряться без помощников? Я понимаю, человека вы, к примеру, найдете. Но что дальше? Может, этот Серебров в десять раз сильнее вас и элементарно справится с вами одним пальцем.

— Ну, может, тогда к кому-нибудь обращусь за помощью.

— Пока же не обратились?

— Пока нет.

— Значит, и не обратитесь, — сказал Турецкий. — Потому что, простите, отныне вы будете находиться под нашим наблюдением. Сразу должен предупредить, мы будем обрабатывать все ваши контакты, следить за передвижением, слушать телефонные разговоры. То есть делать все то, чем милиция занимается в подобных случаях.

Когда следователи с облегчением покинули душное помещение «Холод лимитед», Романова спросила в машине:

— Александр Борисович, зачем вы так напугали Синькова? Я думала, лучше без предупреждения послушать его телефонные разговоры.

— Чтобы это организовать, нужно время. Мы сейчас уехали, он тут же мог броситься к телефону. А так поостережется. Ему же никто звонить не будет, он тут мелкая сошка. Даже если позвонят, испугается что-либо говорить. Серебровские преследователи теперь полностью сконцентрированы на Козельской.

— Его можно было поймать на обмане, спросив, знает ли он номер мобильного Козельской. Раз нет сообщников, значит, он ей звонил.

— Да я уж не стал огород городить. Все, что он

говорил, это детский лепет на лужайке. Безусловно, сообщники есть. Только от Синькова сейчас помощи как от козла молока. Главное — чтобы не помешал. Но я тебе не сказал главную сенсацию — вчера вечером так называемый Артур звонил Янине.

— Откуда?

— Аппарат с московским номером зарегистрирован в Звездном городке, точнее, в его микрорайоне «Орбита».

— Это же адрес Шаргородского! — радостно воскликнула Галина.

— Вот и я о том же. Если Козельская скажет, что Серебров прячется там...

В это время позвонил вернувшийся из Перми Володя Яковлев. Он узнал в справочной аэропорта, что самолет из Монреаля, на котором возвращалась труппа Большого театра, должен прибыть по расписанию.

— Если хотите, я подъеду в Шереметьево, поговорю с Козельской, чтобы вам не мотаться, — предложил Володя.

— Есть такое страстное желание?

- Да .

— И у меня есть. Тогда давай подскочим вдвоем, всякие могут быть неожиданности.

Они встретились в переулке за гостиницей «Минск». Александр Борисович пересел в яковлевскую «девятку», а Галина поехала домой.

В машине Турецкий позволил себе роскошь расслабиться, сбросить скопившееся за день напряжение. Сейчас, когда его не дергают звонками, совещаниями, спорами, он избавится от усталости, вновь почувствует себя сильным и энергичным, то есть придет в состояние, необходимое для его странной работы. Для этого нужно всего лишь спокойно посидеть, молча посмотреть по сторонам.

Они выехали за город, когда уже стемнело, но по сторонам хорошо освещенной трассы все было видно.

Пестрые рекламные щиты, эти новые спутники городской цивилизации, оживляли пейзаж, придавали ему своеобразную игривость. Таковую добавляли особенно классные по дизайну иномарки. Однако все вокруг мало гармонировало одно с другим, и Турецкий вдруг подумал, что его необходимая работа тоже как-то плохо гармонирует с остальными видами человеческой деятельности. Вызвана она несовершенством мира, не более того, и теоретически даже может с течением времени исчезнуть за ненужностью. Пока же, увы, очень нужна, и люди, знакомые с его работой понаслышке, считают ее весьма романтической, что на самом деле все совсем не так. Вся романтика заключается в том, что он ведет ненормальный образ жизни, где смешались понятия «день» и «ночь», где приходится забывать о еде, а порой и о простых человеческих чувствах. Жена, вернувшись с работы, не застаёт его дома. Дочь не может дождаться выходного, который проведет вместе с ним. Но ведь он не один такой. Вместе с ним работают многие люди. Он же не специально их подбирал, то, что они сотрудничают, случайность чистой воды. Они живут точно так же, как и он сам. Значит, это — призвание. Поэтому им всем легко друг с другом. Они — команда, без которой ему не жить. Здесь не ноют, не стонут, в любой момент поддержат, хотя каждому, в общем-то, приходится нелегко. Тут уже ничего не поделаешь — таков его мир.

— Володь, ты был в этом году в отпуске?

— Конечно, был. Две недели на майские праздники брал. Мы с Ольгой в Египет ездили.

— Ах да, совсем из головы вылетело. А вот я, оказывается, не был.

— Александр Борисович, зачем же вы такие вещи говорите, когда я за рулем? — с наигранной укоризной спросил Яковлев, провоцируя вопрос, который позволил ему произнести уже подготовленную острогу.

— А что особенного?

— Я ведь от огорчения могу в столб врезаться.

Глава 62

СОЛИСТКА ОПЕРЫ

После зарубежных гастролей Наталья возвращалась в Москву, сверх меры возбужденная впечатлениями. В голове была каша от мелькания видов американских и канадских городов, театров, музеев, знакомств, выступлений. В какой карман ни засунешь руку, в какую сумку ни полезешь, обязательно наткнешься на полароидный снимок или чью-нибудь визитку. Потом все это нужно привести в порядок, систематизировать. Цепкая память подскажет, что нужно оставить, а без чего можно обойтись.

Чем меньше времени оставалось до Москвы, тем сильнее пронизывало Наталью тревожное чувство. Она до сих пор не могла связаться с мужем. Наталья знала, что Шаргородский должен вернуться на два дня раньше ее. Допустим, ему пришлось задержаться в Праге, теоретически такое возможно, и он не дозвонился ей, потому что из-за дурацких звонков насчет Андрея она выключила телефон. Вчера, в четверг, Наталья позвонила мужу на работу. Там тоже были удивлены тем, что в среду Шаргородский не появился. Они выяснили — из Праги он улетел. Какая-то загадочная история.

Она рассеянно повертела в руках последний номер «Известий», которыми «Аэрофлот» любезно «угощал» пассажиров, и, как назло, на глаза попала заметка о том, что в Чехии полицией обнаружены тела двух российских предпринимателей, отца и сына. Вдобавок она вспомнила, что летом в той же Чехии без вести пропал худрук театра Станиславского, заметная фигура.

Наталья совсем приуныла. Ведь она даже не знает, как добираться до дома. На такси очень дорого. Большинство артистов будут встречать. Для «безлошадных»

по традиции подадут автобус, который, не сворачивая с Ленинградки, едет до театра. Придется сойти на Маяковке, а уж там взять такси. На обратном пути у нее набрался целый ворох вещей — покупки, сувениры. Хорошо, если удастся уговорить водителя, чтобы он проехал через Кудринскую площадь. Это небольшой крюк. Все зависит от водителя: дядя Вася — принципиально ни за какие коврижки не свернет с предписанного маршрута. А если приедет Сашка и в автобусе будет не очень много народа, тот может завезти ее. В крайнем случае, решила Наталья, она доедет до театра, оставит свои вещи, а завтра заберет их.

Видя, что положение не совсем уж безнадежное, Наталья воспряла духом, накрасила губы, причесалась. В глубине души она надеялась, что Валерий Антонович все же появится в аэропорту и ее мелкие проблемы благополучно разрешатся. Если же его не будет, значит, помешала суперважительная причина, например, попал с аппендицитом в больницу или что-нибудь в таком духе.

Получив вещи и пройдя таможенный контроль, Козельская вышла в зал прилета. Сейчас, обвешанная сумками и пакетами, она напоминала советскую дачницу, везущую из города продукты. Нужно перевести дыхание и дожидаться кого-нибудь из коллег, чтобы вместе идти к традиционному автобусу. Она даже толком не знает, где тот останавливается.

Неожиданно к ней подошли двое мужчин. Один молодой человек был в темно-синей нейлоновой куртке, второй, постарше, в короткой дубленке. Он обратился к певице:

— Вы Наталья Александровна Козельская?

- Да .

— Очень приятно. Извините, что мы встречаем вас без цветов. Мы ваши поклонники, но в данном случае приехали по сугубо служебным делам. Мы — коллеги

оперуполномоченной Романовой, той самой, которая звонила вам по моему поручению в Канаду.

Мужчина протянул певице свое удостоверение. «Александр Борисович Турецкий, — прочитала она. — Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации».

Наталья вернула ему красные корочки:

— Что-то произошло с моим мужем? Он куда-то исчез!

— Мы в курсе. Скорее всего, Валерий Антонович находится у людей, разыскивающих Андрея Сереброва. Очевидно, они продолжают выпытывать это у вас. Продолжат — потому что в Канаду они тоже звонили, причем раньше нас. Когда вы скажете им, где проживает Серебров и они убедятся в правдивости вашего ответа, думаем, вашего мужа отпустят.

— Конечно, я скажу. Мне действительно дважды звонили в Канаду, спрашивали про Андрея.

— Второй звонок был от нас. А сначала им интересовались, условно говоря, криминальные личности.

— Что же стряслось с Андреем? Почему вокруг него такая свистопляска? С чего бы его стали искать столько разных, мягко говоря, людей, по всему миру?

— Наталья Александровна, вы в самом деле не догадываетесь, какой шлейф преступлений тянется за вашим давнишним другом? — с едва уловимой ноткой иронии поинтересовался Турецкий.

— Преступлений?! — переспросила Козельская с расширившимися от ужаса глазами. — Не может быть...

Следователи многозначительно переглянулись. Если эта женщина не хитрит, Серебров проявлял воистину чудеса скрытности. Тогда он гораздо опасней, чем кажется. Или же певица настолько эгоистична, что ничего вокруг себя не замечает.

— Пока есть мизерная доля надежды на то, что мы заблуждаемся. Надеемся скоро выяснить окончательно-

ную картину. Тогда ознакомим вас со всеми деталями, — пообещал Турецкий.

Проходивший мимо высокий мужчина, везший чемодан на колесиках, спросил:

— Наташа, вы едете с нами на автобусе?

Она растерянно взглянула на следователей.

— Мы на машине, — кивнул Яковлев. — Доведем вас до самого порога.

— Тем более что нам нужно поговорить, — добавил Турецкий.

Наталья предупредила кого-то из направлявшихся к автобусу коллег, что поедет на машине, и поспешила вслед за Турецким и Яковлевым, которые несли почти все ее вещи. По пути она, не переставая, благодарила их за неожиданную помощь.

Яковлев вел машину, а Наталья и Александр Борисович устроились на заднем сиденье.

— Эти ребята шустрые. До сих пор они опережают нас. Вся надежда на то, что мы первыми узнаем нынешний адрес Сереброва и устроим там засаду.

Турецкий уже позвонил на Петровку и приказал организовать в доме Козельской наружное наблюдение.

— У моего мужа, бывшего летчика, квартира в Звездном городке, он там прописан, а живет сейчас у меня. Андрей снимал квартиру, но его хозяйка вернулись из-за границы. Я знала, что денег у Андрея немного, а квартира Валерия Антоновича все равно пустовала, и я, с разрешения мужа, поселила Андрея у него, в Звездном.

— Это, кажется, закрытый город. Туда нужен пропуск.

— В сам Звездный — да. А это отдельный микрорайон — «Орбита». Он находится за пределами городка, туда можно ходить свободно.

— Что облегчает задачу преследователей, — почти

весело сказал Турецкий. — Но в данном случае — не сильно. Сейчас для страховки и туда отправим охрану.

Постепенно все разрозненные элементы складывались в общую картину, Артур и Андрей — один и тот же человек, все логично состыковывалось, и у Александра Борисовича, как всегда в таких случаях, было приподнятое настроение победителя. Он позвонил в диспетчерскую прокуратуры, заказал машину, после чего передал аппарат Козельской, которая подробно объяснила дорогу до нужного дома. Потом трубку снова взял Турецкий и еще раз объяснил собровцам задачу: ждать прибытия людей, которые будут интересоваться жильцом пятой квартиры. Его потом тоже придется арестовать. Но сначала необходимо задержать преследователей. Помимо всего прочего, у них в заложниках находится один человек, которого нужно освободить. Если Серебров без всяких эксцессов впустит их в квартиру, то засаду устроить внутри. Нет — тогда придется ждать на лестничной клетке.

Услышав эти слова, Козельская жалостливо вздохнула:

— Ночью на лестнице так неудобно. Я могу дать им на всякий случай ключи от квартиры. Вряд ли муж взял их с собой за границу. *

— Думаете, оставил дома?

— Почти уверена. Большая связка. Да и зачем они там ему?!

Турецкий приказал командиру собровцев подъехать к высотке на Кудринской площади, после чего вернулся к разговору с Натальей.

— Скорее всего, похитители Валерия Антоновича в ближайшее время позвонят вам домой. Вы скажете, где живет Серебров и как туда добраться. У нас есть разрешение на прослушивание вашего телефона, мы все будем слышать и сразу рванем туда. Заодно узнаем, откуда они звонили. Схема понятна?

— Понятна, — вздохнула Козельская.

— Дверь сразу закройте на цепочку и никаким незнакомым людям не открывайте, за кого бы те себя ни выдавали. Если что — сразу звоните мне, в любое время.

Александр Борисович дал певице свою визитку, предварительно дописав тот номер, который там не указан.

Следователи проводили Козельскую до квартиры, сгрудили в коридоре все вещи. Связка ключей от квартиры в Звездном висела среди прочих на красивой металлической ключнице. Наталья обрадовалась и протянула ее Александру Борисовичу.

— С вами работать одно удовольствие, — галантно улыбнулся он. — Будем надеяться, кредит доверия на сегодня у вас полностью исчерпан и вы не забудете о наших инструкциях: никому не открывать, звонить мне в любое время.

Следователи удалились. Ошарашенная всеми этими событиями, Наталья не могла найти себе места. Переодевшись, она бесцельно бродила по квартире, расставляла сумки с покупками.

Вдруг послышался входной звонок. С бешено колотящимся сердцем Наталья медленно приблизилась к двери и прислушалась. Снаружи было тихо. Она уже собиралась отойти, решив, что у нее от волнения начались слуховые галлюцинации, когда звонок раздался вновь.

— Кто там? — невольно вырвалось у нее.

— Наташа, это Орленев, — послышался знакомый голос.

Не снимая цепочки, она приоткрыла дверь и увидела Павла Олеговича, соседа.

— Наташенька, там звонит какой-то знакомый вашего мужа. Что-то хочет сообщить о нем, а у вас телефон не работает.

«Наверное, ставили на прослушивание и что-нибудь там напортачили», — подумала певица. Забыв все

предупреждения следователя, она пошла в соседскую квартиру.

— Наталья Александровна, это говорит знакомый вашего мужа, — слышался в трубке мужской голос. — Наталья Александровна, мы знакомы поневоле, поскольку вынуждены были его задержать. Безопасность Валерия Антоновича зависит исключительно от вас. Если вы скажете, где сейчас проживает ваш пермский земляк Андрей Серебров, то, как только мы убедимся в точности сообщения, мигом отпустим вашего мужа на все четыре стороны.

Козельская сказала адрес и объяснила, как туда добираться.

— Интересно, откуда они узнали ваш телефон? — положив трубку, спросила она.

— Так, наверное, Валерий Антонович и сказал, — объяснил профессор.

Пришлось объяснить милейшему Павлу Олеговичу ситуацию.

— Все равно телефон они выпытали у вашего мужа, — сказал Орленев. — А почему звонят сюда, тоже понятно. Они понимают, что ваш телефон может прослушиваться. Мой-то не слушают. А им нужно, чтобы милиция не знала про звонок.

— Получается, те следят за моим телефоном впус-
тую.

— Ничего страшного. Возвращайтесь к себе, я вам сейчас позвоню, и вы расскажете все то, что должна услышать милиция.

— А если мой телефон не работает?

— Я почти уверен, что он исправен. Нет — будем думать дальше.

Наталье стало страшно. До ее квартиры идти всего несколько метров. Но вдруг на нее кто-нибудь нападет.

— Я провожу вас. Но если вы не доверяете моей могучей физической силе, — улыбнулся низенький

щупленький Павел Олегович, — я могу разбудить зятя. Уж он-то никому спуску не даст.

— Нет, нет, не надо, — улыбнулась в ответ Наталья. — С вами я как за каменной стеной.

Из своей квартиры она позвонила Турецкому.

— Считайте, уже едем, — сообщил он и попросил ее пересказать свой разговор с таинственным незнакомцем.

Глава 63

СЛУЧАЙНЫЙ РАЗГОВОР

Андрей так и заснул — не раздеваясь, обхватив колени руками. В той же позе он проснулся. Уже было светло. Как привели его вчерашние раздумья в скверное настроение, таким оно оставалось и сейчас. В голове звучала минорная мелодия — вспомнилась муромцевская «Осенняя элегия». Осознав мотив, коротко усмехнулся: теперь станут говорить — репинская.

Он нехотя встал, умылся, после чего машинально заглянул в холодильник. Только увидев, что на четырех полках нет ничего, кроме бутылочки соевого соуса, почувствовал, что сильно проголодался, и пошел в ближайший магазин.

Чтобы не готовить, не разогревать, а сразу есть, взял нарезку сыра и колбасы, белый батон, направился к дому и тут увидел идущую в том же направлении пожилую соседку с хозяйственной сумкой в руках. Ноша для той представляла изрядную тяжесть. Поэтому женщина сделала передышку — остановилась, облокотив сумку о низенькую металлическую ограду.

За те полтора месяца, что Андрей жил в этом доме, он почти не общался с соседями. Только некоторых знал в лицо и по привычке человека, выросшего в маленьком городке, со всеми подряд здоровался. Эта

женщина с добродушным лицом жила на той же лестничной площадке, что и он, дверь напротив.

— Разрешите, я вам помогу, — предложил Андрей. Женщина расплылась в улыбке:

— Буду очень признательна. Только я и с пустыми руками медленно хожу.

— Ничего страшного. Мне торопиться некуда.

Иногда Андрей подменял диджея в одном из московских клубов, но сегодня у него был свободный день, он вообще не собирался куда-то ехать.

Миновав два дома, женщина опять пожелала сделать передышку. Остановился и Андрей.

— Молодой человек, вы, наверное, родственник Наташи или Валерия Антоновича?

— Нет. Мы с Наташей занимались у одного преподавателя музыки. — Он не стал вдаваться в подробности. — А кто такой Валерий Антонович, я вообще не знаю.

— То есть? — поразилась женщина. — Это же ее муж.

— Наверное, мы говорим о разных Наташах.

— Я имела в виду Наташу Козельскую, артистку Большого театра.

— Я тоже. Насколько мне известно, ее мужа зовут Александр Григорьевич.

— Да нет же, — заупрямилась женщина. — Мне ли не знать! Ведь я живу здесь уже десять лет. А Валерий Антонович приехал сюда еще раньше меня. Шаргородский его фамилия. А вы говорите про предыдущего, с которым Наташа летом развелась. Я слышала, тот уехал навсегда в Германию.

— Возможно, вы и правы. Мы с Наташей не настолько близкие друзья, чтобы посвящать в подробности личной жизни.

Андрей постарался произнести это как можно равнодушной, даже с шутливой интонацией, однако слова его прозвучали не очень убедительно.

Он уже не помнил, как дошел до дома. Внутри все кипело от негодования. Это после стольких-то клятв! После стольких сладострастных речей, произносимых ею в ночной тишине! А он терпеливо ждет, ждет ее, не помышляя ни о ком другом.

Однажды Наташа, смеясь, сказала ему: «Александр Григорьевич мне та\$ нравится, что я готова прожить с ним до самой... пенсии. Но если что — я буду только с тобой. Больше мне никто не нужен». Когда же это было? Да как раз совсем недавно. Может, именно в те дни, когда она разводилась с одним мужем и, не делая паузу, выходила за другого. Андрей же находился в неведении. Как же так? Ведь все свои безрассудства он совершал из-за Наташи. Неужели она не чувствовала этого? Ледовских нагло обманул ее, элементарно наживался на ее таланте. Андрей пошел на то, чтобы разгромить его студию, поломать аппаратуру. Прыжков беспардонно вышвырнул ее из первого московского концерта. Взбешенный несправедливостью Андрей не остановился даже перед тем, чтобы убить человека. Даже стреляя в Репину, он мстил не только за Янину Муромцеву, но и за Наташу, за те переживания, которые принесла ей эстрада. Ведь она сочиняла восхитительные песни, а чертов шоу-бизнес растоптал ее оригинальный талант. Пускай она прекрасная оперная артистка, все равно — заслуживает большего. Так всегда казалось ему. А получается, что он был обманут. Все ее клятвы и обещания ровным счетом ничего не стоят, а его долгие ожидания — напрасны. Погоня за достатком и славой незаметно превратила девушку из Перми в заурядную хищницу, пекущуюся лишь о собственном благополучии. А если так, то кому нужны все его старания, поиски справедливости, приведшие к мстительности, сеющей многочисленные страдания? Что Наташа дала взамен?! Какой-нибудь хулиган и

грабитель с большой дороги, вроде Дергача, с большей благодарностью смог бы оценить его действия...

Андрей прошел в ванную, где тщательно побрился. Затем он переделался и вышел из дома.

Глава 64

ЖЕРТВА РАЗГИЛЬДЯЙСТВА

Захар Захарович Опрышко слыл человеком весьма осторожным, что делало его надежным партнером в любых начинаниях. Он старался не ввязываться в рискованные авантюры. Если же вдруг волею обстоятельств втягивался, то предварительно подготавливал десять запасных аэродромов на случай возможного отступления и вынужденной посадки. Но авантур в его жизни было мало, хотя соблазнов, чтобы ступить на скользкую тропу, хватало. Особенно после того, как вернулся из Афганистана и случайно встретился в Москве со своим бывшим однополчанином Виктором Гребцовым.

Захар Захарович жил в Медведкове, рядом с переделанным из общественного туалета спортзалом-качалкой, официально называвшимся клуб «Атлет». Виктор регулярно посещал это оздоровительное заведение. Там он, будучи «бойцом» организованной преступной группировки, готовился к активным занятиям рэкетом.

Правильно говорят, что нет уз крепче фронтового товарищества. Гребцов был очень откровенен с Опрышко, с которым вместе хлебнули, сражаясь в горноштурмовом полку под Джелалабадом. Много рассказывал о своей нынешней службе, но не стараясь привлечь товарища, как тому сначала подумалось, а скорее желая отпугнуть, убить интерес. Хотя там были заманчивые детали. «Бойцы» сидели на твердой зарплате —

от одной тысячи долларов до двух. Призовые за убийства получали редко, это и так входило в их обязанности. Лишь один раз за устранение авторитета, насолившего лично отцу-основателю банды, тот расщедрился и отстегнул исполнителям по три тысячи.

В банде, в которую входил Гребцов, было около семидесяти человек. Они «держали» коммерсантов, крышевали, вымогали, давили конкурентов, торговали оружием и наркотиками. И убивали — бизнесменов, если те не поддавались на рэкет; криминальных авторитетов, если те перебегали дорогу; своих же подельников, их близких и любовниц. Трупы потом находили по всему Подмоскovie.

Опрышко из рассказов Виктора понял, что бандитский век короток. Да Гребцов и сам понимал это, но вырваться из страшной системы уже было невозможно. Будучи там задействован, ты уже от себя не зависишь.

Как-то отец-основатель банды услышал о том, что один коммерсант, глава известной ювелирной фирмы, собрался закупать в Африке и сбывать в России танзаниты — чудесные прозрачные камни с фиолетово-синим оттенком. Эти природные минералы добывают на склонах горы Килиманджаро, и ценятся они не меньше, чем рубины и сапфиры.

Отец-основатель быстренько вложил часть добытых рэкетом денег в эту фирму и таким образом мог контролировать ювелира. Причем делал это не только штудированием финансовых документов, но и примитивным наблюдением: чтобы тот не обсчитал их, приставил к нему смотрящего — Гребцова. Выбор объяснялся тем, что у Виктора было экономическое образование. Правда, по специальности он работал мало, но кое-какие навыки остались.

Гребцов ходил за ювелиром по пятам, лично пересчитывал поступающие камешки и сверял бухгалтерию.

Через какое-то время дело застопорилось: у фирмы появились трудности с продажей танзанитов. Главарь банды не поверил этому, он заподозрил ювелира в «крысятничестве» и распорядился похитить его.

В одно прекрасное утро целая кавалькада машин во главе с Гребцовым должна была ехать брать коммерсанта возле подъезда его дома. Виктор рассказал об этом Опрышко накануне вечером, когда тот был у него в гостях. Друзья выпивали, засиделись допоздна. На следующее утро Гребцов банально проспал и чуть было не провалил операцию: объект уже уехал. Пришлось тащиться к офису, светиться там полдня, с невероятным трудом подсовывать ювелиру фальшивое такси...

В общем, ювелира все-таки похитили и после допроса убили. А затем наступил черед бывшего смотрящего — Гребцова. Его шлепнули как носителя информации и по совокупности грехов, то есть за разгильдяйство. После операции с ювелиром знакомые, в том числе и Опрышко, советовали Виктору скрыться. Причем на этом настаивал даже «бригадир» банды: ведь оперативников обязательно заинтересует человек, который тенью следовал за погибшим ныне ювелиром. Однако легкомысленный Гребцов, понадеявшись на известный русский «авось», по-прежнему продолжал ночевать в семье. Тогда бывшие дружки подкараулили его, когда тот ехал на своей «мицубиси», взяли ее в «коробочку». Виктор все понял, выскочил из машины и пытался бежать. Тут братаны и расстреляли беднягу. Закопали в лесу, предварительно сняв одежду и отрубив у трупа голову. Это был «фирменный» почерк бандитов.

Из этой истории Опрышко сделал вывод: нужно держаться подальше и от слишком многочисленных группировок — там больше шансов, что кто-то проколется, и от слишком больших денег. Нужно действовать маленькой компанией, не зарываться. Какая

разница — миллион у тебя или десять тысяч? И в том, и в другом случае можешь ни в чем себе не отказывать. Только когда имеешь миллион, очень нервная жизнь получается. Завистников много.

Захар Захарович постарался гарантировать себе шикарное прикрытие — получил лицензию на охранную деятельность, то есть создал частное охранное предприятие. Это сей'Изс проще пареной репы. ЧОПы создавались умными людьми на каждом шагу, чтобы иметь право легально носить оружие и официально крышевать фирмы — с ними честь по чести оформляли договоры на охрану. Все бумажки при этом были в полном ажуре — записи, какое оружие за кем закреплено, какие объекты кем охраняются. Комар носа не подточит. Поэтому и ехал сейчас спокойно Захар Захарович Опрышко с двумя товарищами в микрорайон Звездного городка «Орбита». Так же, как и Гребцова, компаньонов своих он знал с афганских времен. Выгорит дело — срубит он с того пермяка пять «штук», нет — тоже не беда, аванс остается. Весьма хорошее подспорье. По всем статьям дело простое и надежное. Такие поручения ему всегда нравились. Никакого обмана тут быть не могло. Синьков-то у него в руках.

Строгого плана действий у Захара Захаровича на сегодня не было. Имелись лишь предположительные варианты, во что дело выльется, заранее сказать невозможно. Нужно сначала посмотреть, что это за городок. Может, там на улицах народу полно — сплошные свидетели. Нужно разнюхать, где живет этот Серебров, проверить, не обманулали Козельская. Можно даже поговорить с ним, чтобы знать в лицо. Если он сейчас дома, придется оставить наблюдателя, и тогда голубчик никуда не денется.

Подъехали к двухэтажному дому из желтого кирпича, стоявшему среди нескольких таких же. Двенадцатый час, светятся редкие окна. На улицах, если так можно назвать заасфальтированные проезды, не видно

ни души. Место ухоженное: выложенные плитами тротуары, металлические оградки вокруг газонов, много фонарей. Поэтому машину лучше отогнать подальше, пусть она не будет освещена. Водитель останется за рулем, а Захар Захарович со своим подручным, Русланом, который тоже работает в охране «Холод лимитед», решили для начала сходить на разведку.

Рассчитали, где находятся окна пятой квартиры, посмотрели и света не увидели. Решили, что Серебров либо спит, либо еще не пришел домой. Пошли проверить. Солидный кодовый замок для Захара Захаровича был все равно что дверной крючок. Они бесшумно поднялись на второй этаж и остановились перед дверью пятой квартиры. Руслан, по знаку шефа, нажал кнопку звонка и отошел в сторону, чтобы его не было видно в глазок.

Часть седьмая

ФИНИШНАЯ ПРЯМАЯ

Глава 65

ОСЕЧКА

Андрей вошел в унылое помещение милиции.

— Вам куда? — спросил его сидевший за плексигласовой перегородкой с полукруглым вырезом дежурный.

— У меня явка с повинной. Я пришел признаться в убийстве, — пригнувшись к окошечку, ответил заранее заготовленными фразами Серебров. В коридоре стояли три человека, поэтому ему не хотелось говорить громко.

— Вы это серьезно или дурака валяете?

— Разве сегодня первое апреля?

— Минуточку. — Дежурный нажал на кнопки селектора и прокричал: — Товарищ майор, пришел молодой человек. Говорит — явка с повинной. — Еще раз кивнул Андрею: — Подождите.

Сначала у него была мысль прийти в милицию с письменным признанием. Он думал, что сможет коротко и логично описать причины, из-за которых совершал преступления. С грехом пополам вывел две-

три фразы, и дальше все получалось очень коряво. Каждое предложение тянуло за собой шлейф объяснений. Те, в свою очередь, невозможно было понять без ссылок на давние события, приходилось дописывать. Послание катастрофически разбухало на глазах, а конец его маячил в такой туманной дали, куда автор и добраться не чаял. И уж совсем было очевидно, что подобное сочинение вряд ли кто-нибудь способен прочитать. Тогда Андрей, плюнув на эту писанину, проявил редкостную непоследовательность: он убедил себя в том, что коротко и логично можно рассказать, но уж никак не описать.

Собравшиеся в коридоре с интересом смотрели на преступника. А тот, избегая их взглядов, повернулся к стенду «Их разыскивает милиция». Его фотография там не красовалась.

Ждать пришлось недолго. Через минуту в коридоре появился высокий полный майор. Оглядев всех находившихся в коридоре, он остановил свой взор на небритом парне с выбившимся из-под куртки шарфом и уверенно пророкотал сочным баском:

— Вы, что ли, с повинной?

Когда после быстро разрешившегося недоразумения выяснилось, что с повинной явился самый приличный на вид из всех четверых, на лице майора промелькнуло досадливое выражение. Он явно был недоволен тем, что не смог проявить себя на публике большим психологом.

— Проходите, — сдержанно кивнул он. В дверях спросил:— Оружие есть?

— Нет, — сказал Андрей и с ужасом подумал: «Как же это я забыл пистолет! Надо было взять».

В маленьком кабинете майор жестом предложил ему сесть, сам уселся напротив.

— Слушаю вас, рассказывайте.

— Я должен заявить...

— Вы сначала представьтесь, — перебил его майор,

по-прежнему раздосадованный своей психологической неудачей.

— Серебров Андрей Всеволодович. Пришел заявить, что я совершил убийства двух известных эстрадных певцов: Людмилы Репиной и Игоря Прыжкова.

Наступила пауза. Некоторое время собеседники молча разглядывали Друг друга.

— У вас все?

— Все, — пролепетал Андрей. — Разве этого мало?

— Да нет, не мало. Этого больше чем достаточно. Значит, вы утверждаете, что лично убили артистов Репину и Прыжкова.

— Застрелил.

— Застрелили. Ишь ты. — Милиционер с сомнением покачал головой. — Фамилии известные, что греха таить. Насколько мне помнится, эти убийства произошли с интервалом в несколько годков.

— Ровно пять лет. День в день — десятого ноября.

— Видите, какой большой интервал. И вы утверждаете, что совершили оба убийства, а ходите на свободе как ни в чем не бывало. Верится с трудом.

— Я же не сумасшедший, чтобы на себя наговаривать.

— А в это поверить еще труднее.

— Вы отправите меня на психическую экспертизу?!

— Психиатрическую, — поправил майор. — Я-то не отправлю, это другие сделают. Скажите, Андрей Всеволодович, почему вы обратились именно к нам?

— Я рядом живу.

— По какому адресу, если не секрет?

Андрей назвал.

— Что-то не припомню вашей фамилии.

— Я снимаю квартиру.

— У кого?

— Мне временно разрешила пожить моя пермская знакомая Наталья Козельская.

— Честно говоря, я и ее фамилию не припоминаю.

— Ну да, она прописана в Москве. Это квартира ее мужа.

— А мужа как фамилия?

— Этого я не знаю.

В разговоре опять наступила заминка. По иронично-сочувственному выражению лица милиционера Андрей понимал, что тот в самом деле готов принять его за сумасшедшего. Неизвестно, к какому выводу привели бы майора раздумья, если бы Андрей не усугубил своего положения, сказав:

— Я и имя-то его точно не знаю. Говорят, Валерий Антонович. А я почему-то считал, Александр Григорьевич.

— Бывает.

Их разговор вновь был прерван томительной паузой. Наконец майор попытался разрешить ситуацию старым, но проверенным способом.

— У вас документы есть? — пробасил он.

Андрей с готовностью протянул паспорт, который милиционер принялся неторопливо изучать.

— Регистрации нет, — бормотал он, словно засыпая, но вдруг встрепенулся и тоном ученого, сообщающего о сенсационном открытии, произнес: — А ведь вы не по адресу обратились, Андрей Викторович, ох, не по адресу. С убийством нужно идти в прокуратуру.

— Хорошо, пойду туда. Она где находится?

— В Щелкове. Я вам адрес напишу и нарисую, как туда добираться, чтобы впустую не терять времени. Если вы в самом деле намереваетесь идти туда с повинной, штрафовать вас за отсутствие регистрации за ноябрь бессмысленно. Я только сделаю ксерокс с вашего паспорта. Но если вы вдруг передумаете и останетесь жить у нас, тогда не обессудьте. Такой штраф припаяю, по сравнению с которым наказание за убийство покажется рахат-лукумом.

Милиционер сделал ксерокопии нужных страниц

паспорта, после чего подробно нарисовал Андрею дорогу от станции Щелково до прокуратуры.

Выйдя из отделения милиции, Андрей посмотрел на часы и задумался. С одной стороны, пока есть запал, нужно сразу ехать в прокуратуру. Вдруг доберется до дома, и вся решимость пропадет? С другой стороны, если явится в прокуратуру без пистолета, его, чего доброго, как и в милиции, примут за сумасшедшего. Нет уж, туда нужно идти в буквальном смысле слова во всеоружии. Значит, нужно забрать из тайника пистолет. После короткого раздумья Андрей торопливо направился в сторону дома, не доходя до которого он свернул в сторону сквера, где в укромном месте у него был спрятан пистолет.

Глава 66

ПРЕВЕНТИВНЫЙ УДАР

Не дождавшись ответа, теперь уже Опрышко нажал на кнопку звонка. У него оказалась более легкая рука, чем у Руслана.

— Кто там? — слышался заспанный мужской голос.

— Андрея можно?

— Какого еще Андрея?

— Сереброва.

— Зачем?

— Это вы?

— Положим.

— Андрей, я знакомый Натальи Козельской. Поскольку я живу неподалеку отсюда, она попросила меня передать вам сувенир и письмо.

Послышалось звяканье цепочки, щелканье замков — нижнего, верхнего. Наконец дверь приоткрылась, и Опрышко вошел в квартиру. Коридор был ос-

вещен лишь крошечным бра, одним из двух, висевших по бокам ростового зеркала. Взлохмаченный парень в футболке и трусах собрался было закрыть дверь, но Опрышко предостерегающе сказал ему:

— Я не один.

Тут же в квартиру просочился Руслан. Парень спокойно закрыл дверь на оба замка, накиннул цепочку. А дальше произошло то, чего незваные гости ожидали меньше всего: бесшумно появившиеся из комнаты и из кухни мужчины защелкнули на них наручники. Все было сделано настолько профессионально, что стало ясно — кричать или сопротивляться не имеет смысла.

К тому времени, когда приехали Турецкий и Яковлев, собровцы уже проверили документы задержанных и установили субординацию: Опрышко — командир, Руслан — подчиненный. Сейчас они сидели в разных комнатах.

— Ты что думаешь, бога за бороду поймал? — усмехнулся Захар Захарович, когда Турецкий стал внимательно изучать его документы.

— Закрытое акционерное общество «Холод лимитед», — прочитал тот удостоверение начальника охраны. — Получается все-таки, вы действуете с подачи Синькова.

— С его, конечно. Это их, пермские, дела. Мы тут всего лишь оказываем гуманитарную помощь.

— Нет, Синьков вас не выдал, — словно упреждая вопрос Опрышко, сказал Александр Борисович. — Как раз он старательно вас выгораживал. О чем, кстати, потом пожалеет.

— Да нас особенно и выгораживать нечего. Мы люди мирные, ничего дурного не совершили. А простите, вы почему свой документик не предъявляете задержанным? Нам ведь тоже интересно знать, с кем имеем дело. Сейчас ведь время лихое: оборотни в погонах встречаются.

Удостоверение Турецкого явно сбило с него спесь.

— Да, так вот. — Александр Борисович взял стул и, придвинув его, сел рядом с Опрышко. — Надеюсь, Серебров лично вам ничем не насолил? Вы просто выполняли заказ?

— Ну, если Серебров одного сделал инвалидом на всю оставшуюся жизнь, а у другого разгромил студию, в которую вложены большие деньги, то им могла бы заняться и милиция. Если же его пять лет оставляют безнаказанным...

— То приходится прибегать к самосуду, — закончил за него Турецкий. — Вы это хотите сказать?

— Представьте себе. На вашего брата, силовика, надежды у людей нет.

Ничего не сказал в ответ Турецкий. Тяжело ему было слышать такие слова, да и не впервые пришлось. Отовсюду доносится ропот недовольства милицией.

— Захар Захарович, где сейчас Серебров?

— Мне-то откуда знать? — пожал тот плечами. — Я этого Сереброва в глаза не видел.

Собровцы тоже не могли ответить на этот вопрос. Когда они приехали, в квартире никого не было. По-спрашивали соседей. Одна женщина сегодня днем его видела, Андрей помог ей донести до дома тяжелую сумку. Если он, по утверждению Козельской, подрабатывает в клубе диджеем, то может вернуться очень поздно. Плохо, что в квартире горит свет. Вдруг Серебров как раз сейчас возвращается, а заметив освещенные окна, пустится в бега. Тогда ищи-свищи. Поэтому здесь нужно было оставить двух собровцев. Шаргородский пропал, и конечно, это дело рук Опрышко. Пока это его единственное прегрешение. Если оно не имеет тяжелых последствий, а скорей всего это так, то начальника охраны «Холод лимитед» придется отпустить восвояси. Разрешение на ношение оружия у него имеется. Благодаря милиции попытка убить Сереброва у него сорвалась. Другими словами, преступление предотвращено. Значит, работа Турецкого и его това-

рищей не прошла даром. Нанести превентивный удар, тихо-мирно предотвратить преступление гораздо лучше, чем с помпой обнаружить преступника.

Глава 67

ПУТЬ Д О М О Й

Находясь три дня в заточении, Шаргородский много спал. Теоретически Валерий Антонович мог и дома регулярно высыпаться, однако все время, даже по выходным, какие-нибудь дела заставляли подниматься раньше, чем хотелось бы. Сейчас ему ничего не мешало. Да здесь и делать больше было нечего. Спал он и в субботу утром, когда до него донеслись сначала тихие, потом громкие отрывистые мужские голоса. Затем кто-то приятельским жестом потрепал его по плечу:

— Вставайте, Валерий Антонович, вы свободны.

Открыв глаза, он увидел нескольких соборцев в форме и сразу все понял. Один из охранников, золотозубый, развязал ему руки. Хотел и ноги развязать, но Шаргородский оттолкнул его, сказав, что с этим справится сам.

— Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Турецкий, — представился импозантный мужчина в кожаной куртке. Чувствовалось, что сейчас здесь всем распоряжается он. — Наталья Александровна уже дома, ждет не дождется мужа. Мы вас довезем. Только предварительно оформим протокол.

Валерий Антонович попросил разрешения позвонить жене, успокоить ее. Сообщив Наталье про освобождение, он обратился к Турецкому:

— Объясните, пожалуйста, хотя бы в двух словах, что за события развернулись вокруг меня. Это же по-

хищение. Должна быть какая-то причина. За меня хотели получить выкуп?

— В некотором роде — да. В качестве выкупа бандиты, — при этом слове стоявшего в дверях Опрышко слегка передернуло, — хотели узнать у вашей супруги место, где проживает ее пермский знакомый. Не понимаю только, почему вы сами не сказали им этого.

— Откуда мне знать? — удивился Валерий Антонович. — Меня спрашивали про какого-то Сереброва, о котором я никогда не слышал.

— Вот те раз! Он же жил в вашей квартире в Звездном городке, — сказал Александр Борисович, догадываясь, какую головомойку устроит Шаргородский жене. Но скрывать это бессмысленно — правда все равно рано или поздно выяснилась бы. — Наталья Александровна говорила, что предупреждала вас об этом.

— Больше месяца назад она просила разрешения поселить в моей квартире ее подругу и однокашника по музыкальному училищу. Его фамилию я даже не спрашивал. Какая мне разница. Я вообще думал, что его там уже и след простыл.

— След его простыл только сегодня.

Александр Борисович вкратце рассказал ему, в чем подозревается Серебров, после чего принялся составлять протокол. Сначала были записаны показания Шаргородского, а затем всех пятерых, имевших отношение к его похищению.

Завершив формальности, Турецкий еще раз предложил довести Валерия Антоновича до дома, но тот отказался. Чтобы снять нервное напряжение, ему хотелось побыть одному, пройтись. Его чувства можно было-легко понять, и, конечно, его отпустили восвояси.

Валерий Антонович вышел на улицу и очутился среди близких построек «спального» микрорайона. Ему было все равно, где сейчас оказаться. Он вернулся

из преисподней, из адских недр, и теперь ему хотелось продолжить движение. Ему вдруг припомнились первые курсы в аэроклубе — планеристов. Дождавшись «кучевку» — так они на профессиональном жаргоне называли облака, то есть своего рода горючее для планеров, — маленький ПО-2 поднимал аппарат метров на пятьсот, отцеплялся, и Валерий один, совершенно один долго парил на крыльях из дерева и полотна, ошалело крича пространству: «Лечу!», повизгивая не от страха — от удовольствия, когда планер попадал в воздушные ямы. Приземлившись, с нетерпением ожидал полета в следующее воскресенье. Вспомнил одну осеннюю поездку в Коктебель. Неожиданно начался такой сильный ураган, что аппараты могли сломаться, и все дружно оттащивали их в ближайший овраг, чтобы спасти от гибели...

Шаргородский подошел к автобусной остановке. Прочитав указатели, понял, что находится в районе метро «Отрадное». Рядом с ним остановились две молоденькие девчонки в форме стюардесс. Валерий Антонович слышал, как они бойко лопотали о специальной диете, об автоматической системе посадки, то есть обсуждали свои обычные дела. Потом девчонки, замахав руками, остановили машину. Шаргородский услышал, как те договариваются с водителем насчет поездки в Шереметьево. Валерий Антонович еле сдержал себя, чтобы не увязаться за ними.

Возле метро он купил в киоске телефонную карточку и позвонил лотерейщику. Видимо, тот еще спал и плохо соображал, что ему говорят. Шаргородскому пришлось повторить несколько раз, что свое предложение об откате он просит считать не более чем недоразумением.

В то время как Валерий Антонович разговаривал по телефону возле метро, Турецкий по-прежнему находился в квартире, где три дня держали похищенного, совершал последние формальности. В это время у него

зазвонил телефон. И по мере того как Александр Борисович слушал собеседника, лицо его становилось все более удивленным.

Глава 68

ДЛИННАЯ ДИСТАНЦИЯ

Валерий Шифман бежал трусцой по песчаному пляжу вдоль почти неподвижного в этот утренний час моря.

В Нитании он жил в многоквартирном доме, находящемся на высоком обрывистом берегу, и каждое утро спускался к морю, где делал зарядку. Серия гимнастических упражнений жарким летом завершалась купанием, а сейчас, когда море поостыло, пробежкой. Похолодание здесь воспринималось совершенно по-другому, не так, как в России. В Израиле при плюсе десяти люди надевают зимнюю одежду. В России при такой температуре молодежь щеголяла бы еще в рубашках.

Мысленно Шифман возвращался к позавчерашнему разговору с московским следователем. Видимо, обстановка в шоу-бизнесе криминализировалась настолько, что менты вновь вернулись к делам пятилетней давности. Он-то эмигрировал не из-за истории с Прыжковым. Он еще раньше решил уехать подальше от той чудовищной жизни, которую он вел на эстрадном **Олимпе**. А как он **начинал!** Есть что вспомнить! Окончив народное отделение музыкально-педагогического училища, Шифман сразу начал свою менеджерскую деятельность, причем с размахом — организовал феерическое шоу. Как это ему удалось пробить, он теперь и сам затруднился бы объяснить. Его **охватил** такой азарт, который вытеснил все другие мыслимые

и немыслимые интересы. На то время подготовка шоу стала способом его существования.

Раньше советская публика имела минимальное представление о том, что такое шоу. Предел фантазии постановщиков тогда ограничивался двумя фонариками и тремя воздушными шариками, похожими на презервативы. И вдруг — сцена, закрывающаяся двумя полусферами в виде земного шара; потом рабочие в считанные секунды меняли декорации. Перед зрителями возникали то подводный мир, то старый замок, то полевой стан. И при этом никаких гигантских смет — многое делалось на энтузиазме. Например, декорации, которые собирали бесплатно солдаты местной воинской части, обходились в четыре билета на премьеру. А Театр музкомедии одолжил несколько костюмов.

Много сумел организовать Шифман. Одного не мог добиться — площадки в Москве или в Ленинграде. Пришлось начинать с Краснодара. А там...

Работая в эмиграции, он понял, что российский шоу-бизнес развивается по тем же законам, что и западный. Однако последний — более цивилизованный. Там «гуляют» большие деньги, позволяющие удовлетворить запросы всех занятых в нем; там нет таких астрономических размеров коррупции и монополизации. А главная беда, что в России в шоу-бизнес проникает большое количество бизнесменов, далеких от творчества. И уж совсем странное явление исходит там из чиновничьих кабинетов: перекроем, запретим, уничтожим!

Все особенности подобных отношений учили завистники Шифмана, когда стало ясно, что его первое шоу ожидает грандиозный успех, что после Краснодара ему прямой путь в обе столицы: и в Петербург, и в Москву.

В один прекрасный день менеджера вызвали к следователю в областную прокуратуру. Там его арестовали

как особо опасного преступника — якобы он похитил у государства тридцать тысяч рублей, незаконно получив их как менеджер и как автор сценария. Собирались привлечь к уголовной ответственности по статье 93 «прим» — хищение в особо крупных размерах. Однако было поставлено условие — если концертная организация, штатным сотрудником которой состоял Шифман, внесет эти деньги, то он останется на свободе.

Самб собой, организация деньги платить не собиралась, и Шифман сидел в камере. Прокуратура прекрасно понимала, что никакого криминала в его действиях нет. Однако на сфабрикованное дело были затрачены государственные деньги, а значит, нужно всякими правдами и неправдами хотя бы частично вернуть их. Тут запуганный Шифман допустил ошибку — он внес в кассу прокуратуры свои кровно заработанные три тысячи. Если же подследственный возвращает деньги, он тем самым признает свою вину.

Тут уже сторонники Валерия мобилизовали свои усилия, наняли адвоката, который элементарно разрушил доводы обвинения. Ведь злопыхатели утверждали, что подготовленное им шоу было обыкновенным смешанным концертом и не могло считаться театрализованным представлением. Следовательно, ни менеджер, ни автор не могли получать от филармонии деньги.

В ходе судебного разбирательства выяснилось, что все компоненты театрального спектакля в представлении были и что никаких тридцати тысяч Шифман не получил, а заплатили ему в пять раз меньше. Дело закрыли за отсутствием состава преступления.

У Валерия сразу появилось желание уехать из страны, и удержало его лишь доброжелательное отношение многих знакомых и незнакомых людей, горой вставших на его защиту во время смехотворного судебного процесса. Шифмана и потом часто удивляло: почему подавляющее большинство российского насе-

ления замечательные и мудрые люди, а на верхушке, у власти, на руководящих должностях сидят главным образом подонки?! Эта загадка мучила его и по сей день.

Он остался, однако, помня все прелести пребывания за решеткой, стал предельно осторожен, избегал участия во всевозможных разбирательствах между эстрадными артистами и властью, которая неуклюже вмешивалась туда, куда надо и не надо. Чиновники по-прежнему гнули свою линию. Вдруг возьмут и ни с того ни с сего издадут распоряжение, чтобы восемьдесят процентов репертуара отдавалось исполнению песен, авторы которых являлись членами Союза композиторов. С этими песнями вообще доходило до курьезов. Одно время Шифману пришлось работать с вокально-инструментальным ансамблем «Пик надежды», который был чрезвычайно популярен, особенно среди молодежи. Например, они первыми на официальной сцене исполняли полузапрещенные в ту пору композиции «Битлз». Участникам «Пика надежды» приходилось вести постоянную борьбу с худсоветом, следящим за «идеологической выдержанностью» ансамбля. Артисты отстаивали свое право петь высокими голосами, носить длинные волосы, выступать в узких брюках, рубашках с жабо и двигаться по сцене, пританцовывая в такт музыке. Если все же какие-то провинности случались, то в качестве наказания их заставляли включать в репертуар песни советских композиторов.

Сколько похожих случаев вспомнил сейчас Шифман, делая утреннюю пробежку по берегу моря. На год загредел в тюрьму замечательный певец Гоша Метельский, — тут, кстати, не обошлось без Таньки Светловой.

Тогда Таньку обхаживал один партийный бонза, который обещал ей устроить звание заслуженной артистки. Она и терпела этого надутого старичка. Но естество берет свое — Танька познакомилась с осле-

питательным красавцем Гошей, а против него мало какой женщине удавалось устоять. Начался у них бешеный роман. У партийного лидера везде были свои люди расставлены, они-то и донесли ему о светлорювской страсти. Насколько Танька Гошу любила, настолько его этот бонза возненавидел. Вот и решил упечь популярного певца в тюрьму. Партийный ревнивец выделил специального человека, который должен был спровоцировать Метельского на скандал. Он изощренно преследовал певца всякими придирадками и оскорблениями, и в конце концов Гоша так отметелил провокатора, что на нем живого места не осталось.

А партиец продолжал иезуитски издеваться над Метельским. Гоша, отбывая срок, работал на стройке в маленьком городке Владимирской области. Благодаря своим связям партийный лидер приказал местным учительницам использовать эстрадную знаменитость в педагогических целях. По велению свыше они приходили туда со школьниками и говорили: «Смотрите, ребята. Раньше этот дядя пел песни, а теперь кладет кирпичи. В нашей стране перед законом все равны».

Что касается Таньки Светлорювой, она вскоре после того случая родила ребенка. Кто его отец — неизвестно. Как, впрочем, неизвестно и где ребенок. Говорят, она его подкинула. Вообще про Светлорюву Валерию Яковлевичу лишний раз вспоминать не хотелось. С ней связаны только неприятные эксцессы. Взять хотя бы тот концерт, когда погиб Прыжков. Не должна была Танька выступать последней, это же всем ясно. И как она умаслила постановщика, тоже ни для кого не секрет. А в результате произошла такая трагедия. Если Игорь и был виноват перед кем-либо в тот вечер, так это перед девушкой из Перми, которая впервые готовилась выступить в Москве. Похоже, сейчас следователи правильно разбираются в этом деле. Они подозревают, что Игорю отомстили. Не исключено. Помогавший ей готовиться к выступлениям парень, Андрей, очень трепетно относился к своей подруге.

Шифман почувствовал это еще при первом знакомстве. Тот с таким страстным восторгом говорил о том, какой у нее восхитительный голос, какие замечательные песни она сочиняет. Большого преувеличения в его словах не было, в дальнейшем все подтвердилось, однако по интонации можно понять — это говорил пылко влюбленный человек.

Последний раз он разговаривал с Андреем перед тем злополучным концертом, куда пригласил Наташу Козельскую с ее «Серебряным полетом». Не понравилось ему, что Серебров взял на себя режиссерские функции. В общем, Шифман был прав: есть постановщик программы, и все номера должны готовиться в соответствии с его концепцией. Это как в спорте: в каждой команде свой тренер, однако если игрок приглашен в сборную, то уже подчиняется тренеру сборной. Ничего не сказал тогда Андрей в ответ, но так взглянул на Шифмана, что стало ясно — этот парень может быть очень злым.

Валерий Яковлевич посмотрел направо, где заканчивалась цепочка белых фасадов домов. Он и не заметил, что сегодня пробежал больше обычного.

Развернувшись, Шифман потрусил в обратную сторону. Он бежал и думал об Андрее Сереброве. Интересно, где сейчас этот парень, чем занимается? Станет ли он терпеть положение, когда шоу-бизнес приватизируют ловкачи и проныры, а по-настоящему талантливый ребятам дорога на сцену будет закрыта?

Глава 69

1:0 В ПОЛЬЗУ ПРОКУРАТУРЫ

В прокуратуре все было куда как строже, чем в милиции. Двухэтажное здание окружено забором. Рядом с воротами, через которые проезжают машины, проходная, где возле телефона сидел старший лейте-

нант. При появлении Андрея он встал и вопросительно посмотрел на него.

— Мне нужно к прокурору или к следователю. Я пришел с повинной.

Оказалось, что старший лейтенант здесь не один. Из-за перегородки с висящими на ней шинелями появился худощавый капитан.

— С повинной, говорите? — спросил он. — Что же вы такого совершили, что вас на ночь глядя совесть замучила?

— Два убийства. — Андрей достал из кармана «Макарова» и положил его на стол рядом с телефоном.

Ему показалось, что при виде пистолета все вокруг пришло в движение. Старший лейтенант, взяв за ствол, вложил оружие в полиэтиленовый пакет. Капитан быстро набрал на телефоне три цифры:

— Алло, это проходная. Тут явился гражданин с повинной... Говорит, два... Оружие сдано... «Макаров»... — Он положил трубку и кивнул Андрею: — Идите к дежурному следователю.

Пропустив Сереброва вперед, капитан вывел его в маленький дворик. Пакет с пистолетом он держал в руках, словно ребенок новогодний подарок. Перед входом в здание спросил:

— У вас документы при себе есть?

— Да, паспорт.

Очередному часовому коротко бросил на ходу:

— Мы к Троекурову.

Вслед за капитаном Андрей вошел в приемную. За столом перед компьютером сидела молодая секретарша. Судя по тому, с каким азартом она двигала по коврику мышкой, не отрывая взгляд от экрана монитора, девушка была увлечена игрой.

— Вы посидите, — сказал капитан Андрею и прошел в следующую комнату. Через минуту он вышел уже без пистолета, жестом пригласил Сереброва в этот же кабинет.

За столом сидел молодой круглолицый человек в форме. Разговаривая, он ежеминутно поправлял пятак редкие длинные волосы, спадавшие ему на лоб. Это был дежурный следователь Троекуров.

Помнивший, о чем его спрашивали в милиции, Андрей сразу представился, дал следователю паспорт и рассказал про совершенные им убийства Прыжкова и Репиной. Говорил он в присутствии капитана и вызванной секретарши, которая вела протокол.

Троекуров спрашивал, в каком помещении были совершены убийства, как Андрею удалось уйти с места преступления. Поинтересовался, рассказывал ли он кому-нибудь об этом раньше. Узнав, что днем тот побывал в милиции, где ему и посоветовали идти в прокуратуру, не мог сдержать торжествующую улыбку, по-свойски подмигнул капитану. Долго выяснял, с кем и о чем Серебров там разговаривал.

— Все, что вы рассказали, отнюдь не является доказательством вашего преступления, — подвел следователь итог разговора. — Тут требуется тщательная проверка. Часто случается, что люди вынуждены брать на себя чужую вину — под угрозой или еще в силу каких-либо обстоятельств, например, выгораживают любимого человека. Но сегодняшнюю ночь вы проведете в камере.

В СИЗО прокуратуры Андрей пробыл до середины следующего дня. Утром Троекуров связался с Генеральной и выяснил, что оба дела сейчас расследует бригада Турецкого. Позвонил Александру Борисовичу, рассказал про арестованного.

— Ну наконец-то, — произнес «важняк». — Я уж думал, тот опять подался в бега.

Когда после оформления нужных бумаг Андрея повезли в Москву, Троекуров позвонил в отделение милиции Звездного городка знакомому майору.

— Ну что, Шабышев, прошляпил особо опасного преступника? — с затаенным злорадством спросил он.

— Какого? Кого ты имеешь в виду?

— Приходил же вчера к тебе с повинной убийца Репиной и Прыжкова.

— А-а, этот-то. Приходил. Чиканутый какой-то. Никого он не убивал.

— Представь себе, что убивал. И ствол есть.

— Ко мне-то он без ствола появился.

— И только поэтому ты посчитал, что это блеф. А где интуиция? Где тонкое милицееское чутье? 1: 0 в нашу пользу.

Троекуров подшучивал над своим давним знакомым, и все же майору было неприятно. Действительно, мог примазаться к громкому делу, задержать давно разыскиваемого преступника. Как его угораздило отпустить опасного зверя? Да еще посоветовать обратиться в прокуратуру! Теперь тем достанутся все лавры. А он должен дрожать, как бы начальство не узнало о его легкомысленности.

Глава 70

ПОЛЕТ

Когда Шаргородский пришел домой, Наталья нежилась в постели, просматривала газеты, где искала публикации о гастролях Большого театра. Отзывы были в высшей степени положительными, а в «Коммерсанте» упомянули и ее фамилию. Похвалили за Шемаханскую царицу в «Золотом петушке».

Услышав звук отпираемой двери, она соскочила с кровати и бросилась мужу на шею. Случилось то, чего Наталья боялась: Валерий Антонович сдержанно отвечал на ее поцелуи.

— Бедненький мой. Устал? Голоден? — задала она риторические вопросы. Шаргородский почти не знал, что такое усталость. А если и устал, то все равно не

признался бы. Что касается голода, то ясное дело, не из ресторана вернулся.

— Что тебе сделать? Яичницу будешь?

— Нет, хлебну кофе с бутербродами.

— Сейчас приготовлю, и поговорим.

Наташа в красной пижаме, разрисованной сердечками, пошла на кухню. Когда Валерий Антонович, сполоснувшись, вышел из ванной, стол был скромно сервирован. Поскольку обоих супругов давно не было дома, холодильник не ломился от изобилия. Нашлась только коробочка сыра «Виола», да из самолета Наталья прихватила неиспользованную нарезку колбасы и маленький бисквит. Вместо хлеба — финские хрустящие хлебцы, которые в последнее время усердно культивировала Наталья, считая, что в них меньше калорий.

Мрачный Валерий Антонович сделал несколько глотков кофе, после чего сказал:

— Наташа, по твоей милости я был поставлен в дурацкое положение.

— Я и сама оказалась в таком же, — парировала жена.

— Нет. Ты могла предвидеть ход событий. Я же был в полном недоумении. Кто такой Серебров? Какое он имеет к тебе отношение? Почему он оказался в моей квартире? Я уж не говорю про следователей, я даже перед похитителями выглядел простофилей. — Он сердито отодвинул недопитую чашку. — Теперь рассказывай. Пускай хоть задним числом узнаю, в чем замешана моя жена.

— Что рассказывать? — Как всегда в подобные моменты, когда муж чем-то недоволен, Наталья сделала вид, что обижена и вот-вот разрешится.

— Все выкладывай. Кто такой Серебров и почему он находился в моей квартире?

— Валера, я же предупредила тебя. Он друг моей хорошей знакомой и мой однокурсник по училищу.

— Это я помню. Но ты говорила, — повысил голос Валерий Антонович, — что они проживут в моей квартире несколько дней. На самом деле никакой приительницы там и в помине не было. А был и есть молодой человек, который в свое время наломал немало дров в Перми, а недавно застрелил известную певицу и теперь прячется от правосудия.

— Какую певицу? — пролепетала Наталья.

— Людмилу Репину. Это произошло 10 ноября, в День милиции, ее убили во время концерта.

— Первый раз слышу об этом. Меня же не было в Москве.

— Да, у тебя алиби, — криво усмехнулся Шаргородский. — А наш квартирант тем временем убил на правительственном концерте человека. Когда следовательно все это рассказал, у меня волосы встали дыбом. Никогда не чувствовал себя так погано.

— Может, это какая-то ошибка?

— Не мели вздор! Лучше скажи, откуда ты знаешь этого Сереброва.

— Но он правда мой однокурсник, очень талантливый вокалист. В «Пермской обители» мы занимались у одного преподавателя.

— Сколько лет прошло тех пор?! Ты уже работаешь в Большом театре. А он чем сейчас занимается?

— С ним случилось несчастье. Однажды зимой его ограбили и сильно избили, оставив без шапки на морозе. Он долго лечился, но не помогло — у него пропал голос. Не голос в смысле как голос человека, а голос как инструмент вокалиста. Поэтому сейчас он вертится в околomuзыкальной тусовке.

— В Москве?

— Да, недавно приехал в Москву. Подрабатывает по ночным клубам и дискотекам. В общем, типичный неудачник.

— Репину он за что убил?

— Ты меня спрашиваешь?! — возмутилась Наталья.

— Это же не мой знакомый.

— Он продюсировал девушку из «Пермской обители». Я была в полной уверенности в том, что они вдвоем поселятся в Звездном.

— Я тебя спрашивал, хорошо ли ты знаешь этого человека. Ты говорила, да, скромный, в высшей степени порядочный.

— Я имела в виду, что он ничего не украдет.

— Ага. Что ж, возможно, заповедь «не укради» твой приятель соблюдает. Но вот насчет «не убий»... — На лице Шаргородского появилась гримаса, должная выразить сомнение. — Кстати, его подозревают еще в одном убийстве. Был такой эстрадный певец Игорь Прыжков, погибший при схожих обстоятельствах. Похоже, это дело рук того же высокоталантливого воспитанника «Пермской обители».

На мгновение Наталье показалось, что она упадет в обморок. Собравшись с силами, она постаралась придать своему голосу если не спокойствие, то хотя бы равнодушие:

— Выходит, он настоящий маньяк.

— На этот вопрос мне ответить трудно. Я с ним не учился.

Наталья решила, что сейчас можно перейти в наступление:

— Почему ты говоришь таким тоном, словно я виновата в этих преступлениях! Или ты, чего доброго, ревнуешь меня к Андрею?!

Спокойно и жестко посмотрев на жену, Валерий Антонович ответил:

— Нет, Наташа. В том смысле, какой люди обычно придают таким словам, я тебя не ревную. Уверен, что этого человека ты не любишь. Объяснить, откуда у меня такая уверенность?

Понимая, что сейчас услышит нечто для себя не-

приятное, возможно, даже оскорбительное, но теряясь в догадках, какой ответ последует, она едва слышно прошептала:

— Объясни.

— Потому, Наташа, что ты вообще никого не любишь, кроме себя.

Она пристыженно молчала, сидела не шелохнувшись, словно боясь вызвать неосторожным движением гнев мужа. Шаргородский, поблагодарив за завтрак, встал и вышел в коридор. Одевшись, он бросил жене: «Пойду пройдуся» и, не дожидаясь ответа, вышел, в сердцах хлопнув дверью.

Наталья знала за ним привычку снимать стресс ходьбой. Чем сильнее он выбит из колеи, тем дольше будет ходить, прежде чем окончательно успокоится. Оно и к лучшему, что ушел. Побудет одна, ей есть о чем подумать. О, если бы она умела так же легко снимать напряжение, как муж!

Наталья ничком бросилась на незастеленную кровать. Неужели Андрей в самом деле убил Прыжкова?! Ведь писали, что Игорь случайно попал в себя из собственного пистолета. Неужели выяснилось, что его застрелил Андрей?! Если станут разбираться, ее, солистку Большого театра, могут вызвать в суд как свидетеля, чего очень не хотелось бы. Тогда ведь позора не оберешься, да и Шаргородский может узнать пикантные подробности из жизни супруги.

Словно давая выход переполнявшей ее злобе, Наталья засучила ногами. Вот ведь навязался на ее шею! Жалкий, ничемный человек, воплощенный неудачник. Скорей бы разбирательство осталось позади. Пусть его посадят в тюрьму, лишь бы она больше о нем ничего не слышала.

В это время Валерий Антонович быстро шагал по Садовому кольцу в сторону Смоленской площади. Среди огорчительных событий последних дней особенно неприятным было поистине восточное ковар-

ство Наташи. Тут даже неважно, сама ли она стала жертвой обмана или умышленно ввела в заблуждение мужа, поселив своего знакомого в Звездном городке. В любом случае по отношению к нему Наташа поступила гнусно, и осознание этого факта камнем лежало на его душе и лишало привычной легкости. Хотелось вырваться из-под этого гнета, и ему опять вспомнилось парение планера, полет над коктебельскими предгорьями. Вспомнились две юные стюардессы, встреченные утром на Алтуфьевском шоссе. Почти машинально подняв руку, он остановил машину и попросил водителя отвезти его в Домодедово. Решил: сяду на ближайший рейс и этим же самолетом вернусь в Москву.

Пластиковая карточка была при нем, поэтому в аэропорту Шаргородский получил через банкомат деньги. Можно представить себе удивление кассирши, когда у нее попросили билет на первый попавшийся рейс. Самолет летел в Пермь. Когда он оторвался от земли, Шаргородский обрадовался, словно ребенок. Через овал иллюминатора виднелось крыло с рулевой лопастью, на конце крыла мелко подрагивал разрядник. За облаками появилось голубое небо. Совершенно безупречная голубизна, ее равномерность не нарушало ничто, не видно, что летят, может, просто повисли в пространстве...

Рядом с ним сидела миниатюрная девушка в черной водолазке. Когда принесли еду, они разговорились. У его соседки оказалось редкое имя — Янина. Летом она неудачно поступала в Гнесинское училище. Домой не вернулась, в Москве выступала по клубам. Янина сама сочиняет песни. Наиболее удачные из них хотела предложить известным исполнителям, да это очень трудно. Благо, случайно встретила с одним земляком, Артуром, который помнил ее по музыкальному училищу, у них было шапочное знакомство. Тот перебрался в Москву, потому что у него есть давняя

любовница, она теперь солистка Большого театра. Артур показал песни Янины известной певице Людмиле Репиной. Та же самым наглым образом приписала их авторство себе. Правда, о покойнице грешно говорить плохо, а Репина недавно погибла — была застрелена прямо во время концерта во Дворце государственных торжеств, сразу после своего выступления.

— Мне не дали выразить себя, и больше я слышать не хочу о шоу-бизнесе, — призналась Янина. — Но песни не запретишь. Буду преподавать, а песни сочинять только для души.

Этим же самолетом Валерий Антонович сразу вернулся обратно. Он надеялся, что долгожданный полет поможет ему снять стресс. Но когда приближался к дому, понял — не получилось.

Глава 71

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

«Вот мы и встретились», — подумал Турецкий, с любопытством разглядывая сидевшего перед ним высокого худющего парня с нервическим лицом, в глазах которого не было страха перед неизбежным наказанием. В них сквозила граничащая с безразличием усталость, обычно возникающая после томительных переживаний.

Допрос начался с привычных формальностей: имя, дата рождения, место прописки. Паспорт и «Макаров» уже были переданы Турецкому, лежали перед ним на столе.

Потом допрос сошел с наезженной колеи. Александр Борисович подробно интересовался учебой Сереброва, отзывами преподавателей. Андрею было неловко пересказывать хвалебные слова о его пении,

которые в свое время говорил Иван Иванович. И Турецкий, которому Яковлев передал узанные им в Перми восторженные отклики, понял, что Серебров скромничает. Все же он долго спрашивал арестованного и про выступления, и про отклики прессы, узнавал про его соучеников. Андрею казалось, что следователь залезает в совершенно ненужные дебри, но тот по-прежнему допытывался про период его жизни, который предшествовал январской трагедии на пустыре.

Доставая из пачки сигарету, Александр Борисович спросил:

— Вы курите?

— Нет. С юности привык беречь горло. С тех пор по инерции... — Не договорив фразу до конца, Серебров с досадой махнул рукой. Пропавший голос — его неизбывная боль.

Допрос продолжался уже больше двух часов. Турецкому не хотелось первому начинать разговор про избиение. Андрей тоже избегал неприятной темы. Поэтому Александр Борисович решил быстро миновать ее, сказав:

— Нам уже известно, что натворили Дергач и его сообщники. Теперь вы расскажите о процедуре отщепления. Кто в ней участвовал?

Услышав неожиданный вопрос, Андрей огорчился. Одно дело доносить на себя и совсем другое топить при этом других. Он уже и думать забыл про Мишу из Балатова, с которым его познакомил Игорь Монахов. Где сейчас этот Миша? Где сейчас сам Игорь?

От следователя не укрылось замешательство Андрея. Это тоже было в порядке вещей — многим задержанным не хочется выдавать своих поделльников.

— Поставим вопрос иначе, — сказал Турецкий. — Лично вы участвовали в том избиении Дергачева, превратившем его в инвалида? Только не вздумайте наговаривать на себя, у вас и так грехов хватает.

— Сам я не участвовал.

— Ясно. То есть кого-то наняли, заплатив деньги. Сейчас на этом не будем заикливаться. Понадобится — вернемся. Какой образ жизни вы вели в то время?

— Я оформил в институте академический отпуск на год. А тем временем лечился, подрабатывал в местной газете, делая обзоры музыкальных новинок, помогал Ивану Ивановичу Кизилу.

— Почему через год вы не продолжили учебу в институте?

— К тому времени я практически перебрался в Москву и мне не хотелось возвращаться в Пермь.

— На какие заработки вы жили в Москве?

— На случайные.

— Подробней, пожалуйста.

— Работал в клубах и на дискотеках диджеем, занимался репетиторством, на жилье деньги присылали родители.

— Они знали ваш адрес?

— Разумеется, я им говорил. И один раз какие-то прихлебатели Дергачева пытались узнать у отца мой московский адрес. Но вы бы видели отца — громила. Бежали от него без оглядки.

— Мы тоже, простите за каламбур, забежали вперед. Остановились мы на вашем пребывании в Перми. В июле вы разгромили студию звукозаписи, принадлежавшую Ледовских. Что послужило причиной?

— В музыкальном училище была восхитительная певица — Наташа Козельская, моя хорошая подруга. Она не только вокалистка — сама сочиняет песни, пишет музыку и слова. Однажды Ледовских записал несколько ее песен. При этом не только не заплатил ей, но и пообещал, что дальше студии эти песни никуда не пойдут. Мол, это тренировочная запись, у них сейчас идет отладка оборудования. Каково же было наше удивление, когда мы через довольно короткое время случайно услышали эти песни. Оказалось, Ледовских сделал хороший альбом, однако фамилия Козельской

как исполнительницы и как автора на обложке не значилась. Я обошел много киосков, разговаривал с продавцами. Альбом продавался хорошо. Значит, Ледовских, обманув Наташу, зарабатывал большие деньги, а она не имела ровным счетом ничего. Это так возмутило меня, что я решил прекратить его пиратский бизнес.

— А вы разговаривали с ним на эту тему? Может, произошла типографская ошибка, может, он был готов заплатить Козельской гонорар.

— Нет, — ответил Андрей, понурился.

Уже было шесть часов, и Турецкий решил, что на сегодня расспросов хватит. Пусть арестованный придет в себя, все-таки он сильно возбужден переменами, произошедшими за последние сутки в его судьбе.

Вскоре после того как конвойный увел Сереброва, в дверь просунулась усатая голова Вячеслава Ивановича. Грязнов был в своем репертуаре: он безошибочно чувствует, когда кто-то из коллег устраивает передышку или закончил работу. Если ты занят, он в кабинет не заходит, но и в одиночестве побыть не даст. Турецкий только собрал портфель, приготовившись уходить, и вот тебе — здрасьте. Манеры у Вячеслава Ивановича неторопливые. Глядя на него, можно подумать, что никто его дома не ждет, поэтому он и не торопится. На самом деле его ждут не меньше, чем Турецкого.

— Ну что, везунок? — спросил Грязнов, поудобнее устраиваясь на стуле и закуривая. — Без единого выстрела?

— Я и сам удивлен. Был почти уверен, что преследователи Сереброва станут палить по собровцам почем зря. Но милиционеры, конечно, очень умело сработали.

— А этот?

Александр Иванович понял, что вопрос относится к Сереброву.

— У него был «Макаров». Он его безропотно принес

и сдал. Я этого парня еще не понял. Мы же мало разговаривали. Пока затронули лишь пермский период. Дергачева он «заказал».

— Кто бы сомневался.

— Я уж не стал сегодня допытываться про этих людей.

— О чем ты говоришь! — закипятился Грязнов. — Парню за два убийства грозит пожизненный срок, а ты еще попутно станешь выяснять, кого он подговорил избить человека. Если Дергач будет подавать иск, пускай пермское угро занимается. Ты не вздумай на это отвлекаться.

— Вот за что я тебя люблю, Слава, — улыбнулся Турецкий, — так это за то, что ты всегда найдешь утешительные слова.

— Да, я любую лень оправдаю, — подтвердил Грязнов.

— А если серьезно, — Александр Борисович пригладил шевелюру и почесал затылок, — у меня уже забрезжила мысль: что, если Дергача привлечь в качестве свидетеля?

— Оригинально. Колясочный инвалид. Ты к кому хочешь вызвать сочувствие?

— Как ни странно, к Сереброву.

— Саша, ты раньше времени такие прожекты не строй. Мне кажется, его сначала нужно будет отправить на экспертизу в институт Сербского.

Глава 72

«МАКАРОВ»

Сегодня приведенный на допрос Андрей Серебров выглядел более спокойным, чем накануне. Оно и понятно — явка с повинной требует титанических моральных усилий, приложив которые человек чувствует

безразличие к окружающей обстановке. Это напоминает состояние спортсмена, преодолевшего тяжелую дистанцию. Первое время из него можно веревки вить, он будет безропотно выполнять любые подсказки окружающих. Но, хорошенько отдохнув, опять превратится в человека со своим характером и будет действовать самостоятельно.

Период «бесхарактерности» самое милое дело для следователей. Тут из арестованного можно вытянуть много важных подробностей. Поэтому Турецкий отложил все другие дела, чтобы окончательно разобраться с убийствами Прыжковой и Репиной.

— Расскажите, каким образом вы попали за кулисы Дворца государственных торжеств 10 ноября 1999 года.

— Я приехал в Москву с Козельской как ее режиссер, и она включила меня в список участников концерта. Я и пошел.

— И взяли с собой пистолет. Зачем?

— Ой, с этим пистолетом сплошная нервозность. Я купил его, чтобы... — Андрей сделал небольшую заминку, и Турецкий понял, что ему не хочется проносить слово «пристрелить», — отомстить Дергачеву. Но мои товарищи отговорили это делать.

— Какие товарищи? Кто именно?

— А что — это имеет значение?

— Если я спрашиваю, значит, имеет.

— Многие отговаривали.

— Ой, Серебров, Серебров, — покачал головой Александр Борисович. — Пришли с повинной, я надеялся на чистосердечное признание, на содействие следствию. А вы пытаетесь убедить меня в том, что, купив пистолет, ходили и всем говорили, что собираетесь убить Дергачева. Так я и поверил. Сказали от силы одному человеку и то после долгих сомнений.

— Правильно, — неожиданно улыбнулся Андрей, пораженный прозорливостью следователя. — Сказал своему институтскому приятелю Игорю Монахову.

Неожиданно в кабинет вошел Меркулов. В отличие от Грязнова, появляющегося тут, стоило хозяину освободиться, Константин Дмитриевич заходил, когда у него выдавалось несколько свободных минут. Поэтому бывал здесь редко. Поздоровавшись, он сел на стуле возле окна, деликатно рассматривая задержанного.

Александр Борисович сказал Сереброву:

— Дальше все понятно. Монахов отговорил вас, предложив нанять каких-нибудь бандюг, которые сделают то же самое за деньги, и вы останетесь в безопасности. Если понадобится, к этому вернемся. Вы про пистолет продолжайте.

— Когда он мне не понадобился, я смотрел на него не как на оружие, а как на опасную обузу. По идее, выбросить нужно, но жалко — большие деньги потрачены. Оставлять где-нибудь — тоже опасно, да и где, своего дома у меня нет. Вот и таскал его с собой. И в Москву взял. Там я останавливался у своего дядьки. В чужом доме даже не знаешь, куда положить. Вот я и пришел с ним на концерт.

— То есть в некотором роде случайно? Направляясь во дворец, у вас не было конкретной цели — убить Прыжкова?

— Боже упаси! Я даже не знал, что он там будет.

Турецкий недоверчиво посмотрел на него:

— Вы что — афишу не читали?

— А там его фамилии не было.

— Почему?

— Не знаю. У меня эта афиша сохранилась. Я всегда вожу ее с собой.

«Потому что там впервые напечатана фамилия Козельской», — мысленно закончил за него Александр Борисович и спросил:

— Что произошло дальше?

— Когда во дворец приехал Прыжков, он со всеми разговаривал на повышенных тонах. С Козельской, со своим продюсером Шифманом. Потом Валерий Яков-

левич вышел из прыжковской гримуборной и сказал Наташе, что ее выступление отменяется, потому что ту же самую песню, которую собиралась петь она, будет исполнять Прыжков. Она подбежала ко мне вся в слезах, ее всю трясло... Тут меня охватила такая ненависть к Прыжкову, что передать трудно. Мы с Наташей долго стояли в коридоре, она постепенно успокаивалась, потом сказала, что пойдет переодеться и мы отправимся домой. В это время в том конце коридора, который ближе к сцене, я услышал непонятный шум и подошел туда... Попить можно?

Жалостливым жестом показав на часы, мол, время подпирает, Меркулов молча вышел из кабинета. Выпив мелкими глотками стакан воды, Андрей продолжил:

— Среди группы людей стоял разъяренный Прыжков с пистолетом в руках, а несколько человек пытались отобрать у него оружие. Он же совершенно потерял человеческий облик. Раскраснелся и, брызгая слюной, изрыгал проклятия. Не переставая обзывал всех и чудовищно матерился. Я понял, что кого-нибудь он сейчас застрелит. А кого бы он ни убил, этот человек лучше него. Потому что гнуснее Прыжкова представить кого-либо трудно. Наглый вор, хищник, животное, которое не имеет права на существование. От таких гадов все зло на земном шаре. Тогда я выхватил свой пистолет и выстрелил.

После своей горячей исповеди Андрей сразу снял, и Турецкий понял, что сегодня допрос лучше прекратить. После такого эмоционального выплеска арестованному необходимо поостыть, иначе путного разговора не получится.

Прежде чем дать подписать протокол, Александр Борисович достал из ящика стола деревянную фигурку олененка. Увидев свой талисман, Серебров не мог скрыть чувств. Сначала он удивился, а потом взгляд

его потеплел, ласковое выражение согрело глаза, неотступно смотревшие на подарок любимого учителя.

— Я так давно его потерял, что уже не надеялся увидеть, — произнес Андрей сдавленным голосом.

— Это, очевидно, тот самый талисман, который в свое время вручил вам Кизиллов.

— Да. Я верил, что он принесет мне удачу. Да и сейчас верю. Где его нашли?

— Нашли 10 ноября 1999 года в нескольких шагах от места гибели Прыжкова. А насчет удачи... — Турецкий задумался, подбирая слова. — Даже если вы откажетесь от своих показаний, этот талисман является уликой. Он свидетельствует против вас.

— Я не откажусь. А он мне дорог при любых обстоятельствах. Можно будет когда-нибудь получить его обратно?

— Суд решит.

Глава 73

КОРЕНЬ ЗЛА

Утром, едва Александр Борисович появился в главке, Меркулов пригласил его к себе.

— Видел я его вчера у тебя, — сказал Константин Дмитриевич. — Внешне совершенно нормальный человек, и вдруг два убийства. В чем же корень зла? Ты спрашивал, что послужило мотивом преступлений? Небось сказал: «Как будто разум помутился».

— Я так вопрос не формулировал. Но Серебров сам пытался это объяснить. Вчера мы говорили только про Прыжкова. Так вот, оказывается, еще до пресловутого спора на тему, кому из двух звезд выступать последним, произошел другой нешуточный конфликт. Прыжков довел до слез землячку и коллегу Сереброва — Наталью Козельскую.

— Ту самую?

— Да, которая сейчас поет в Большом театре. Тогда же девушка должна была впервые в жизни выступать в Москве. Можно представить, что это для нее значило. Она и поет, и сочиняет песни — слова, музыку. Прыжков без разрешения выучил ее песню и заявил, что будет исполнять в этом концерте. Поскольку одним и тем же произведением зрителей пичкать не принято, то Козельской выступить он не дал.

— А чего ради там распорядился Прыжков? — хмыкнул Меркулов. — Там же, наверное, был режиссер, который ставил программу.

— Ну, Прыжков звезда, человек со вздорным характером. С ним боялись связываться — вдруг взбрыкнет и откажется выступать. Поэтому он позволял себе подобные выходки.

— Значит, Серебров отомстил ему за нанесенную подруге обиду? То есть преступление, можно сказать, совершено на бытовой почве.

— Вроде того.

— И действовал он в состоянии аффекта.

Турецкий почесал затылок:

— Как ты сам прекрасно понимаешь, определить это может только психиатр. Эмоциональная буря несомненно имела место. Но является ли она аффектом в юридическом смысле слова и может ли смягчить наказание, сейчас говорить рано.

— Аффект может быть вызван вспышкой ярости, а может быть и патологическим, — тоном институтского преподавателя произнес Меркулов. — Мы же не знаем — вдруг у этого Сереброва белая горячка? Обязательно придется делать психиатрическую экспертизу. Стандартная экспертиза длится примерно месяц. Но Серебров — особая личность, со сложным характером. Уверяю тебя, его исследование нужно проводить как минимум два месяца.

— Попросту говоря, ты думаешь, что он психопат? — уточнил Александр Борисович.

— Да, причем страдает от своей «ненормальности». Поэтому и раскаивается.

— Как же тогда получилось, что через пять лет раскаивающийся грешник повторил преступление?

— Вот следствие и будет выяснять.

Сереброва привели к одиннадцати часам. Сегодня в его глазах не было такого пугающего фанатичного блеска, который появился к концу вчерашней исповеди. Взгляд был спокойным. Но чувствовалось, что спокойствие это напряженное, в любой момент настроение арестованного может метнуться в ту либо другую сторону, даже улучшиться. Однако при первых же словах следователя Андрей помрачнел и беспокойно заерзал на стуле. Это произошло после того, как Александр Борисович спросил, с кем Серебров уходил из дворца после убийства Прыжкова. Пришлось сказать, что с Наташей. Тогда следователь предупредил его о том, что к свидетелям, которые фигурировали в первом расследовании, придется добавить Козельскую.

— В момент выстрела ее не было за кулисами, — торопливо произнес Серебров. — Наташа переодевалась. Поэтому ей нечего вам рассказать.

Турецкий не стал объяснять, что в данном случае ему важно узнать, как вел себя убийца после преступления. Ведь они уходили из дворца вместе. Показания певицы могут помочь ему.

— Теперь расскажите про 10 ноября нынешнего года, про убийство Репиной. Начните с того, как вам удалось проникнуть за кулисы Дворца торжеств.

— Я нарушил контакт металлодетектора и в суматохе проскользнул мимо охраны.

Александр Борисовичу вспомнился бывший на-

чальник охраны Дворца государственных торжеств Самокатов. Буквально за один день после того случая молодежавый, пышущий здоровьем полковник, вынужденный уйти в отставку, превратился в страдальца с изборожденным морщинами лицом.

— А почему у вас было такое сильное стремление попасть во дворец именно в тот вечер?

— Я хотел поговорить с Репиной. Дело в том, что до этого она взяла у моей подопечной, Янины Муромцевой, три песни, обещав заплатить гонорар. А потом под всяческими предложениями отказывалась это сделать. Сначала грубила, потом просто бросала трубку.

— Может, она предпочитала поговорить непосредственно с автором, с Муромцевой?

— А я стал звонить, когда Янина отчаялась что-либо от нее добиться.

— То есть певица отказывалась платить, — конкретизировал Турецкий. — Вот вы назвали Муромцеву своей подопечной. Что скрывается за этим словом?

— Вы, наверное, думаете, она моя любовница.

— Боже упаси! — всплеснул руками Александр Борисович. — Вы продюсер Янины?

— Отчасти — да. Я немного занимался с ней вокалом, был ее бесплатным пиарщиком. Да и с Репиной познакомил на свою голову. Все начиналось хорошо, казалось, завяжется творческий союз, и вдруг Людмила Николаевна перестала общаться с Яниной, потом и со мной, стала избегать встреч. Я знал, что одиннадцатого числа она уезжает на длительные гастроли в Тюмень и Сургут. Поэтому мне ничего не оставалось делать, как попытаться поговорить с ней на концерте в День милиции.

— Удалось?

— Не сразу. То ей нужно было переодеться, то настроиться на выступление, то встретиться с журналистами. В конце концов, она подошла ко мне на две-три минуты.

— Вспомните, пожалуйста, содержание вашей беседы.

— Наверное, Репина думала, что за кулисами Дворца торжеств есть камеры слежения...

— Если бы, — вздохнул Турецкий. — Тогда бы вас поймали гораздо быстрее. Почему вы предположили про камеры?

— Потому что внешне она так приветливо разговаривала со мной, будто думала, что за ней следят. Улыбка не сходила с лица. Но слова были далеки от приветливых. Она ругала меня за посредничество и категорически отказалась платить. Мотивировала это тем, что все три песни Муромцевой ей совершенно не годятся, она проверяла их на публике, их принимали холодно и так далее. Ну, мне и крыть было нечем. Когда нет количественных критериев, все сводится к вкусовщине, и бесплодное обсуждение можно вести часами. Я и отстал от нее. Но беда в том, что после разговора с Репиной я не ушел из дворца, а остался послушать концерт. И когда выступала Людмила Николаевна, я был в шоке. Она исполнила три хорошо известные мне песни Янины, объявив автором слов и музыки себя. Тут уже в голове у меня помутилось. Я вспомнил старательную, трудолюбивую Янину, постоянно добивавшуюся совершенства своих песен. На это она не жалеет ни времени, ни сил. Вспомнил, как она, маленькая, худенькая, обивает пороги московских клубов, пытаюсь увлечь людей своим талантом. В тот момент ее я видел мысленно. А наяву передо мной стояла благополучная шоу-леди, как говорил Алешковский, с заплывшими от черной икры глазками, и чувствовал свое бессилие перед этой воплощенной наглостью, повсюду протягивающей свои многочисленные щупальца...

Андрей говорил, с каждым словом распаляясь все больше и больше. Сейчас он напоминал себя вчерашнего, торопящегося выложить собеседнику все, что

накипело на душе. Турецкий чувствовал, что речь Сереброва пронизана болью за всех людей, которые, не жалея времени и сил, жертвуя семьей, отдыхом, деньгами, развлечениями, целиком посвящают себя творчеству. Такие денно и ночью творят, не думая об успехе или неуспехе, игнорируя насмешки или упреки окружающих. Они уверены в том, что судьбой им велено творить, способны создать прекрасные произведения, а когда, поднявшись над суетой, они находятся на взлете, злая сила обламывает им крылья.

Турецкому припомнились фильмы о благородных одиночках, робин гудах наших дней. Отстаивая высшую справедливость, они лихо разделяются со всякой швалью, о которую обломало зубы официальное правосудие. В таких поделках присутствовала поучительная идея, но все-таки главной целью было пощекотать нервы зрителей. Все они казались надуманными, пусть даже искусно сделанными конструкциями. Турецкий не предполагал, что подобный борец за идею может встретиться наяву.

— Другими словами, Серебров, вы взяли на себя монопольное право вершить судьбы людей.

— Я хотел искоренить зло, выкорчевать его. Эти люди были неисправимы. Для чего существует весь мировой опыт, философия, литература, если на белом свете процветают подонки, унижающие и обкрадывающие других, мешающие им жить...

— Между прочим, — будто мимоходом сказал Турецкий, — вас тоже хотели убить.

Когда Андрея увели, Александру Борисовичу неожиданно позвонил Светличный, муж Репиной.

Случается, родственники пострадавших, особенно высокопоставленные особы, привыкшие к тому, что все им подчиняются, с первого дня регулярно донимают следователей звонками, интересуясь, поймали ли преступника. Светличный производил впечатление именно такого надоедливой типа. Однако Владимир

Георгиевич позвонил впервые за десять дней, прошедшие после гибели жены. Не вдаваясь в излишние подробности, Турецкий сказал ему, что подозреваемый задержан и уже дает признательные показания.

— Когда будет суд?

— До этого еще далеко. Мы отправим его на психиатрическую экспертизу, только потом я буду составлять обвинительное заключение, искать смягчающие обстоятельства.

— Неужели могут быть смягчающие обстоятельства? — удивился собеседник.

— Не исключено.

— Одноклассники Людмилы очень поддерживают меня трогательным отношением к ее памяти, — сообщил Светличный. — Я хотел установить на свои средства мраморное надгробие. Они сказали, что тоже желают участвовать, собрали деньги и нашли художника, который уже нарисовал эскиз памятника. Мне понравился. Там процитированы слова из ее песни «Осенняя элегия», которую Людмила впервые исполняла на том концерте. Самая последняя строфа:

**Затем, отринув сон и аппетит,
Пойдете вы, забывши про усталость.
И только вслед кукушка прокричит,
Что вам самим недолго уж осталось.**

Эпилог

Несмотря на большой объем работы, предварительное расследование было завершено быстро. Это произошло благодаря тому, что мучавшийся из-за своей вины Серебров всячески содействовал следствию. Теперь Турецкому оставалось написать обвинительное заключение, отдать его на подпись прокурору и направить дело в суд. Обычная процедура, которую часто совершал Александр Борисович, на этот раз безмерно тяготила следователя.

Чувство сопереживания обвиняемому охватывало его не впервые. Можно сказать, оно посещало Турецкого почти всегда. Разве уж попадался преступник, совсем потерявший человеческий облик. Только такие не вызывают жалости. Но подобные экземпляры, их сейчас называют отморозками, — редки. В основном находятся объективные обстоятельства, толкнувшие преступника на жестокость, зацепки, внушающие надежду на то, что наказание принесет ему в конце концов пользу. А уж с какими случаями приходилось сталкиваться Турецкому! Были и миллионные хищения, и серийные убийства, и немислимых размеров взятки, скажем, вагоном натуральных мехов.

А с шоу-бизнесом он имел дело впервые. Что же это за мир, который совершает с людьми немислимые метаморфозы, превращает нормального, воспитанно-

го человека в оголтелого охотника за славой, богатством, популярностью? В какой атмосфере нужно очутиться скромной провинциальной девушке, чтобы стать вдруг воровкой чужих песен? Почему выросший в центре Москвы мальчик, исправно посещавший музыкальную школу, трансформировался в дикаря, угрожающего людям заряженным пистолетом?

Александра Борисовича не оставляло ощущение, подобное тому, которое возникало, когда он читал судебные речи русских адвокатов. Там частенько напрашивался вывод, что все плохие: и совершившие преступление, и те, против кого оно направлено. Интересно, в какую сторону шагнуло общество за век-полтора? От каких причин стонут сейчас «униженные и оскорбленные»? Есть ли такие, которых раньше и в помине не было?

Подсев к компьютеру, Турецкий набрал на поисковой системе в Интернете слова «Преступления в российском шоу-бизнесе» и ахнул — перечисление сайтов занимает 257 страниц! И это в основном случаи, произошедшие в последние годы. А сколько их творилось в «докомпьютерную» эпоху! Александр Борисович вспомнил одну дальнюю родственницу, которая работала с известнейшей певицей Клавдией Шульженко. Так та рассказывала, как в конце 1925 года Клавдия Ивановна подписала свой первый эстрадный контракт. Это было сделано по предложению женщины, которая стала ее директором, режиссером и аккомпаниатором. Начинаящей певице пришлось по душе такое сотрудничество, она и в ус не дула. Однако вскоре неожиданно получила повестку в суд — ее вызывали как свидетельницу. Оказалось, бойкая дама забирала себе львиную долю гонораров Шульженко, и суд признал контракт недействительным.

Деньги, деньги, деньги. Александр Борисович вспомнил, как когда-то у них в главке на юбилейном

вечере выступал Кобзон. После концерта он принял участие в застолье. Турецкий оказался рядом с певцом, тот рассказывал тьму забавных историй из жизни эстрадников. Один из милиционеров оказался таким докой по части эстрады, что спросил:

— Иосиф Давыдович, почему о вашей интуиции ходят легенды?

Тогда Кобзон со смехом рассказал о том, как однажды находился на гастролях в среднеазиатской республике. Местный организатор выдавал артистам только суточные. А весь гонорар обещал заплатить перед последним концертом. И вот наступил последний день, вот-вот начнется концерт, а продюсера нет как нет. Кобзон за кулисами играл с трубачом в нарды и вдруг спокойно пошутил:

— Мне кажется, сейчас наш продюсер едет с нашими деньгами в аэропорт.

Через какое-то время он добавил:

— Мне кажется, наш продюсер собирается сбежать с нашими деньгами.

После того как Иосиф Давыдович сказал это в третий раз, музыканты позвонили знакомому местному жителю, тот связался с начальником милиции, и вскоре этот продюсер с полными портфелями денег был задержан в аэропорту.

— Вот с тех пор про мою интуицию и ходят легенды, — закончил Кобзон под общий смех присутствующих...

Раздался стук в дверь, и на пороге появился адвокат Гордеев. В свое время Юрий Петрович был следователем Генпрокуратуры и работал вместе с Турецким. Позже уволился по принципиальным соображениям. Однако это абсолютно не мешало ему поддерживать товарищеские отношения с прежними коллегами.

Иной раз Александр Борисович поставлял ему богатых клиентов. Однако на этот раз ситуация была противоположной — поскольку денег на адвоката у Серебров не было, его интересы в суде должен был представлять «бесплатный». Турецкий попросил Юрия Петровича взвалить на свои плечи эту обязанность. Дотошный Гордеев уже ознакомился с материалами дела и сейчас сыпанул соль на открытую рану следователя:

— Как подвигается обвинительное?

— Спроси что-нибудь полегче.

— Сочувствую. У меня этот Серебров тоже вызывает симпатию. Но два хладнокровных убийства... — Адвокат развел руки в стороны, мол, это ни в какие ворота не лезет.

— Юрий Петрович, ты сказал полторы фразы и уже допустил две ошибки. «Тоже вызывает симпатию», — процитировал Турецкий. — У кого он еще вызывает?

— У тебя.

— С чего ты взял?

— Чувствую.

— Ладно, в обратном убеждать не стану. Теперь второе — почему ты решил, что убийства хладнокровные?

Прошедшим летом Гордеев отпустил усы, и теперь у него появилась новая привычка: задумавшись, постоянно пощипывать двумя пальцами то одной руки, то другой кончики усов.

— Неужели Серебров раз в пять лет приходит в бешенство? — спросил он после паузы.

— Вспышка гнева. Не может же человек часто находиться в таком состоянии. Никакой организм не выдержит. Хотя бывает дрящущийся аффект. — Александр Борисович вспомнил свой недавний разговор с Меркуловым. — Патологический.

— Понимаю, что ты хочешь сказать. Но в данных ситуациях было логично, если бы в состоянии аффекта

пришла Муромцева, у которой украдены песни. Или Козельская, которую отстранили от выступления. Но Серебров-то эти факты непосредственно не задевали.

— Ты свои выводы формулируй не для меня, а для суда.

Они, не сговариваясь, поменялись ролями. Адвокат, которому на процессе придется защищать Андрея, сейчас пытался очернить его, стать в позицию обвинителя. Турецкий же, наоборот, старался в какой-то мере выгородить преступника. Они вели свой тренировочный диспут минут тридцать, распаляясь все больше и больше.

— Серебров очень переживал за друзей. Он мечтал о чистоте нравов в искусстве.

— Но всему ведь есть предел, Саша. Я понимаю, что Дергач мерзок, недостойн снисхождения. Но с него и взятки гладки — это малоразвитое существо.

— Правильно! А Серебров — высокоорганизованное, тонкая натура. Поэтому он и принимает отклонение от идеала близко к сердцу. Мстить за других отчасти даже почетнее, чем мстить за себя, за свои интересы. Тем более, когда речь идет о женщинах. — Александр Борисович помолчал. — Все же в том, что за убийство, совершенное в состоянии аффекта, предусмотрено менее строгое наказание, есть высшая справедливость.

— Ты отправишь его на психиатрическую экспертизу? — осторожно, словно боясь нанести преступнику вред невольной подсказкой, спросил Гордеев.

— Нет. Он не сумасшедший.

Когда адвокат ушел, Турецкий вновь принялся за обвинительное заключение. Он долго просматривал Уголовный кодекс, прежде чем остановился на статье 61 — обстоятельства, смягчающие наказание. Здесь его внимание привлекли три пункта. Первый из них, «д», звучал так: «...совершение преступления в

силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания». Избиение Дергача — это тяжелые обстоятельства, в остальном просматриваются мотивы сострадания. В пункте «з» говорилось о противоправности или аморальном поведении потерпевшего, явившегося поводом для преступления. Дергач и Ледовских, Репина и Прыжков — все тут не без греха. И наконец, пункт «и», который для облегчения участи хорошо бы зарубить на носу всем преступникам: явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников и розыску имущества, добытого в результате преступления. В смысле имущества Серебров чист, как слеза ребенка, — он только терял.

В следующей статье кодекса говорилось о том, что при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих срок наказания не может превышать трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания. Судьи найдут, как позолотить пилюлю, но Гордееву придется мобилизовать все свое недюжинное мастерство. Как ни крути, выходцу из «Пермской обители» предъявлено обвинение по статье 105 — «преднамеренное убийство».

Турецкому вдруг подумалось, что музыкальную «Пермскую обитель» можно сравнить с литературной «Пармской обителью» Стендаля не только по созвучию. Пять лет назад Андрей напоминал Фабрицио, который, отправляясь на поле Ватерлоо, был воодушевлен высоким и благородным порывом — хотел помочь освобождению своей родины. Но будучи романтиком до мозга костей, он не захотел принять теневых сторон той войны, ее грязи, крови, интриг. Жаждающий подвигов, заметных свершений, осуществления мечтаний о славе, юноша пережил полное крушение надежд. Отрезвляющие удары один за другим сыпались на его бедную голову. Пережив разочарование, он,

носивший на себе печать таланта, предался бессильной ярости.

Подобно тому как уроженца Пармы воодушевляла идея освобождения родины от врагов, юноша из Перми пытался очистить от скверны искусство.

Закрыв папку, Турецкий посмотрел на стандартную обложку со словами «Уголовное дело... Сереброва...». Будь его воля, он обозначил его по-другому: «Дело шоу-бизнеса».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Часть первая. Все ясно и просто</i>	9
<i>Часть вторая. На берегах Камы</i>	61
<i>Часть третья. Звезда первой величины</i>	102
<i>Часть четвертая. Кто поет последним</i>	149
<i>Часть пятая. Аванс за убийство</i>	184
<i>Часть шестая. По следу похитителей</i>	246
<i>Часть седьмая. Финишная прямая</i>	301
<i>Эпилог</i>	340